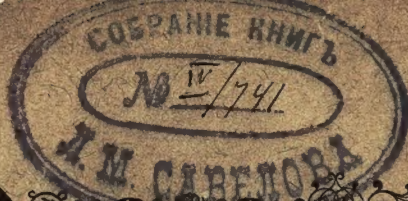

1877-78.

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

о дѣйствіяхъ

1 УЛАНСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

(нынѣ 2-го драгунскаго)

ПОЛКА

ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877—1878 г. г.

Составилъ
того же полка подполковникъ
Александръ Ивановъ.

РЖЕВЪ,
Типо-хромо-литографія А. М. Лосева.
1897.

Многоуважаемому

Леониду Михайловичу

Павлову

на добрую память

отъ составителя Эп-

тисокъ Ивановъ

8 Июня

1901 г.

г. Пятигорскъ

КРАТКІЯ ЗАПИСКИ

О ДѢЙСТВІЯХЪ

1 УЛАНСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

(НЫНѢ 2-го ДРАГУНСКАГО)

ПОЛКА.

ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877—1878 г.г.

СОСТАВИЛЪ
ТОГО ЖЕ ПОЛКА ПОДПОЛКОВНИКЪ
Александръ Ивановъ.

РЖЕВЪ
Типо-литографія А. М. Лосева
1897.

Печатано съ дозволенія начальства.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Передъ выступленіемъ полка въ военный походъ	1
Выступленіе изъ Ржева	3
Побѣгъ лошадей	4
Аванпосты на Дунаѣ	6
Вѣсть о паденіи Плевны. Зимница.	10
Переправа черезъ Дунай.	12
Встрѣча Государя Императора	14
Плевна	15
Задача возложенная на Имметлійскій отрядъ	19
Переходъ черезъ Балканы	23
Въ долинѣ Розъ	34
Сторожевая служба полка въ г. Казанлыкѣ.	36
Эски-Загра	40
Движеніе на Ени-Загру	42
Занятіе Ени-Загры	45
Выступленіе изъ Херманлы	47
4-ый эскадронъ на рекогносцировкѣ	50
Разгромъ обоза.	54
Городъ Мустафа-Паша	58
Депутація отъ города Адріанополя.	61
Набѣгъ на Адріанополь	63
Трехдневная стоянка въ Адріанополѣ.	71
Выступленіе изъ Адріанополя	77
3-ій эскадронъ на станціи Павлокіой.	79
Люле-Бургасъ	85
Встрѣча съ Лейбъ Гв. Уланскимъ полкомъ. Дѣло подъ г. Чорлу .	90
Перемиріе	96
Стоянка въ Арнауткіой	111
Городъ Селиври	113
Обратный походъ	114
Встрѣча Свѣтлаго Христова Воскресенія	117
Переправа черезъ р. Дунай.	120
Вступленіе въ Россію и прибытіе полка въ г. Ржевъ. . .	123

ПРИЛОЖЕНІЯ.

О Наградахъ	132
Списки	135
Диспозиція	—
Телеграмма	143

Приказы по дѣйствующей арміи.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1877—78 г.г.

Глава I.

Высочайшимъ Манифестомъ 12 Апрѣля 1877 г. была объявлена война Турціи и русскій мечъ снова обнажился на защиту единовѣрныхъ намъ народовъ, изнемогавшихъ подъ игомъ Ислама.

Передъ выступленіемъ полка въ военный походъ.

Еще до объявленія войны, основываясь на однихъ только слухахъ о предстоявшей Кампаніи, каждый изъ насъ уже создавалъ себѣ всевозможнаго рода планы походно-боевой жизни, поясняя себѣ всѣ какія только можно было предвидѣть дурныя и хорошія ея стороны, съ полнымъ убѣжденіемъ въ то, что тотчасъ же по открытіи Кампаніи, полкъ нашъ будетъ мобилизованъ и встанетъ въ ряды дѣйствующей Арміи.

Но вотъ война объявлена, а о походѣ нашего полка и помину не было.— Прошелъ Апрѣль, миновалъ Май, а Петербургскіе уланы попрежнему обречены сидѣть среди мирныхъ занятій и пробуждаться только благодаря газетамъ, при чтеніи которыхъ на душѣ каждаго становилось какъ-то еще тяжелѣе, изъ зависти къ товарищамъ въ походѣ и изъ негодованія на свое бездѣйствіе: тогдашнія

мирныя, однообразныя занятія положительно опротивѣли. Да и на самомъ дѣлѣ, какая-же могла быть охота заниматься рубкою чучелъ въ то время, когда другіе производили ту-же операцію надъ исконнимъ врагомъ.

Такъ кончился Іюнь и за тѣмъ полкъ выступилъ въ кампаментъ подъ г. Тверь; но тутъ показалось еще тошнѣе: невеселая стоянка, ежедневныя монотонныя ученья, досада,—все это вмѣстѣ приводило насъ въ полное уныніе. Къ тому-же пронесся слухъ, что Гвардія поздравлена съ походомъ, а нашъ полкъ, будто-бы, пойдетъ въ Петербургъ занимать разъѣзды.

Не видя никакой надежды побывать съ своимъ полкомъ за Дунаемъ, черезъ который такъ славно перелетѣлъ нашъ двухглавый Орелъ, многіе офицеры рѣшили уже просить о прикомандированіи ихъ къ частямъ, находившимся въ Турціи. (*) Но вотъ къ величайшему нашему счастію, Е. И. В. Великій Князь Главнокомандующій телеграммою отъ 2-го Августа поздравилъ 1-ю Кавалерійскую девизію съ походомъ: (Прилож. V).

Радостная вѣсть эта была объявлена полку 4 Августа. Нужно-ли говорить о восторгѣ, охватившемъ послѣ того всѣхъ чиновъ полка.

На другой-же день части дивизіи выступили изъ-подъ Твери и, по прибытіи на постоянныя квартиры, немедленно приступили къ мобилизаціи.

Работа въ полку живо закипѣла. Всевозможнаго рода распоряженія, слѣдовавшія однѣ за другими, быстро при-

(*) Такъ Ш. Ротм. Арсеньевъ зачисленъ былъ въ Болгарскую дружину, въ рядахъ которой и сдѣлалъ всю кампанію.

водились въ исполненіе, и уже къ 20 Августа полкъ былъ въ совершенной готовности.

На канунѣ выступленія 1-го эшелона, при многочисленномъ стеченіи публики, на городской площади былъ отслуженъ напутственный молебенъ, по окончаніи котораго обыватели г. Ржева поднесли полку икону Оковецкой Божіей Матери.

Тутъ-же на площади, за столами, переполненными явствами, всѣ нижніе чины полка съ особеннымъ гостепріимствомъ были угощаемы городскими жителями.

Г.г. офицеры приглашены были въ зданіе Городской Думы за роскошно приготовленный столъ. Во время завтрака, по провозглашеніи тоста за здоровье Государя Императора, сопровождавшагося долго неумолкаемымъ «ура», Командиромъ полка Полковникомъ Балкъ были предложены тосты за Главнокомандующаго и Его армію, представителей г. Ржева и, наконецъ, за благоденствіе всего города, въ которомъ полкъ простоялъ около 15 лѣтъ, пользуясь самыми дружескими отношеніями со стороны его гражданъ, выразившихъ, при проводахъ полка, свое радушіе и сердечность во всей ихъ полнотѣ. Завтракъ прошелъ среди оживленной братской бесѣды и окончился только къ вечеру.

Выступленіе изъ Ржева.

23 Августа, согласно маршрута, эскадроны выступили эшелонами по ж. д. до ст. Бирзула. Для дневокъ, варки пищи и проводки лошадей назначены были пункты: Осташково, Тверь, Москва, Тула, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Кременчугъ, Елисаветградъ.—На всемъ переѣздѣ по ж. д.,

гдѣ только приходилось полку останавливаться, народъ толпился и днемъ и ночью, встрѣчая и провожая съ обычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ всѣ части, направлявшімся въ дѣйствующую армію. Высадившись въ Бирзулѣ 3 Сентября и пробывъ здѣсь два дня, полкъ двинулся походнымъ порядкомъ и 14 числа вступилъ въ предѣлы Румыніи.

Никогда ни забыть того дня, когда мы переходили границу у м. Леово. Солдаты слѣзали съ коней, клали земные поклоны; у нѣкоторыхъ навертывались слезы: прощаясь съ родною землей, многіе брали небольшую горсть этой земли и, завязавши ее въ узелокъ, вѣшали себѣ на шею вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ. Стало-быть, если придется лечь на чужой сторонѣ, то хоть малостью, но быть прикрытымъ землей, на которой пришлось увидѣть свѣтъ Божій.... Лица у всѣхъ были серьезны и даже нѣсколько суровы. Но это продолжалось недолго; вскорѣ раздалась могучая русская пѣсня и уланы съ бубнами и кларнетами, какъ на пиръ, двигались путемъ дороженькой.

Переходя такимъ образомъ съ одной станціи на другую, 21 числа полкъ достигъ г. Фокшаны и тутъ задержанъ былъ до 28 Сентября по случаю побѣга съ бивака лошадей, совершившагося въ ночь на 23 число.

Побѣгъ лошадей.

Этотъ печальный случай произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Была дневка; Полкъ стоялъ бивакомъ за чертою города, въ раскинутыхъ палаткахъ, а лошади

были спутаны и привязаны на чумбурахъ къ вьючнымъ колышкамъ. Первая ночь прошла сравнительно покойно, хотя и сопряжена была съ частыми распутываніями ногъ лошадей изъ чумбурныхъ поводьевъ. Въ ночь передъ выступленіемъ подулъ сильный вѣтеръ, при проливномъ дождѣ, вслѣдствіе чего прозябшія лошади, стараясь стать задомъ къ вѣтру, вертѣлись, бились и, не смотря на то, что каждый солдатъ слѣдилъ за своимъ конемъ, лошади не успокоивались, продолжая путаться въ поводьяхъ, поминутно выдергивая колышки. Въ 12 часу ночи на правомъ флангѣ 1-го эскадрона сорвалось нѣсколько лошадей, и, почуя свободу, бросились по бивакy; остальные кони были такъ этимъ напуганы, что въ одинъ моментъ весь эскадронъ рванулся вслѣдъ за первыми, производя туже тревогу въ другихъ эскадронахъ и, такимъ образомъ, въ теченіи какихъ нибудь 4–5 минутъ бивакъ почти опустѣлъ. На мѣстѣ остались только 1½ взвода 2-го и лошадей по 10 въ прочихъ эскадронахъ; всѣ же остальныя табуномъ ринулись по шоссе къ г. Текучу, пренебрегая всѣми встрѣчавшимися на дорогѣ препятствіями.

Тотчасъ высланныя на оставшихся лашадяхъ разъѣзды, и пѣшія команды, темною ночью, при свѣтѣ фонарей, бросились на поиски.—Нѣсколько лошадей были найдены въ улицахъ города: однѣ стояли упершись головами въ заборы, другія лежали опрокинувшись въ канавахъ, а нѣкоторыя, наскочившія на фонарные столбы, тутъ-же на мѣстѣ убились.

Къ вечеру 23-го, разъѣзды начали подводить искалѣченныхъ бѣглецовъ; нѣсколько изъ нихъ пришли съ распо-

ротыми пахами и грудью и большинство съ протертыми до кости путовыми суставами; 8 лошадей попали подъ жел.-дорожный поѣздъ и двѣ опрокинулись съ моста въ рѣку; и только очень немногія вернулись цѣлыми и невредимыми. Много лошадей было поймано верстъ за 40 и подведены къ полку другими частями, слѣдовавшими также на Фокшаны.

Во время этой катастрофы 6 челов. нижнихъ чиновъ были сильно ушиблены и отправены въ госпиталь. О всемъ случившемся немедленно донесено было на Высочайшее Имя, и полку приказано было телеграммою Начальника дивизіи пріостановить дальнѣйшее движеніе до сбора лошадей, и за тѣмъ идти за драгунами, т. е. въ хвостѣ дивизіи.

Къ 26 числу поиски окончились, но о выступленіи полка и думать было нечего: половина его настоящей численности составляла пѣшая команда и лазаретъ съ больными лошадьми.— Положеніе было критическое; но благодаря опыту и практической дѣятельности полковаго ветеринара Кролевецкаго и усиленной заботливости всѣхъ чиновъ полка, много лошадей скоро поправилось и явилась возможность выступить изъ Фокшанъ въ составѣ до 10 рядовъ во взводахъ. Остальныя лошади велись въ поводу при конномъ лазаретѣ, гдѣ ихъ собралось около эскадрона.

Аванпосты на Дунаѣ.

4 Октября полкъ прибылъ на конечный пунктъ маршрута въ м. Будешти, гдѣ и вступилъ въ составъ Ко-

ларашскаго отряда, находившагося подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, на обязанности котораго лежала защита пространства по лѣвому берегу Дуная между озеромъ Гречиляръ и селеніемъ Стельника.

На долю Петербургскихъ уланъ выпало охраненіе раіона между г. Ольтеницею и оз. Гречиляръ, гдѣ и были расположены посты и секреты, содержавшіеся эскадронами по очереди. Вслѣдствіе проложенія ближайшаго пути между секретами, находившимися въ лѣсахъ ниже и выше крѣпости Силистріи, общее расположеніе аванпостовой линіи и распредѣленіе на ней войскъ было измѣнено, а потому 21 Октября полкъ перешолъ изъ Будешти въ Обелешти-Ноу, выдѣливъ эскадронъ № 3 въ Фунды-Сурляри для занятія линіи постовъ отъ д. Монастыри до Спанцова, а 1 го Ноября переведенъ былъ въ Ольтеницу на смѣну Московскихъ драгунъ, получившихъ приказаніе двинуться за Дунай.

Благодаря проведеннымъ здѣсь полутора мѣсяцамъ, при обстановкѣ почти мирнаго времени, больныя лошади окончательно выздоровѣли и матеріальная часть, пострадавшая при побѣгѣ лошадей, была приведена въ исправность. Но самое бездѣйствіе полка вновь породило во всѣхъ неудовольствіе. Обидно было считаться въ числѣ дѣйствующей арміи, стоя на Дунаѣ и не имѣя возможности побывать на другомъ его, турецкомъ, берегу; не слышать даже выстрѣловъ, уже не говоря о неизмѣримомъ желаніи каждаго испытать новыя, еще неизвѣданныя, ощущенія.

„Ужъ лучше-бъ совсѣмъ не трогали насъ изъ Россіи —говорили нѣкоторые,— а то загнали куда-то въ камыши!“ Да и, на самомъ дѣлѣ, нельзя было не жаловать-

ся: протащившись такую даль, и не быть, собственно говоря, нигдѣ, не сдѣлать ничего такого чѣмъ-бы можно было восполнить хотя уже и безъ того богатыя страницы исторіи полка,—по правдѣ сказать, было досадно. Отъ души позавидовали мы Московскимъ драгунамъ, которые, уходя къ переправѣ, смѣясь говорили про насъ, что мы остаемся караулить румынскихъ бабъ.—И справедливо: стоишь бывало на аванпостахъ и думаешь-какая нелегкая понесетъ сюда кого нибудь? Неужели турки вздумаютъ сдѣлать что нибудь въ родѣ высадки на нашъ берегъ, когда имъ только, только что въ пору удерживать натискъ нашихъ передовыхъ собратовъ. —Ну и, разумѣется, ходишь себѣ по берегу Дуная да любуешься, особенно ночью, его бурливыми водами, въ которыя свысока глядитъ красавица луна, освѣщая окрестность, покоющуюся въ объятіяхъ полнѣйшей тишины; такъ до смѣны, а тамъ опять въ хату. И выходило, что товарищи-драгуны въ правѣ были подтрунивать надъ нами.

Живя такимъ образомъ, Петербургскія уланы почти уже помирились съ мыслью о зимовкѣ въ Румыніи, какъ вдругъ, 14-го Ноября, было получено приказаніе двинуться къ переправѣ у Зимницы. По маршруту полкъ долженъ былъ слѣдовать подъ Плевну, и теперь уже никто изъ насъ не сомнѣвался въ близкой возможности испытать на себѣ громъ военной непогоды

Обрадованные этимъ, Петербургскіе уланы, 15 Ноября выступили изъ Ольтеницы, и слѣдуя чрезъ Фратешти на г. Александрію, 30 числа прибыли въ Зимницу.

Передвиженіе это совершалось довольно монотонно, съ

большими остановками, неизвѣстно чѣмъ вызывавшимися. Достаточно сказать, что разстояніе въ какихъ нибудь 150 верстахъ, полкъ тянулся двѣ недѣли. Ничего особеннаго за это время отмѣчать не приходится, кромѣ развѣ самодовольнаго чувства испытаннаго нами въ предвидѣніи скорой разлуки съ негостепріимными румынами, отношенія которыхъ къ русскимъ были вообще чрезвычайно странныя, не говоря уже про сердечность и душевную простоту, о которыхъ русскій человѣкъ привыкъ судить самъ-по-себѣ и среди которыхъ онъ родился и выросъ, но даже самая обыкновенная предупредительность со стороны румынъ встрѣчалась очень рѣдко. О дружелюбіи, конечно, и помину не было. Такъ зачастую приходилось получать отказъ въ пріобрѣтеніи, хотя-бы и за большія деньги, чего либо изъ прояизіи, а между тѣмъ во многихъ селеніяхъ замѣчалась большая зажиточность.

Или случалось такъ: видишь въ дому огонь, подходишь; но стоило только постучать въ дверь, чтобы огонь тотчасъ-же погасъ и на зовъ никто не появляется, а взамѣнъ того изъ избы доносилась ворчливая брань. И это дѣлалось румынами не то чтобы изъ боязни или опасенія, а просто по какому-то непонятному несочувствію къ намъ; а между тѣмъ объ отсутствіи уваженія въ этомъ народѣ къ русскимъ сказать нельзя. Часто можно было встрѣтить въ румынской хатѣ портретъ нашего Государя, пользовавшагося у румынъ большою популярностію. Изъ разговоровъ съ болѣе интеллигентными жителями было видно, что они на свои войска не особенно надѣются, потому что войска ихъ молодыя, неопытныя, что они будутъ только учиться у русскихъ, которые уже

теперь удивляютъ ихъ своей дисциплиной и выносливостію.

Вѣсть о паденіи Плевны.

Утромъ 29 Ноября на пути изъ г. Александріи въ Смерджу мы узнали, что знаменитая Плевна взята. Всѣ сняли шапки, перекрестились и громкое «ура» пронеслось по эскадронамъ. Радость была общая. У всѣхъ какъ будто свалилась какая то тяжесть. Въ то-же время каждому хотѣлось знать подробности этой новости. А гдѣ ихъ узнать?—Успокоившись не много отъ волновавшаго насъ чувства, офицеры стали высказывать различныя стратегическія и тактическія соображенія, много ихъ было высказано въ этотъ день. Были даже мысли объ окончаніи войны. Нетерпѣніе добраться до Зимницы, чтобы тамъ распросить поподробнѣе, росло все болѣе и болѣе, а тутъ, какъ на грѣхъ путь до Зимницы скученъ до безпредѣльности, и на частыя вопросы у встрѣчныхъ, далеколи-ли до цѣли, послѣдовательно слышится: 4, 3, 2 часа. Разстоянія въ Румыніи считаются часами ѣзды, но, за отсутствіемъ какой либо нормы для скорости, понятно, какая путаница выходитъ иногда изъ этого счета. Часто 2–3 часа ѣзды составляютъ въ дѣйствительности не болѣе ½ часа, а случается и наоборотѣ.

Зимница.

Но вотъ наконецъ показалась знакомая всѣмъ русскимъ, со дня знаменитой переправы, Зимница.

По своей внѣшности она очень походитъ на наши уѣздные города. Ближе къ Дунаю идетъ лучшая и единственная въ своемъ родѣ улица, на которой есть нѣсколько

хорошихъ домовъ съ большими садами. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ постройки становятся все хуже и хуже, въ концѣ концовъ ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ деревенскихъ лачугъ. Въ городѣ имѣются двѣ православныхъ церкви, изъ которыхъ одна совершенно ветхая. Улицы не мощеныя; вечернее освѣщеніе крайне скудное; непролазная грязь, крики и азартная игра чуть-ли не на улицѣ,—все это производило впечатлѣніе ужасное. На всемъ пространствѣ отъ границы до главнаго театра военныхъ дѣйствій это былъ единственный городъ, который не напоминая о войнѣ, представлялъ собою какой-то ярморочный, разгульный притонъ со всѣми его неприглядными сторонами. Находясь на главномъ пути въ тылу арміи, пунктъ этотъ сосредоточивалъ въ себѣ всѣ какъ жизненныя, такъ и боевыя артеріи дѣйствующей арміи. Не только самое мѣстечко Зимница, но и окрестности ея на громадномъ пространствѣ были заняты безчисленнымъ обозомъ; тутъ были и провіантскіе и военные запасы, и транспорты съ больными, войска и масса пришельцевъ разныхъ національностей, жаждавшихъ наживы, толпы погонщиковъ, жиды и маркитанты, собранные чуть-ли не со всего свѣта. Словомъ, это былъ безпорядочный лагерь Великаго Переселенія Народовъ, въ которомъ трудно было разобрать, кто куда направляется—одни за Дунай, другіе обратно. Особенно грустное впечатлѣніе производили стоны раненыхъ и умирающихъ, скопившихся тутъ послѣ взятія Плевны 28 Ноября. Тяжелая картина, откликъ войны—въ тылу арміи. Тамъ, впереди, въ пылу сраженій, захватывающихъ душу стремленіемъ къ побѣдѣ, стонъ умирающихъ не слышенъ, не виденъ потокъ багряной крови. Но сзади, въ тылу, гдѣ нѣтъ воодушевленія

борьбы, гдѣ омываются раны, гдѣ гаснутъ молодыя жизни,—тамъ понятенъ весь ужасъ войны, тамъ видна самая суровая, безжалостная ея сторона.

По приходѣ въ Зимницу, надо было разрѣшить самый важный вопросъ о пристанищѣ. Съ большимъ трудомъ полку удалось расположиться бивакомъ за чертою города. Офицерство разбрѣлось кто куда искать гостепріимства и только къ вечеру кое-какъ размѣстились по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ.—Начались опять разсужденія. Будетъ-ли зимній походъ или придется ждать весны?—вотъ вопросъ, который занималъ всѣхъ и каждаго и на который никто не давалъ мало-мальски удовлетворительнаго отвѣта. Трудно было предполагать, что совершится зимній переходъ черезъ Балканы, когда лѣтомъ такой переходъ былъ исполненъ со страшными усиліями войскъ и потому большинство склонно было думать, что до весны войска останутся на своихъ мѣстахъ. Но судьба судила иначе.

Переправа черезъ Дунай.

Переночевавъ въ Зимницѣ, полкъ утромъ 1 Декабря подошелъ къ мосту, чрезъ величественный Дунай, и тутъ, вслѣдствіе большаго скопленія обозовъ, принужденъ былъ простоять болѣе двухъ часовъ въ ожиданіи очереди для переправы. Этой остановкой воспользовались, чтобы отслужить напутственный молебенъ. Тепло и задушевно молились уланы Вседержителю, помышляя о томъ, что быть можетъ послѣдній разъ въ жизни приходится молиться при такой обстановкѣ.

Казалось-бы, что за время нашей довольно продол-

жительной аванпостовой службы на Дунаѣ, всѣ мы должны были-бы давно уже привыкнуть къ его бурливымъ волнамъ, но, въ данную минуту, глядя на эту многоводную рѣку, поглотившую столько жертвъ во время іюньской переправы,—сердце каждаго изъ насъ какъ-то особенно трепетно билось, причемъ неотступно гнѣздилась мысль о томъ— -удастся или нѣтъ перейти ее обратно Много говорилось о геройствѣ нашихъ передовыхъ отрядовъ во время первой переправы, а близскій осмотръ мѣста невольно вызывалъ вопросы: неужели здѣсь переправлялись наши войска? Неужели турки, покровительствуемые столь страшной силой своей позиціи, какою либо горстью людей немогли удержать здѣсь цѣлую армію? —

Дождавшись очереди, мы потянулись по мосту, предшествуемые полковымъ священникомъ Протоіереемъ Бѣлявскимъ, несшимъ образъ Печерской Божьей Матери, которымъ Кіевскій Митрополитъ Филоѳей благословилъ въ походъ 1-ю Кавалерійскую дивизію. Шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Изрѣдка шарахнутся въ сторону кони, испуганные набѣжавшею чрезъ плотъ пѣнистою волною, но сдерживаются людьми и опять дальше. Такъ, подвигаясь съ одной части моста на другія его части, соединяющія берега главныхъ рукавовъ Дуная и самаго русла, полкъ достигъ турецкаго берега, гдѣ, приложившись къ образу, сѣлъ на коней и двинулся въ г. Систово.—Нарядень издали г. Систовъ, расположенный по гористымъ склонамъ къ Дунаю. Но какъ мѣняется все вблизи! Грязныя, узкія, улицы; какъ-то слѣпленныя, скорѣе мазанки нежели дома; биткомъ набитыя лавки и кабаки, своеобразный крикъ и гамъ -- все тяжело до не-

возможности. Городъ этотъ привлекаетъ самое серьезное вниманіе еще и потому, что видя его въ первый разъ невольно всматриваешься въ окружающую его мѣстность для того, чтобы болѣе уяснить себѣ обстоятельства переправы. Предварительные вопросы хотя и знакомятъ съ нѣкоторыми деталями, но они не немогутъ дать никакого понятія о дѣйствительныхъ, невообразимыхъ затрудненіяхъ, которыя должны были встрѣтить войска въ овладѣніи громадными, почти отвѣсными высотами, прилегающими къ мѣсту переправы.—

Послѣ небольшой остановки въ Систовѣ полкъ двинулся къ мѣстечку Болгарени, куда и пришелъ уже поздно вечеромъ, а на другой день мы имѣли дневку, которую и провели въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Государя Императора, возвращавшагося въ Петербургъ. Каждый изъ насъ старался принарядиться, пообчиститься и принять болѣе или менѣе парадный видъ, чтобы какъ можно молодцоватѣе представиться своему Обожаемому Монарху. И, дѣйствително, благодаря тому, что къ данному времени люди за походъ не успѣли еще обноситься, выглядѣли превосходно, и кони были сыты, полкъ, сравнительно съ другими частями, имѣлъ даже щеголеватый видъ за который, при встрѣчѣ съ Государемъ, и удостоился Царскаго «спасибо» и высокомилостиваго названія «жениховъ.»

Встрѣча Государя Императора.

Выступивъ изъ Болгарени, 3 Декабря, по дорогѣ въ д. Порадимъ, полкъ, на половинѣ пути, издали еще замѣтивъ скачущій Царскій конвой, построился фронтомъ

къ дорогѣ и съ замираніемъ сердецъ сталъ ожидать проѣзда Императора, котораго большинство изъ насъ первый разъ въ жизни имѣло счастье видѣть. Трудно передать восторгъ, овладѣвшій нами, когда Его Величество, поровнявшись съ полкомъ и поздоровавшихъ отдѣльно съ каждымъ эскадрономъ, остановился передъ фронтомъ и, обращаясь къ Командиру полка Полковнику Балкъ, соизволилъ выразить ему свое Монаршее удовольствіе за видъ и содержаніе полка, назвавъ насъ женихами; послѣ чего, пожелавъ полку успѣха, Государь поѣхалъ далѣе. Въ отвѣтъ на Царственныя слова, неудержимое «рады стараться» вырвавшись изъ уланскихъ грудей перешло въ могучее «ура» неумолкавшее до тѣхъ поръ, пока экипажъ съ Императоромъ совершенно скрылся изъ глазъ нашихъ, наполненныхъ слезами восторга. Долго оставались уланы на мѣстѣ въ пріятномъ оцѣпененіе, глядя въ слѣдъ удалявшемуся Императору, и на конецъ двинулись къ д. Парадимъ (мѣсто только что оставленное Главною Квартирою) и вечеромъ прибыли въ д. Пелишатъ, недалеко отстоящую отъ Плевны. На слѣдующій день многіе изъ офицеровъ, пользуясь близостью разстоянія, поѣхали осматривать знаменитую Плевну, вѣсть о паденіи которой застала насъ, какъ сказано выше, на пути къ переправѣ черезъ Дунай.

Плевна.

Съ замираніемъ сердца приближались мы къ тѣмъ грознымъ твердынямъ, которыя такъ долго заставляли нашихъ держаться отъ нихъ въ почтительномъ разстояніи и затѣмъ взятіе которыхъ окуплено было неимовѣрными жертвами.

Странное впечатлѣніе производитъ первоначальный обзоръ этихъ мѣстъ. Кромѣ довольно крутыхъ подъемовъ на вершины холмовъ ничего сначала не замѣчаешь и не только чего-либо похожаго на крѣпость или укрѣпленный лагерь нѣтъ, а, напротивъ, удивляешься, отчего турки не укрѣпили эту естественную позицію сильнѣе. И только по внимательномъ и близкомъ осмотрѣ вершинъ начинаешь убѣждаться въ силѣ и крѣпости позиціи, которыя встрѣчались по всюду.

Лежащая въ котловинѣ Плевна представляетъ собою совершенный оазисъ, среди всей мѣстности, покрытой нѣсколькими линіями холмовъ, прорѣзанныхъ очень глубокими лощинами и расположенныхъ почти правильными концентрическими кругами, опоясывающими городъ. На всемъ пространствѣ отъ Сталевицъ до Пелишатъ вначалѣ лишь попадались голыя плодовыя деревья—а все остальное простанство на многое число десятинъ засѣяно сплошь кукурузою и виноградниками. Каждая вершина покрыта сильнымъ по размѣрамъ профиля укрѣпленіемъ съ прорѣзанными амбразурами. По сторонамъ укрѣпленій нарыто множество траншей, которыя служили и мѣстомъ жилища гарнизона. Особенно внушительны казались Кришинскія высоты. Вся площадь кругомъ ихъ была изборождена нашей осадной артиллеріею и усѣяна осколками гранатъ. Глядя на этихъ гигантовъ всецѣло сознаешь, что дѣло овладѣнія этой позиціей было по истинѣ геройское. Одинъ изъ редутовъ, осмотрѣнныхъ нами (Юнсъбей), помимо прочности постройки, поразилъ насъ своей чистотой какъ внутри, такъ и около него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пространство между двумя, близко лежащими,

редутами было усыпано сухими дубовыми листьями; въ самыхъ редутахъ были проложены дорожки, а вдоль линіи огня—плетни. Вправо отъ дороги изъ этихъ редутовъ въ Плевну находилось нѣсколько рядовъ шалашей, служившихъ, вѣроятно, для резервовъ, а можетъ быть и для горнизоновъ ближайшихъ редутовъ, которые подвергались непрерывному огню съ нашихъ батарей.—

Осмотрѣвъ на сколько было возможно нѣсколько укрѣпленій, мы двинулись по глубокому оврагу къ городу Плевнѣ. Живописно расположенный въ глубокой долинѣ рѣчки Гривицы, усѣянный небольшими садиками и отдѣльными высокими тонкими тополями, городъ съ перваго взгляда произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе, которое, однако, при входѣ въ него скоро исчезло. Наружная часть города была почти безлюдна: на дворахъ и на улицахъ валялись дохлыя кошки и скелеты рогатаго скота, объѣденные собаками. Многіе дома были прострѣлены гранатами, но слѣдовъ пожара не было замѣтно. Къ центру города постройки оказались лучше, но узкія улицы были покрыты застывшею грязью. Всѣ лавки были закрыты ставнями, за исключеніемъ хлѣбныхъ, около которыхъ тѣснились толпы солдатъ, успѣвшихъ, не смотря на короткое время, освоиться съ мѣстными порядками.

Не далеко отъ моста черезъ р. Видъ находился небольшой домикъ, въ которомъ раненый Османъ-Паша передалъ Генералу Гонецкому свою шпагу, сдаваясь на капитуляцію со всею своей арміей.

Верстахъ въ полуторыхъ отъ моста начинается поле сраженія 28 Ноября, растилающееся сначала въ видѣ

равнины, мѣстами покрытой кочками, а далѣе на С. З. поднимающееся къ нашей линіи обложенія. Поле это было, какъ намъ говорили, усѣяно тѣлами; теперь-же только кое-гдѣ валявшіяся патронныя сумы, шапки да осколки гранатъ и другія вещи свидѣтельствовали о только что происшедшихъ здѣсь кровавыхъ бояхъ. Надъ могилами убитыхъ возвышались насыпи, увѣнчанныя наскоро-сдѣланными деревянными крестами. При видѣ всего этого сердце болѣзненно сжималось и всѣ присутствовавшіе, обнаживъ головы и набожно крестясь, помянули борцевъ, положившихъ здѣсь животъ свой.

Окончивъ на этомъ объѣздъ, мы позднимъ вечеромъ вернулись въ д. Пелишатъ.—Не богатая постройками вообще и при томъ пострадавшая во время происходившаго здѣсь боя, деревня эта немогла вмѣстить полка и потому пришлось людямъ расположиться въ палаткахъ, а лошади стали на улицѣ кругомъ уцѣлѣвшихъ изгородей. Офицерство группами въ нѣсколько человѣкъ пріютилось въ землянкахъ, впервые испытывая лишенія походной жизни. Обнаружившійся же на другой день недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ и къ тому-же наступившая суровая зима съ выпавшимъ 6 Декабря глубокимъ снѣгомъ, разомъ поставили насъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Въ такомъ положеніи полкъ простоялъ здѣсь до 12 Декабря и затѣмъ перешелъ въ м. Ломецъ, подъ Троянъ, гдѣ въ теченіи шестидневной стоянки успѣлъ перековать всѣхъ лошадей на острые шипы и сдѣлать запасъ вьюковъ собственной импровизаціи, такъ какъ нашъ и безъ того неудобный, тяжелый, колесный обозъ, благодаря наступившей гололедицѣ не могъ уже слѣдовать за пол-

комъ и былъ отправленъ въ г. Ловчу.

Такъ какъ зима вступила уже въ полныя свои права, то трудно было помириться съ мыслею о продолженіи зимняго похода, а между тѣмъ все клонилось въ его пользу. Шипкинскій отрядъ началъ усиливаться войсками, прибывавшими изъ-подъ Плевны: корпусъ Радецкаго, ослабленный множествомъ больныхъ и раненыхъ, увеличился къ этому времени, чуть не вдвое. И въ этомъ не безъ основанія видѣли возможность и даже близость зимняго перехода черезъ Балканы. И, дѣйствительно, вскорѣ начались приготовленія къ этому походу, который своими результатами удивилъ весь міръ.

Мы же тѣмъ временемъ, оставаясь въ Ломцѣ, и, не имѣя никакихъ свѣдѣній о своей дальнѣйшей участи, стали уже готовиться къ Празднику Рождества Христова. По вскорѣ получено было приказаніе и нашей дивизіи сосредоточиться въ Габровѣ.

Выступивъ изъ Ломца и двигаясь не смотря на гололедицу, форсированнымъ маршемъ, полкъ 26 Декабря прибылъ къ мѣсту назначенія и вступилъ въ составъ Иметлійскаго отряда Генерала Скобелева 2-го, войска котораго тѣмъ временемъ находились уже въ горахъ.

Задача возложенная на Иметлійскій отрядъ (*).

Наступленіе русскихъ войскъ подъ начальствомъ Ген. Радецкаго противъ корпуса Весселя-Паши должно было происходить въ слѣдующихъ условіяхъ: 40 турецкихъ боталіоновъ съ 100 орудіями по отношенію нашихъ

(*) В. Сб. 1889 г., № 8.

наступавшихъ войскъ занимали центральное положеніе.— Вслѣдствіе крайней трудности, почти не возможности атаки ихъ съ фронта, со стороны шипкинскихъ позицій, рѣшенъ былъ стратегическій обходъ обоихъ фланговъ расположенія противника.

Турки располагались въ двухъ неравныхъ группахъ, при чемъ меньшая занимала горныя позиціи противъ фронта и фланговъ нашего шипкинскаго отряда, а большая группа стояла въ укрѣпленномъ Шейновскомъ лагерѣ.

Наши силы, назначенныя для дѣйствія противъ корпуса Веселя-Паши, заключались въ 55 боталіонахъ, 5 ротахъ саперъ, 8 дружинахъ Болгарскаго ополченія, 8 эскадроновъ, 13 сотняхъ, при 86 орудіяхъ (на шипкинской позиціи осталось 48 орудій.)

Изъ числа этихъ войскъ, 40 боталіоновъ, всѣ болгарскія дружины, вся конница и 38 орудій должны были составить двѣ обходныя колонны, перевалить Балканы, по тропамъ, занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ (и считавшимся зимою непроходимыми для значительныхъ отрядовъ съ артиллеріею) и ударить на турокъ съ Востока и Запада. Оставшіеся на шипкинской позиціи 15 баталіоновъ должны были принять участіе въ общей атакѣ турокъ, перейдя въ наступленіе у горы Св. Николая къ деревнѣ Шипкѣ, вдоль шоссе на Казанлыкъ.

Къ 24 Декабря авангарды обходныхъ колоннъ сосредоточились къ предстоявшимъ имъ одолѣть переваламъ. Съ этою цѣлью въ правой колоннѣ Ген. Скобелева 2-го было занято селеніе Топлашъ (у иметлійскаго прохода) а главныя ея силы были расположены въ Габровѣ.

Въ лѣвой колоннѣ Кн. Мирскаго, долженствовавшей слѣдовать черезъ Ханкіойскій перевалъ занята была деревня Радаевцы и главными силами ея города Травно и Дрѣново. Общее расположеніе войскъ захватывало площадь въ 200 кв. верстъ, при отсутствіи телеграфа.

Начавъ движеніе 24 Декабря, предполагалось, что колонны перевалятъ черезъ Балканы, и, въ теченіи 26 Декабря, сосредоточатся: лѣвая у д. Мангльша, а правая у д. Иметліи.

Общая атака турокъ съ обоихъ фланговъ и фронта назначена была на 27-е Декабря. Согласно предписанія Командира 8 Корпуса, отъ 23 Декабря, колонна Генерала Скобелева, получившая названіе „Иметлійскаго отряда“, должна была вечеромъ 24 числа начать движеніе отъ Топлаша, черезъ Балканы къ д. Иметліи, съ цѣлью занятія дер. Шипки. Указывалось, что для той-же цѣли направлена лѣвая колонна Князя Мирскаго изъ Травны на Сельце въ тылъ войскамъ, занимающимъ Шипку. Отрядъ Ген. Карцева, перейдя Балканы Троянскимъ переваломъ, долженъ былъ слѣдовать черезъ Карлово тоже къ Иметліи.

На основаніи этого предписанія Генераломъ Скобелевымъ отданы 24 Дек. приказы и диспозиція по иметлійскому отряду, опредѣлявшіе составъ отряда, порядокъ движенія, мѣры охраненія, мѣры для поддержанія внутренняго порядка, напоминанія о предстоящихъ трудностяхъ движенія и боя, указанія на значеніе успѣха для исхода всей кампаніи и проч.

Въ горячихъ, прочувствованныхъ строкахъ одного изъ

приказовъ Генералъ Скобелевъ приглашаетъ офицеровъ отряда быть крайне заботливыми о нижнихъ чинахъ, а въ трудныя минуты служить примѣромъ. Въ приказѣ говорится, что на массу дурно одѣтыхъ, болѣзненныхъ, изнуренныхъ дурною пищею солдатъ мало повліяетъ доблестная храбрость и присущая русскому офицерству способность самопожертвованія. Чѣмъ труднѣе условія похода, тѣмъ неустаннѣе, обширнѣе должна быть заботливость всѣхъ офицеровъ о солдатѣ Душевныя силы человѣка слишкомъ въ тѣсной связи съ физическою стороною его существованія, чтобы на войнѣ можно было не обращать вниманія на последнее. Солдатъ здоровый и сытый всегда пойдетъ охотно за офицеромъ въ бой. Наоборотъ: небрежное отношеніе начальниковъ къ матеріальному состоянію солдатъ заглушаетъ въ нихъ, какъ учитъ военная исторія, лучшія боевыя качества. Отсутствіе дисциплины, мародерство губили лучшія части. Дисциплина въ отрядѣ должна быть сохранена въ полной строгости. Всякое приказаніе начальника должно выполняться не только съ точностью, но и съ охотою. Для того, чтобы могущественно вліять на солдатъ и заслужить ихъ безграничное довѣріе и привязанность Генералъ Скобелевъ совѣтуетъ Начальникамъ частей и офицерамъ душею сблизиться съ своими подчиненными, возбуждать въ нижнихъ чинахъ сознательное отношеніе къ тому, что они дѣлаютъ, ибо только тотъ молодецъ, кто разумно исполняетъ то, что ему приказываютъ. Чѣмъ ближе будутъ офицеры къ солдатамъ, тѣмъ авторитетъ ихъ въ минуту опасности будетъ больше. Во всѣхъ боевыхъ арміяхъ, во всѣ времена, любовь, довѣріе обоюдная ласка солдатъ къ офицерамъ, офицеровъ-къ солдатамъ давали побѣду. Въ

концѣ Ген. Скобелевъ обращается къ офицерамъ, со слѣдующими словами: „убѣдите солдата на дѣлѣ, что въ бою вы сила,—и для васъ ничего не будетъ невозможнаго“.

Въ день выступленія въ горы во всѣхъ частяхъ отряда былъ прочитанъ слѣдующій, вылившійся изъ сердца, приказъ Генерала Скобелева:

„Намъ предстоитъ трудный подвигъ, достойный славы русскихъ знаменъ: сегодня мы начнемъ переходить черезъ Балканы съ артиллеріею безъ дорогъ, пробивая себѣ путь, въ виду непріятеля, черезъ глубокіе снѣговые сугробы. Насъ ожидаетъ въ горахъ турецкая армія Ахмета-Паши; она дерзаетъ преграждать намъ путь. Не забывайте, братцы, что намъ ввѣрена честь отечества, что за насъ теперь молится Царь-Освободитель и вся Россія. Отъ насъ ждутъ побѣды!

Да не смущаетъ васъ немногочисленность, ни стойкость, ни злоба враговъ. Наше дѣло святое и съ нами Богъ!“

Переходъ черезъ Балканы правой колонны.

Еще съ вечера 23 Декабря двѣ роты саперъ съ нѣсколькими уральскими казаками начали разработку дороги отъ Топлиша въ горы. За ними, 24 числа, двинулся авангардъ: 20 челов. уральскихъ казаковъ, стрѣлковый боталъонъ, Казанскаго полка и двѣ дружины болгаръ. Движеніе всѣхъ войскъ на перевалъ должно было совершаться непрерывно, но время выступленія каждой части, кромѣ головныхъ, еще не могло быть опредѣлено даже приблизительно.

Каждая часть встрѣчалась, осматривалась Генераломъ Скобелевымъ и провожалась напутственными словами. Солдаты отвѣчали свое обычное: „рады стараться," и въ отвѣтѣ ихъ звучали серьезныя ноты. Чувствовалось, что они сознають всю важность переживаемой ими минуты и вполнѣ приготовились къ ожидающимъ ихъ трудамъ и опасностямъ.

Головные люди, пробираясь гуськомъ, разбрасывали снѣгъ на двѣ стороны, образовывая такимъ образомъ тропу въ видѣ траншеи до сажени глубиною и только послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаянныхъ усилій въ борьбѣ со снѣгомъ и крутизною скатовъ, въ $6^1/_2$ часовъ утра головной отрядъ вышелъ, вѣрнѣе вползъ на Вѣтропольскую поляну; хвостъ-же авангарда подтянулся сюда лишь около 12 часовъ дня 25 числа. Такимъ образомъ шести — верстное разстояніе отъ Топлиша до этого пункта, составляя тяжелый форсированный маршъ, было пройдено авангардомъ въ теченіи 12 часовъ времени, при чемъ головная рота Казанцевъ непрерывно двигалась и работала въ продолженіи 17 часовъ. Припомнимъ, что этотъ короткій путь, представлялъ непрерывный подъемъ и что Вѣтропольская поляна имѣетъ превышеніе надъ Топлишемъ въ 2400 футъ.—

Войска Главныхъ силъ провели, такимъ образомъ, сочельникъ близь подъема на Балканы. Торжественная рождественская служба совершалась подъ открытымъ небомъ. Всѣ чины тѣсно окружили маленькіе столики, на которыхъ лежали крестъ, евангеліе и всѣ принадлежности для совершенія богослуженія. Вмѣсто 5 благословенныхъ хлѣбовъ взяты были 5 сухарей изъ хлѣба родной земли.

Звѣзды проливали свой кроткій свѣтъ на жарко молившихся воиновъ. Каждый передъ боемъ вспоминалъ дорогихъ и близкихъ его сердцу, зная, что и они въ то же самое время молились за нихъ на далекой родинѣ.

Настроеніе войскъ было торжественное.

Не смотря на наступившую ночь, офицеры и нижніе чины не ложились спать. Правда, что большинству уже и въ эту ночь возможно было прилечь только на снѣгу, при 10° морозѣ.—

Полученное извѣстіе о выходѣ головы авангарда на перевалъ безмѣрно обрадовало Генер. Скобелева; ему казалось, что если дальнѣйшее движеніе пойдетъ столь-же успѣшно, мы того-же 25 Декабря уже займемъ авангардомъ д. Иметлію.

Но надеждамъ о выходѣ въ Казанлыкскую долину въ этотъ день, какъ извѣстно, не суждено было осуществиться. Войска влѣзали на перевалы гораздо медленнѣе, чѣмъ можно было надѣяться, а головныя части отряда лишь послѣ работы всей ночи, только 26-го утромъ спустились на послѣдній уступъ Балканъ къ дер. Иметліи, гдѣ и были встрѣчены турками. Завязался горячій бой и только въ ночь съ 26 на 27-е отрядъ занялъ головными частями деревню Иметлію.

Петербургскій уланскій полкъ въ это время только что прибылъ, какъ уже сказано, изъ окрестностей Ловчи въ г. Габрово, и здѣсь получилъ приказаніе съ разсвѣтомъ 27-го выступить къ Топлишу и затѣмъ послѣ сдѣланнаго тутъ привала, двигаться въ горы вслѣдъ за пѣхотою.

Приготовленія къ переходу Балканъ были не длинны и заключались, главнымъ образомъ, въ распоряженіяхъ относительно продовольствія. На людей и лошадей были выданы галеты; взятъ запасъ спирта, чая, сахара и кислоты. Вьючныя лошади взяты въ ограниченномъ числѣ. Особенность перехода требовала имѣть съ собою самую незначительную часть имущества и потому пришлось ограничиться только тѣмъ, что было на себѣ и на сѣдлахъ.

Рѣдко у кого изъ офицеровъ была теплая одежда. Такъ пишущій эти строки, какъ и нѣкоторые другіе офицеры, отправился въ горы имѣя на себѣ фуфайку, мундиръ и гуттаперчевое (виксатиновое) пальто. Нечего и говорить объ ужасѣ, вслѣдствіе того испытанномъ ими на Балканахъ. Это станетъ понятно, если прибавить, что, во время движенія полка черезъ горы, морозъ былъ свыше 20°, при свистѣ рѣзкаго вѣтра.

Глава II.

Движеніе полка черезъ Балканы.

Переночевавъ на оледенѣломъ бивакѣ подъ Габровымъ, полки дивизіи, Драг Ул. и Казач. утромъ 27-го Декабря, выступили къ Топлишу и тутъ, по недоразумѣнію, оставались на привалѣ, по грудь въ снѣгу, до 7 часовъ вечера, когда было получено новое предписаніе Генерала-Радецкаго—поспѣшить переходомъ черезъ Балканы для принятія участія въ предполагавшемся на 28-е Декабря бою у д. Шипки.

Тотчасъ-же были сдѣланы распоряженія о ночномъ движеніи, несмотря на полученное свѣдѣніе, что на подъемѣ путь загроможденъ артиллеріею, а спускъ лошадей съ перевала возможенъ лишь только днемъ и при томъ на лямкахъ. И дѣйствительно,—изъ приводимаго ниже описанія движенія дивизіи видно будетъ какую тяжелую борьбу съ природою пришлось вынести полкамъ, чтобы одолѣть кручи Балкановъ, снѣгъ и бездорожье.

Въ 8 часовъ вечера Казачій полкъ во главѣ съ Начальникомъ дивизіи началъ подъемъ по проходу извѣстному подъ названіемъ „Зелено Древо“ или „Иметлійскій“. Впереди шли болгары–проводники, освѣщая тропу факелами. За казаками двинулись драгуны. Было уже 10 вечера когда Петербургскій полкъ тронулся отъ Топлиша. Наступившая темнота позволяла видѣть только слѣдъ вившейся тропы; всѣ-же остальные предметы невозможно было различать даже на самомъ близкомъ разстояніи.

Не смотря на протоптанную и болѣе или менѣе разработанную дорогу, части поднимались съ невѣроятными усиліями. Скоро страшная крутизна скатовъ заставила уланъ спѣшиться и вести лошадей въ поводу. Весьма крутой самъ по себѣ подъемъ представлялъ, кромѣ того, какъ-бы три уступа съ почти отвѣсными стѣнами; причемъ одинъ изъ уступовъ былъ совершенно загроможденъ засѣвшей въ снѣгу батареей, обходить которую пришлось ныряя по глыбокимъ сугробамъ. Помимо крутизны подъема движеніе затруднялось еще и тѣмъ, что на каждомъ шагу попадались то древесные корни, то огромные камни, натыкаясь на которые приходилось ежеминутно падать, скатываться назадъ и затѣмъ ощупью перелезать чрезъ нихъ

и перетаскивать коней. Въ темнотѣ всякое припятствіе казалось серьезнѣе. Паденіе каждаго человѣка, каждой лошади задерживало сзади идущихъ. Часто останавливались также потому, чтобы перевести духъ.

Не смотря на всѣ принимаемыя мѣры къ устраненію растягиванія частей, дивизія образовала одну длинную кишку въ одинъ конь. Послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, изнуреніе людей и лошадей дошло до крайности: офицеры и солдаты, ухватившись одни за гривы, другіе за путлища, а нѣкоторые просто за хвосты своихъ коней буквально волоклись за тощившими ихъ лошадьми. Во рту пересыхало, ноги отказывались служить, руки отекали отъ натуги. При этомъ неотвязчивая дремота тяготила людей еще болѣе, такъ что при безпрерывныхъ остановкахъ, какъ бы кратковременны онѣ ни были люди, уткнувшись въ снѣгъ, моментально засыпали. Надо было не мало усилій, чтобы ихъ разбудить и двинуть впередъ, а между тѣмъ непрерывный подъемъ становился все круче. Часто послѣ двухъ шаговъ впередъ, приходилось скатываться нѣсколько шаговъ назадъ. Ползли на верхъ, цѣпляясь за кусты, деревья, каменья. Взмыленные, усталые, кони храпѣли, падали на колѣни, вскакивали и вновь съ невѣроятными усиліями карабкались на кручу. Тѣмъ не менѣе благодаря общей энергіи всѣ трудности мало-по-малу преодолѣвались и эскадроны одинъ за другимъ вползали на перевалъ. Подымаясь такимъ образомъ среди непроницаемаго мрака, полкъ, едва передвигая ноги, добрался до высшей точки горы Чуфутъ лишь только къ 4-5 часамъ утра. Поднявшійся въ это время рѣзкій, пронизывающій до костей вѣтеръ и усилившаяся

стужа положительно леденили кровь. Бѣлье на всѣхъ бывшее мокрымъ отъ усилій, теперь застыло коломъ. Спиртъ, выдаваемый людямъ, наводилъ лишь сонъ и скорѣе способствовалъ отмороженію нежели согрѣванію. Настал моментъ полнаго отчаянія; и если-бъ не сердечность болгарской дружины, расположенной въ сторонѣ тропы, для охраненія нашего движенія,--радушно предложившей намъ свои мѣста вокругъ пылавшихъ костровъ, то можно съ увѣренностью сказать, что полку не обойтись-бы безъ крупныхъ жертвъ суроваго холода. Наши уланы бѣгали къ кострамъ по очереди и ложились къ огню такъ близко, что у многихъ прогорѣли шинели и фуражки. Офицерамъ и тутъ, не смотря на собственное отчаянное положеніе, приходилось, забывая о себѣ, заботиться о людяхъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія тишина въ колоннѣ увеличивалась: говорили шепотомъ, командовали въ полголоса, курить запрещалось. Пройдя первую обнаженную отъ лѣса вершину Чуфутъ, тропа на Иметлію около версты тянулась по карнизу въ обходъ второй вершины, при чемъ влѣво. къ сторонѣ турокъ шелъ обрывистый лѣсистый оврагъ, а справа подымалась гора крутою стѣною; рыхлый снѣгъ сползалъ съ корниза внизъ, дѣлая обвалы, что представляло не мало риску при движеніи въ темнотѣ, тѣмъ болѣе, что дорога, сливаясь со склономъ въ общую темную массу, шла зигзагами и на поворотахъ не иначе возможно было отличитъ ее какъ только ощупью.

Лишь только забрезжила утренняя заря, турки открыли артиллерійскій огонь по вытянувшемуся въ одну лошадь полку и, представлявшему, такимъ образомъ, для противника едва замѣтную, на подобіе нитки, цѣль. Снаряды

одинъ за другимъ то съ шумомъ прогудѣвъ надъ нашими головами, то падая у самыхъ ногъ, зарывались въ глубокій снѣгъ, благодаря чему, если и разрывались, то не причиняли полку никакого вреда. Очевидно стало, что попасть съ двухверстнаго разстоянія, отдѣлявшаго насъ отъ турокъ, въ узкую полоску дороги, было не легко. Миновавъ обстрѣливавшееся мѣсто, полкъ стянулся на площадкѣ, укрываясь отъ турокъ конусообразною горою. Долго не проходитъ непріятное ощущеніе, испытываемое при полетѣ и глухомъ разрывѣ съ разбрасываніемъ огромныхъ массъ снѣга, гранатъ

Находясь впервые подъ огнемъ, люди, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно стойко переносили турецкіе выстрѣлы, и только вначалѣ случалась замѣчать, какъ нѣкоторые пріостанавливались, невольно приклоняли головы, замирали на мѣстѣ и лищь послѣ разрыва снаряда рѣшались двигаться впередъ.

Отдохнувъ на площадки часа полтора, полкъ потянулся далѣе.

Кромѣ преградъ, представлявшихся на пути самою природою, движеніе затруднялось еще вьючнымъ обозомъ, попадавшимся почти на всемъ протяженіи спуска Въ двухъ верстахъ отъ горы Чуфутъ, на высотѣ около 3000 футовъ, безлѣсный отрогъ Болканъ раздѣляется на двѣ вѣтки, каждая длиною до 4-хъ верстъ, круто спускающіяся въ долину Тунджи. Эти двѣ вѣтки раздѣлены между собою глубокою, со скалистыми краями, котловиною и идущимъ отъ нее обрывистымъ оврагомъ. Тропа спускалась въ котловину и затѣмъ слѣдовала около

версты карнизомъ, восточнѣе упомянутого оврага. Спускъ въ котловину составлялъ самое трудное мѣсто всего пути, почему и получилъ названіе „Крутаго спуска". Онъ же составлялъ и самое опастное мѣсто пути, ибо допускалъ движеніе только одиночными людьми и весьма замѣдлялъ выходъ въ долину всей дивизіи. Съ вершины „Крутаго спуска" открывалась обширная снѣжная равнина. Деревни вырисовывались рѣзкими темными пятнами; но самой деревни Иметліи, занятой уже нашими войсками, видно не было: ее скрывали горы, у подножія которыхъ она расположена; за то весь Шейновскій лагерь былъ видѣнъ отсюда, какъ на ладони.—Еще на разсвѣтѣ тысячи выстрѣловъ, доносившихся изъ долины Тунджи въ горы, свидѣтельствовали намъ о происходившемъ жаркомъ дѣлѣ подъ Шейновымъ; они манили насъ къ себѣ и торопили переходъ нашъ тѣмъ болѣе, что согласно диспозиціи въ этотъ день полку предписывалось: тотчасъ по выходѣ изъ горъ направиться къ Шейнову съ цѣлью охраненіе праваго фланга общаго боеваго порядка, зорко слѣдя за всѣми движеніями противника. Но судьбѣ, какъ увидимъ ниже, не угодно было допустить Петербужцевъ къ участію въ этомъ славномъ бою: уланы, благодаря неправильной остановкѣ во Топлишѣ, опоздали.

Подойдя къ „Крутому спуску" и видя его ужасающую крутизну и длину (около 2-хъ верстъ, мы, въ первое время, не знали, съ чего начать и какъ приняться за спускъ. Каждому казался онъ невѣроятнымъ. Было уже 3 часа дня, когда тронулась голова колонны. Шагъ за шагомъ подвигался полкъ по глубокому оврагу при крутизнѣ спуска около 45°. Одни упираясь пиками, сколь-

зили отъ камня до камня, другіе, просто сидя скатывались до перваго препятствія, а тамъ опять дальше. Такъ одинъ за другимъ, образуя цѣлую вереницу, спускались уланы. Казалось-бы, что тутъ ужъ недошутокъ, но нашему солдату и горя мало. Увидитъ какъ товарищъ, споткнувшись катится внизъ, другой кричитъ ему; ,,ей, уланъ, остановись! торбу потерялъ!" или: ,,постой, поѣдемъ вмѣстѣ!", и самъ вслѣдъ за нимъ тѣмъ-же манеромъ. И это послужило началомъ общаго смѣха. А стоило начать одному, какъ другіе ужъ и подхватили, остроты посыпались. Горы и спуски забыты какъ будто ихъ и не было.

Лошади тоже скатывались какъ попало; многихъ изъ нихъ пришлось сталкивать съ обрыва силою, а нѣкоторыя были спущены на арканахъ; при чемъ однимъ концомъ веревки захватывалась лошадь, а другой ея конецъ забрасывался за дерево и постепенно вытравлялся. Были случаи ушибовъ, поломки вьюковъ, но въ общемъ все прошло благополучно.

Послѣднимъ въ этотъ день спустился № 3 эскадронъ, а 4-й, вслѣдствіе наступившей темноты, принужденъ былъ остаться ночевать въ ущельѣ и только утромъ 29-го присоединился къ полку. Спустившіеся съ горъ три эскадрона лишь къ 9 часамъ вечера собрались у д. Иметліи и тутъ, вмѣстѣ съ драгунами, расположились бивакомъ, опоздавъ, такимъ образомъ, въ сраженіе этого дня, увѣнчавшееся плененіемъ Шипкинской арміи.

Ночлегъ 4-го эскадрона въ ущельѣ ,,Крутаго спуска" носилъ какой-то фонтастическій характеръ. Наступила

ночь. Страшно было подъ покровомъ сѣраго неба въ узкомъ заброшенномъ ущельѣ, запертомъ громадными утесами и доступномъ только орламъ. Такимъ ничтожнымъ казался человѣкъ среди этой грозной величавой природы. Вѣтеръ, порывисто бросавшійся то въ одну, то въ другую сторону, гудѣлъ, унося съ собою снѣгъ, дымъ и искры отъ сложенныхъ изъ сырыхъ сучьевъ костровъ; рѣдкія дубовыя деревья, принявшія какія-то таинственныя формы, какъ бы скорченныя отъ холода и покрытыя снѣгомъ; наконецъ, почернѣвшія отъ дыма, усталыя лица солдатъ, все это въ совокупности навѣрное дало-бы иному игривому воображенію возможность наполнить воздухъ ущелья разными привидѣніями и духами надземнаго и подземнаго царствъ. Но уланамъ было не до того: обезсиленные непрерывнымъ движеніемъ, они, утоливъ лишь жажду растопленнымъ въ котелкахъ, съ заваркою чая, снѣгомъ и, отказавшись отъ единственной имѣвшейся при себѣ пищи—галетъ и гороховыхъ консервовъ, полегли, что называется костьми, и только на разсвѣтѣ поднялись, что-бы начать спускъ въ долину Тунджи.

Такимъ образомъ переходъ отъ Топлиша до Иметліи въ 16 верстъ (см. прилож.) тремя эскадронами полка былъ сдѣланъ въ теченіи около 24 часовъ, безъ большаго привала. А если къ этому прибавить и часы, потраченные на спускъ 4-го эскадрона, то время употребленное полкомъ на переходъ черезъ Балканы выразилось-бы 26–27 часами. Значительная часть этого времени пошла на преодолѣваніе „Крутаго спуска".

Приведенное здѣсь описаніе сверхъестественныхъ усилій, перенесенныхъ полкомъ при переходѣ Балканъ, совер-

шенно блѣднѣетъ передъ дѣйствительностью, воспроизвесть которую, въ сущности, не въ силахъ даже самое пылкое воображеніе.

Труды, вызванные этимъ переходомъ, могутъ быть понятны только очевидцу; но съ Божьей помощью, благодаря полному воодушевленію и глубокому сознанію долга всѣхъ чиновъ полка, онъ былъ исполненъ безъ отсталыхъ и потерь въ лошадяхъ.

Насколько мало было вѣроятія въ переходѣ дивизіи черезъ Балканы по Иметлійской тропѣ, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая выдержка изъ приказа по Авангарду Дѣйствующей Арміи за № 37:

„...... Переходъ черезъ горныя тропы Балканъ въ суровую зиму, черезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой пѣхотѣ,—О содѣйствіи же кавалеріи никто изъ насъ и не думалъ".

Въ долинѣ Розъ.

Выше было замѣчено, что Петербургскимъ уланамъ не суждено было принять участіе въ бою подъ Шейновымъ, вслѣдствіе неправильной остановки Полковъ дивизіи въ Топлинѣ. Остановка эта произошла по недоразумѣнію и длилась до вечера 27 числа.

Благодаря этому обстоятельству Петербургскій полкъ, находясь въ хвостѣ колонны двинулся въ горы лишь въ 10 часовъ, и въ Иметлію. не смотря на полную удачу въ борьбѣ съ суровою природою и бездрожью Балканъ, не могъ прибыть раньше вечера 28 декабря, когда уже

пали и Шейново Шипка. Такимъ образомъ уланамъ довелось лишь только съ завистью посмотрѣть на боевыхъ товарищей пѣхотинцевъ и донцовъ, утиравшихъ, послѣ только что оконченной ими горячей работы, потъ съ своихъ суровыхъ лицъ.

Ночь на 29-е число провели у деревни Иметли бивачно въ виду сдавшейся въ плѣнъ турецкой арміи.

Поле сраженія еще не было убрано, когда полкъ рано утромъ 29-го подошелъ къ Шейновскому лагерю. Здѣсь Командиръ 8-го корпуса Генералъ Радецкій, объѣзжая войска и поздравляя съ побѣдою, пожаловалъ отъ имени Главнокомандующаго по 5 знаковъ отличія Военнаго ордена на каждый эскадронъ, за молодецкій переходъ Балканъ.

Во время нашей остановки въ Шейновской рощѣ, по личному предложенію Генерала Скобелева мы были приняты Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ и накормлены всѣмъ что только было найдено имъ въ турецкомъ лагерѣ, гдѣ радушные Угличане были уже полными хозяевами. Это братское раздѣленіе трапезы было предложено намъ какъ разъ въ то время, когда у насъ не было даже сухарей, чтобы утолить голодъ.

Офицерство было разобрано по ротамъ, и тутъ совмѣстное празднованіе вчерашней побѣды проявилось во всю ширь русской натуры; откуда что взялось: и жареная баранина, и бѣлыя турецкія галеты, и вино, и сласти. И если бъ только не окружавшая насъ картина смерти, свидѣтельстовавшая на каждомъ шагу о происходившемъ здѣсь на канунѣ, то можно было-бы подумать, что мы какъ нарочно собрались здѣсь на пиръ.

Весело было на душѣ каждаго въ этотъ знаменательный день. Сама природа, какъ-бы участвуя въ нашемъ торжествѣ, рѣзко перемѣнивъ температуру воздуха, проливала на долину Тунджи благодѣтельные солнечные лучи. Бесѣдуя съ товарищами -пѣхотинцами, мы не мало наслушались о геройскихъ подвигахъ нашего отряда при взятіи Шейнова и Шипки. Разсказы Угличанъ о славномъ дѣлѣ задорили уланскіе сердца и заставляли насъ еще болѣе сожалѣть о нашемъ несвоевременномъ прибытіи къ полю сраженія.—

Были уже сумерки когда мы разстались съ гостепріимнымъ Углицкимъ полкомъ и выступили изъ Шейнова въ г. Казанлыкъ, занятый уже 4-ой стрѣлковой бригадой.

Сторожевая служба полка въ г. Казанлыкѣ.

Тотчасъ-же по прибытіи въ Казанлыкъ, отъ полка выславъ былъ 1-й дивизіонъ подъ начальствомъ Полковника Кріушенко 1-го на смѣну сотень 24-го Донскаго Казачьяго полка, занимавшихъ линіи постовъ отъ Манглына до Чангарлы и высланы разъѣзды къ сторонѣ Эски—Загры и Алагезу.

Нелегко было произвести смѣну постовъ темною ночью и при томъ на мѣстности совершенно незнакомой. Долго блуждалъ дивизіонъ, пока разыскивалъ казачьи пикеты и лишь къ разсвѣту могъ установить линію охраненія.

Всю ночь, по свидѣтельству Командира 2-го эскадрона Маіора Роговскаго, разъѣзды то и дѣло приводили по нѣсколько человѣкъ пѣшихъ турокъ, бѣжавшихъ 27-го

Декабря изъ Шипкинской арміи. Число этихъ дезертировъ, требовавшихъ большаго расхода уланъ для конвоированія ихъ въ г. Казанлыкъ, было такъ велико, что наконецъ не стали обращать на нихъ вниманія, а только обезоруживали.

Утромъ 30-го Декабря на посты заступили 3 и 4 эскадроны съ Подполковникомъ Кріушенко 2-мъ Дивизіону этому пришлось значительно измѣнить занятую ночью линію охраненія, выдвинувшись впередъ.

Не смотря на успокоительныя донесенія разъѣздовъ, нравственное напряженіе постовъ доходило до крайности, въ особенности по ночамъ, когда каждый шорохъ, каждый звукъ, каждый кустъ заставляли людей прислушиваться и вглядываться. Дочего обманчива бываетъ иногда окружающая ночная обстановка, можно судить по слѣдующимъ довольно забавнымъ эпизодамъ.

Одинъ изъ разъѣздовъ 4 эскадрона, отойдя отъ цѣпи постовъ по эски-загрской дорогѣ версты двѣ, былъ остановленъ вернувшимся головнымъ уланомъ, торопливо доложившимъ, что близь дороги подъ дубами стоитъ болѣе взвода черкесовъ. Желая провѣрить это свѣдѣніе, начальникъ разъѣзда двинулся самъ къ указанному мѣсту и дѣйствительно увидѣлъ черную шевелившуюся массу, подробность которой при слабомъ лунномъ свѣтѣ различить не было возможности. Убѣдившись лично въ видѣнномъ, онъ готовился уже послать донесеніе, какъ вслѣдъ за тѣмъ обнаружилось, что масса эта была ничто иное, какъ нѣсколько штукъ столпившихъ буйволовъ, вѣроятно, покинутыхъ бѣжавшими жителями.

Не мало посмѣявшись надъ этимъ, разъѣздъ продолжалъ свой путь.

Другой случай, едва не окончившійся катастрофой, произошелъ на разсвѣтѣ той-же ночи съ двумя разъѣздами 4-го же эскадрона, изъ коихъ одинъ былъ офицерскій, другой руководимый самимъ эскадроннымъ командиромъ. Дѣло было такъ: Маіоръ Искандеръ-Бекъ, желая лично провѣрить бдительность постовъ, выдвинулся съ нѣсколькими уланами за флангъ нашей линіи, къ сторонѣ противника, съ тѣмъ чтобы оттуда начать повѣрку Въ это время разъѣздъ Поручика Иванова, пробираясь черезъ рѣдкую дубовую рощу, со стороны Малыхъ Балканъ и огибая лѣвый флангъ цѣпи, возвращался въ Манглышъ.

Непредугадывая присутствія Маіора Искандера внѣ фланга постовъ, а тотъ въ свою очередь полагалъ что офицерскій разъѣздъ, по разсчету времени, уже возвратился, обѣ стороны, не смотря на короткое разстояніе бывшее между ними, принявъ своихъ за турокъ, обнажили сабли и уже готовы были броситься другъ на друга, но, благодаря своеобразному выговору и голосу командира эскадрона, признанному разъѣздомъ при окликѣ его, столкновеніе, къ счастью, не произошло.

30-го и 31-го Декабря полки 1-ой кавалерійской дивизіи оставались на дневкѣ въ Казанлыкѣ, во время которой имѣли счастіе представиться Его Императорскому Высочеству Главнокомандовавшему.

Второй-же дивизіонъ полка все еще продолжалъ стоять на постахъ, въ ожиданіи смѣны, которой такъ по чему-то и не дождался вплоть до выступленія отряда изъ Козан-

лыка; т. е. до утра 1-го Января, когда и присоединился къ полку на походѣ, простоявъ такимъ образомъ на сторожевыхъ постахъ безсмѣнно болѣе 2-хъ сутокъ. Утомленіе дивизіона дошло до крайности. Не будь еще передъ этимъ труднаго перехода Балканъ,—послѣ котораго не успѣли отдохнуть,—другое-бъ дѣло. А то съ самаго выхода изъ Габрова, значитъ съ утра 27-го Декабря до прихода въ Эски-Загру, вечеромъ 1-го Января, эскадроны эти не разсѣдлывая коней, питаясь вначалѣ галетами, а затѣмъ одними сушеными фруктами, оставаясь почти безъ сна, при двухъ-суточномъ нравственномъ напряженіи, совершенно выбились изъ силъ. Люди засыпали походя, обезсиленныя лошади едва держались на ногахъ.

Чѣмъ была вызвана необходимость возлагать такой трудъ на одинъ дивизіонъ полка въ пользу другаго дивизіона, сказать не умѣю. Знаю только, что обстоятельства вполнѣ позволяли, а справедливость требовала смѣны эскадроновъ, по чему послѣдняя не была произведена, судить не намъ. Скажу одно: не удивительно было-бы послѣ того, если-бъ изнуренное состояніе этого дивизіона, дошедшее подъ конецъ докрайности, помимо всего прочаго, отразилось-бы пагубно и на исполненіи столь серьезныхъ и трудныхъ обязанностей какъ сторожевая служба. А это могло легко случиться. И только благодаря энергіи и сознанію долга офицеровъ, положившихъ не мало труда, чтобы всячески ободрить людей, служба на постахъ отъ начала до конца была исполняема самымъ добросовѣстнымъ образомъ.—

По прибытіи 1-го Января въ городъ Эски-Загру найдя его брошеннымъ турками, полки дивизіи расположились

на окраинѣ его, кто на улицахъ, кто на уцѣлѣвшихъ дворахъ.

Эски-Загра.

Страшную картину разрушенія представлялъ собою городъ Эски-Загра, одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Турціи по своей торговлѣ и внѣшнему благоустройству. Пострадалъ онъ отъ пожара, произведеннаго войсками Сулеймана-Паши 19 Іюля 1877 года. Самая лучшая часть города была выжжена до тла. Кое-какіе остатки домовъ, лавокъ, фонтановъ, даже мечетей, свидѣтельствовали и теперь о бывшей красотѣ и богатствѣ города.—

Въ тотъ же день въ Эски-Загру прибыли и пѣхотныя части, вошедшія въ составъ нашего авангарда, общее начальство надъ которымъ было вручено Генералъ-Лейтенанту Скобелеву 2-му.

Расположась кто гдѣ могъ, и, лишь къ вечеру, найдя кое-какое продовольствіе съ достаточнымъ количествомъ мяса, нашъ полкъ, особенно 2-й дивизіонъ, голодавшій столько времени, усердно принялся за варку пищи. Лошадямъ былъ добытъ ячмень.—

Не успѣли еще поработать наши желудки, какъ въ часъ ночи получено было донесеніе отъ казачьихъ разъѣздовъ о появленіи непріятеля со стороны Г. Чирпана. Немедленно пѣхота вышла на позицію, а къ сторонѣ противника выслана дежурная сотня.

Благодаря ночному времени суета въ отрядѣ поднялась

неимовѣрная: всѣ спѣшили выйти на сборный пунктъ: но, по счастью, оказалось, что тревога эта вызвана была только шайкою баши-бузуковъ, которые, завидя лишь появленіе нашихъ грозныхъ донцовъ, быстро разсѣялись.

Глава III.

Послѣ шипкинскаго погрома турокъ и нашего занятія Эски-Загры, для дальнѣйшаго направленія русской арміи, требовалось немедленно раздвинуть ту темную завѣсу, которая заволакивала отъ насъ уцѣлѣвшаго еще въ разныхъ мѣстахъ противника. И вотъ, пробивать свѣтъ сквозь эту пелену и выпало на долю трехъ полковъ 1-ой Кавалерійской дивизіи. Съ этого момента Петербургскія уланы, Московскіе драгуны и Казачій № 1-ый полкъ становятся авангардомъ, авангарда всей Русской Арміи, и, какъ увидимъ ниже, своими быстрыми налетами захватываютъ одинъ за другимъ турецкіе города, занимаютъ 2-ю столицу Мусульманской Имперіи и, пользуясь распространившеюся по всему краю паникою, обращаютъ въ бѣгство цѣлые полчища турокъ; доходятъ раньше другихъ частей русской арміи почти до самыхъ стѣнъ Константинополя, г. Чаталджи, и тутъ только, вслѣдствіе заключеннаго еще 18 Января перемирія останавливаются на отдыхъ, и пропускаютъ впередъ, шедшія до сего времени позади нихъ, войска.

Такимъ образомъ извѣстное изреченіе:—„послѣдніе будутъ первыми“, какъ нельзя нагляднѣе оправдалось на полкахъ нашей дивизіи.—Доставшійся наконецъ, Петербургскому полку чередъ кипучей дѣятельности разомъ

уничтожилъ въ немъ всѣ сѣтованія не позднѣе выступленіе въ походъ и на непроизводительно потраченное имъ то стоянкою на Дунаѣ, то на передвиженія въ тылу арміи время Надо было видѣть тотъ порывъ, то воодушевленіе, съ которыми Петербургскіе уланы кидались на поиски за непріятелемъ, чтобы освѣтить путь за ними слѣдовавшимъ войскамъ. Часто безъ пищи, не зная устали и перемогая болѣзни, они, будучи охвачены жаждою встрѣчи съ противникомъ, безпрерывно шли впередъ распространяя всюду ужасъ паники.

Движеніе на Ени-Загру.

2-го Января вслѣдствіе предписанія Командира 8 Корпуса, за № 1029, и личныхъ указаній Великаго Князя Главнокомандовавшаго были сдѣланы Генераломъ Дохтуровымъ слѣдующія распоряженія:

Для освѣщенія пространства между Эски-Загра, Ени-Загра, Тырново, на р. Марицѣ и Чирпанъ, занятія ихъ, захвата желѣзно-дорожныхъ станцій, порчи телеграфа и обезпеченія довольствіемъ войскъ, долженствовавшихъ слѣдовать за отрядомъ, въ 9 час., утра 3 Января, Кавалерійскіе полки были направлены:

а) С.-Петербургскій Уланскій въ вѣдѣніи Командира полка Полковника Балка на Ени-Загру;

б) Лейбъ Драгунскій Московскій подъ начальстомъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Струкова (*) на Кечерни къ Тырнову, на р. Марицѣ;

(*) Прибывшаго въ Эски-Загру, по распоряженію Великаго Князя Главнокомандовавшаго, для командованія бригадой вмѣсто, Генералъ Маіора Лашкарева, назначеннаго Комендантомъ Шипки.

в) Донской Казачій № 1 полкъ подъ командой Командира полка Флигель-Адъютанта Полковника Кутейникова на г. Чирпанъ.

Полкамъ этимъ предписано было имѣть взаимную связь посредствомъ разръѣздовъ и кромѣ того уланскому полку войти въ сношеніе съ отрядомъ Полковника Жиржинскаго, слѣдовавшаго къ Ханкіою, а Казачьему-съ отрядомъ Генерала Карцева, двигавшимся отъ Карлова къ Филиппополю; для связи же уланскаго и драгунскаго полковъ, слишкомъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, а также для большей увѣренности, что телеграфъ во всякомъ случаѣ будетъ прерванъ либо въ Ени-Загрѣ либо въ Карабунарѣ, составленъ особый отрядъ, изъ взводовъ по одному отъ каждаго изъ названныхъ полковъ, направленный на Карабунаръ.

Отъ нашего полка выдѣленъ былъ взводъ 1-го эскадрона при корнетѣ Померанцевѣ. —

Согласно вышеозначеннаго предписанія всѣ три полка въ 11 час. утра выступили изъ Эски-Загры. При выходѣ изъ города Генералъ Струковъ, собравъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„Господа! на вашу долю выпола большая честь-быть передовымъ отрядомъ авангарда арміи. На васъ будетъ смотрѣть вся армія, вся Россія. Прошу помнить мои требованія относительно кавалерійскаго дѣла, а именно: безграничная предпріимчивость въ соединеніи съ величайшей осторожностью. Наша задача-достигнуть наибольшихъ результатовъ, при наименьшихъ потеряхъ. Мы идемъ въ набѣгъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ

носитъ характеръ общей, непрерывной рекогносцировки. Впереди передъ нами-полная неизвѣстность и что намъ должно будетъ дѣлать-это укажутъ обстоятельства. Перекрестимся и найдемъ.“

Рѣчь эта сдѣлала должное впечатлѣніе.

День 2-го Января былъ морозный, послѣ оттепели, и потому путь покрылся гололедицею, а по сторонамъ дороги хотя и лежалъ снѣгъ, но рыхлость и глубина его не хуже гололедицы затрудняли быстроту лошадинаго хода. Боковыя и дальніе разъѣзды заглядывали въ окрестныя деревни, покинутыя жителями и между ними не было ни одной безъ слѣдовъ истребительнаго пожара. Къ счастью, огонь не вездѣ успѣвалъ уничтожить склады ячменя и сѣна и, судя по оставшемуся количеству того и другаго видно, что здѣсь по всюду были сосредоточены громадные запасы. Въ селеніяхъ и на дорогѣ встрѣчались лишь порою раненые турецкіе солдаты, бѣжавшіе съ Шипки; изъ мѣстнаго населенія не попадалось ни души, такъ что нашимъ разъѣздамъ не было возможности даже спрашивать дорогу. Не доходя верстъ 8 до Ени-Загры, полкъ остановился чтобы выждать донесенія отъ разъѣздовъ, дѣйствовавшихъ, ввиду неизвѣстности окружающей обстановки, крайне осмотрительно.

Стало уже смеркаться, когда было получено свѣденіе, что Ени-Загра только что оставлена турками и горитъ. Немедленно высланъ былъ 1-й эскадронъ Князя Дондукова-Корсакова къ желѣзной дорогѣ для снятія рельсъ и разрушенія телеграфа, а полкъ двинулся къ горевшему городу.

Вслѣдствіи наступившей ночи и неувѣренности въ отсутствіи по близости непріятеля Полковникъ Балкъ не рисковалъ войти въ городъ, а рѣшилъ, остановившись на большой дорогѣ, выждать разсвѣта.

Выставивъ отъ 4-го эскадрона ближайшее охраненіе, уланы расположились у разрушенныхъ строеній, соблюдая мертвую тишину. Ночь была хотя и холодная, но костровъ не разводили, чтобы не обратить на себя вниманіе противника; трубки и тѣ закуривались подъ прикрытіемъ шинелей, разговоръ велся шепотомъ. Даже кони на постахъ, какъ-бы чуя невыгоду въ нарушеніи тишины—не ржали и не храпѣли. И хотя эта безсонная ночь была по счету уже седьмая, тѣмъ не менѣе ни одинъ человѣкъ не смыкалъ глазъ, а если и отдыхали, то, что называется, одной ногой въ стремени.

Такъ дождались зари, а къ тому времени 1-й эскадронъ выполнивъ возложенную на него задачу, возвратился къ полку и еще разъ подтвердилъ первоначальное свѣдѣніе объ отсутствіи противника.

Занятіе г. Ени—Загра.

Тотчасъ-же полкъ двинулся въ городъ и вскорѣ занялъ южную окраину его, выславъ сѣть разъѣздовъ къ сторонѣ Карабунора, Ямболя и Сливно.

Обнаруженный вблизи жел. дороги свѣжій турецкій бивакъ съ 125 палатками, со множествомъ патроновъ, сѣделъ и другихъ вещей, по показанію братушекъ, былъ только что наканунѣ оставленъ непріятелемъ. Въ самомъ

городѣ были найдены значительные запасы продовольствія и скота, а на станціи жел. дороги—нѣсколько бочекъ со спиртомъ.

Немедленно было отправлено Генералу Дохтурову слѣдующее донесеніе:

„Енп-Загра занята. Городъ оставленъ жителями, разрушенъ и горитъ. Войска бѣгутъ вмѣстѣ съ жителями по направленіи желѣзной дороги. Въ городѣ большіе запасы продовольствія и скота. Ямбольская желѣзная дорога и телеграфъ попорчены. Прилагаю подробности.

Полковникъ Балкъ."

Весь этотъ день прошелъ въ развѣдываніи о непріятелѣ и уже наступалъ вечеръ, но разъѣзды ни какихъ свѣдѣній на этотъ счетъ не давали и это позволяло заключить, что противникъ, подъ вліяніемъ паниики отступилъ, далеко.

Тѣмъ не менѣе положеніе полка, удаленнаго отъ своихъ силъ на значительное разстояніе и не успѣвшаго еще войти въ связь съ отрядомъ Жиржинскаго, ожидаемымъ со стороны Ханкіоя, было далеко не завидное, и въ случаѣ появленія сильнѣйшаго противника даже и не безопасное Но это продолжалось не долго: къ вечеру того-же дня прибыли сюда части Орловскаго пѣхотнаго полка и положеніе уланъ значительно облегчилось, такъ что ночь на 4-е число была проведена ими хотя и на сторожѣ, но въ болѣе или менѣе въ спокойномъ состояніи духа.

Подъ утро возвратился, высланный еще наканунѣ для связи съ отрядомъ Жиржинскаго, разъѣздъ Корнета Гришина съ 12 уланами 3 эскадрона, который послѣ многократныхъ встрѣчъ съ баши-бузуками, успѣшно выполнилъ

свою задачу и доставилъ письменныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія этого отряда, а затѣмъ къ вечеру 4-го числа прибылъ въ Ени-Загру и самый отрядъ Полк. Жиржинскаго.

Такимъ образомъ съ прибытіемъ пѣхоты, городъ Ени-Загру можно было считать за нами.

Того-же числа взводъ 2-го эскадрона съ Поручикомъ Пятницкимъ, высланный на развѣдку къ г. Ямболю, обнаружилъ на пути своемъ пѣшую турецкую часть, занявшую мельницу; послѣ значительной перестрѣлки, лихо выбилъ засѣвшихъ въ ней турокъ и, не отвлекаясь отъ своей прямой цѣли, доставилъ къ полку 14 человѣкъ плѣнныхъ, положивъ остальныхъ на мѣстѣ. Въ числѣ приведенныхъ находились трое раненыхъ, которымъ немедленно была сдѣлана полковымъ врачемъ Боровскимъ перевязка. При этомъ турки были, видимо, удивлены нашимъ состраданіемъ къ нимъ и вообще хорошимъ съ ними обхожденіемъ.

Выступленіе изъ Херманлы.

5 Января, вслѣдствіе полученнаго предписанія Начальника авангарда Ген. Скобелева, полкъ выступилъ изъ Ени-Загры въ Карабунаръ и за тѣмъ, на другой день далѣе на присоединеніе къ дивизіи въ Херманлы, куда и прибылъ вечеромъ 6-го числа.

Пока все описанное происходило въ Ени-Загрѣ, Московскій драгунскій полкъ, высланный на Семенли-Тырново-Херманлы захватилъ съ боя этотъ важный стратегическій пунктъ, узелъ желѣзныхъ дорогъ и прервалъ телеграфное

сообщенie съ Адріанополемъ и Филиппополемъ. Казачій полкъ занялъ г. Чирпанъ и вошелъ въ связь съ отрядомъ Генерала Гурко.

Къ сожаленію, вышеупомянутый промежуточный отрядецъ изъ двухъ взводовъ, посланный на станцію Карабунаръ, ошибся дорогою и вмѣсто Карабунара попалъ на станцію Магалеси, гдѣ наткнулся на большія партіи черкесовъ и потому не могъ произвести правильной порчи желѣзной дороги, а ограничился лишь тѣмъ, что зажегъ станцію и затѣмъ присоединился къ драгунскому полку.

Такимъ образомъ всякое желѣзно-дорожное и телеграфное сообщенія съ мѣстностями, находившимися еще подъ властью непріятеля, были прерваны и, вслѣдствіе этого, паника среди мусульманскаго міра стала разростаться еще съ большею силою.

Особенно важно было для насъ занятіе драгунами Семенли–Тырнова.

Трудно было допустить мысль, чтобы турки, не смотря даже на всю ихъ панику, такъ легко могли уступить намъ столь важный стратегическій узелъ, безъ всякой дальнѣйшей попытки возвратить его себѣ, вочто-бы ни стало; не могли-же они, въ самомъ дѣлѣ, не сознавать, что разъ Семенли-Тырново будетъ въ рукахъ русскихъ, то это дастъ возможность громаднымъ силамъ русской арміи безостановочной двинуться на Андріаноподь, отрѣзываетъ Сулейману его тылъ, уничтожаетъ всякое сообщеніе съ Константинополемъ, прекращаетъ желѣзно-дорожное движеніе войскъ изъ Сливно, Котла, Корнабата и проч., вынуждая эти войска тянуться по грунтовымъ

дорогамъ въ самое неудобное для сего время. Ясно, что турки должны были опомниться отъ своего оцѣпенѣнія и непремѣнно сдѣлать отчаянную попытку къ возврату себѣ столь важной станціи; но, къ общему удивленію, напика все пересилила. Никакой попытки со стороны противника не сдѣлано и наши молодцы-драгуны, готовые на все и бодрые до послѣдней минуты, не смотря на то, что нѣсколько сутокъ не спали, занявъ станцію, держались на ней до другаго дня, когда усиленнымъ маршемъ подоспѣлъ къ нимъ боталіонъ пѣхоты, а вскорѣ за нимъ и весь Скобелевскій авангардъ былъ уже въ Семенли-Тырновѣ, гдѣ и расположился бивакомъ въ ночь съ 6-го на 7-е Января, охраняя свой правый флангъ постами нашего № 3 эскадрона и сотнею казаковъ, а лѣвый-цѣпью отъ 11-го стрѣлковаго баталіона. Къ тому-же времени стало извѣстно, что Генералъ Гурко разбилъ и разсѣялъ армію Сулеймана подъ Филиппополемъ; взялъ 60 орудій и множество плѣнныхъ.

Объявляя объ этомъ по войскамъ авангарда, Генералъ Скобелевъ въ приказѣ отъ 7-го Января писалъ:

„На насъ возложена новая задача. Не смотря на трудности ея, я увѣренъ, что во имя святаго дѣла, нынѣ нами проводимаго, ввѣренныя мнѣ войска еще на нѣсколько дней не ослабнутъ усиліями, не помрачатъ въ послѣдніе дни войны, кровію завоеванной безсмертной славы.“ И далѣе— „....требуемыя отъ всѣхъ чиновъ нынѣ чрезмѣрныя усилія ведутъ къ окончательной побѣдѣ, къ быстрому возвращенію на родину.“—

Съ прибытіемъ всего нашего авангарда въ Херманлы,

уже не было сомнѣнія въ упроченіи за нами этого важнаго, столь легко доставшагося намъ пункта. Оставалось лишь укрѣпиться въ немъ.

Наступила уже вечерняя темнота, когда пѣхота наша при 10° мороза, бодро и спѣшно принялась возводить траншеи и ложементы. Промерзлая земля была очень тверда и не поддавалась лопатѣ, такъ что пришлось рубить ее топорами, и не смотря на эти трудности, работа была вполнѣ окончена къ полуночи на всемъ довольно значительномъ протяженіи оборонительной линіи. Ночная перестрѣлка на постахъ, выдвинутыхъ въ направленіи Хаскіоя, наглядно показала непріятелю, что Херманлы уже занято и, стало быть, путь отступленія по шоссе отрѣзанъ.

4-ый эскадронъ на рекогносцировкѣ.

Между тѣмъ изъ главной квартиры пришло извѣстіе, что часть Сулеймановой арміи идетъ на Хаскіой. Вслѣдствіе этого, Генералъ Скобелевъ приказалъ 4-му эскадрону нашего полка произвести рекогносцировку по направленію къ Хаскіою для открытія отступавшаго непріятеля.

Передъ отправленіемъ Ген. Скобелевъ собралъ къ себѣ Командира и офицеровъ эскадрона, лично объяснилъ имъ обстоятельства дѣла и далъ указанія касательно предстоявшей развѣдки.

Ровно въ 10 часовъ вечера эскадронъ Маіора Искандеръ-Бека при офицерахъ, Поручикѣ Ивановѣ и Корнетахъ,

Ѳедотовѣ, Зворыкинѣ и Жуковскомъ—Волынскомъ, не успѣвъ выкормить лошадей послѣ только что совершеннаго имъ въ этотъ день съ полкомъ значительнаго перехода, выступилъ изъ Херманлы по указанному направленію.

Пробираясь въ темнотѣ рядами, а то и въ одинъ конь, по единственной дорогѣ, загроможденной вдоль и поперекъ турецкими повозками, наполненными разнымъ домашнимъ скарбомъ и, не имѣя возможности выслать въ стороны для своего охраненія даже дозоровъ, такъ какъ путь лежалъ между сплошными холмами горъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, уланы, пройдя такимъ образомъ верстъ 12 увидѣли впереди большое зарево, а не доходя дер. Турулы (Девралы), гдѣ дорога спускается въ лощину, глазамъ эскадрона представилась громадная площадь залитая огнями костровъ. По началу не было сомнѣнія, что это былъ бивакъ если не всей, то значительной части отступавшей арміи.

Для болѣе-же точнаго опредѣленія видимой картины были высланы два разъѣзда силою каждый по 5 человѣкъ, одинъ при Поручикѣ Ивановѣ, другой съ Корнетомъ Ѳедотовымъ. Эскадронъ-же остановился на самой дорогѣ при выходѣ въ лощину.

Двинувшись къ биваку, обходя его сторонами, и не встрѣчая, къ своему удивленію никакого наружнаго турецкаго охраненія, разъѣзды эти, пользуясь луннымъ мракомъ, кстати сказать, какъ нельзя лучше покровительствующимъ сѣрой масти ихъ коней,—приблизились къ биваку настолько, что можно было слышать отдаленный говоръ среди скопища масульманъ и обоза, освѣщеннаго

кострами; но опредѣлить родъ обоза и его прикрытіе, ночью не представлялось возможности безъ того, чтобы не приблизиться къ бивaку еще ближе. Въ тоже время имѣя строгое приказаніе камандира эскадрона не обнаруживать себя, дабы не вызвать со стороны турокъ тревоги и преслѣдованія эскадрона по только что съ трудомъ пройденному пути, Поручикъ Ивановъ не рисковалъ болѣе приближаться къ бивaку и потому, ограничевшись видѣннымъ, намѣренъ былъ уже вернуться къ эскадрону, какъ въ это время унтеръ-офицеръ Долгополовъ вызвался въ одиночку высмотрѣть расположившихся турокъ. Крадучись, какъ тать, онъ сталъ приближаться къ огнямъ, а разъѣздъ слѣдя за выдѣлявшейся на свѣтѣ костровъ фигурой Долгополова, повернулъ обратно. Видно было какъ онъ, приблизившись къ обозу почти вплотную, круто повернулъ коня и стрѣмительно бросился мимо бивака къ эскадрону. Не успѣли турки одуматься, какъ уже Долгополовъ присоединился къ разъѣзду, быстро слѣдовавшему параллельно его движенію, и доложилъ, что, помимо вооруженныхъ людей, онъ видѣлъ тамъ и женщинъ. Это обстоятельство, а также и необъятная величина бивака и поразившее насъ отсутствіе должныхъ мѣръ наружнаго охраненія заставило уланъ заключить, что среди части войсковаго обоза съ вооруженнымъ прикритіемъ расположено на ночлегъ большое число бѣжавшихъ, подъ вліяніемъ паники, турецкихъ жителей

Было уже 2 часа ночи, когда эскадронъ, по возвращеніи обоихъ разъѣздовъ, потянулся обратно.

На всемъ пути туда и обратно слышны были стоны и вопли, вырывавшіеся изъ-подъ грудъ скорба, навален-

наго на повозки, между которыми пробирался эскадронъ. То были несчастныя турецкія семьи, бѣжавшія сами не зная куда. Тяжело было видѣть этихъ молчаливыхъ, бездомныхъ съ грудными дѣтьми, одѣтыхъ въ нищенскія лохмотья, бросившихъ свои насиженныя мѣста и обреченныхъ на всѣ случайности неизвѣстнаго, безпощаднаго будущаго. Многимъ ли изъ нихъ удалось пріобрѣсти новые очаги? Вѣроятнѣе всего, что большинство изъ нихъ такъ и погибло.

По прибытіи эскадрона въ Херманлы, маіоръ Искандеръ-Бекъ немедленно доложилъ лично Генералу Скобелеву, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидавшему нашего возвращенія, о результатѣ рекогносцировки.

Вслѣдствіе этого доклада въ 7 часовъ того-же утра, къ мѣсту расположенія обоза былъ высланъ отрядъ: Углицкій пѣхотный полкъ, 11-ый стрѣлковый баталіонъ, 2 сотни козаковъ № 9 полка и два орудія, подъ командой Полковника Панютина, которому и было приказано произвести усиленную рекогносцировку.

Происшедшее здѣсь вслѣдъ за симъ побоище, изложено въ телеграммѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандовавшаго отъ 10 Января:

„Какъ я уже телеграфировалъ, въ ночь съ 6-го на 7-е Января былъ открытъ Петербургскими уланами на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманлы громадный обозъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и вооруженныхъ жителей.

Съ разсвѣтомъ 7-го Января Генералъ Скобелевъ 2-й двинулъ туда Полковника Панютина съ Углицкимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и двумя орудіями.

Въ 12 верстахъ отъ Херманлы Полковникъ Панютинъ настигъ непріятеля въ числѣ 6 таборовъ и массу вооруженныхъ жителей и послѣ двухъ-часоваго жаркаго боя разбилъ турокъ и овладѣлъ всѣмъ обозомъ, около 20,000 повозокъ. Наша потеря—4 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. Къ величайшему сожалѣнію, здѣсь находилось нѣсколько тысячъ мусульманскаго населенія, выведеннаго по распоряженію Сулеймана изъ Филиппополя и окрестностей.

Эти несчастные съ началомъ боя въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ при обозѣ дѣтей. Пока шелъ бой большая часть ихъ имущества была разграблена болгарами. Дѣти были призрѣны нашими войсками. Грабежъ по окончаніи боя былъ пріостановленъ. Приняты мѣры для возвращенія дѣтей матерямъ, которыя мало по малу начали возвращаться. Тѣмъ не менѣе положеніе несчастныхъ жителей ужасное. Вслѣдствіе распоряженія Сулеймана и овладѣвшей ими не описанной паники, они бѣгутъ отовсюду безъ оглядки, уничтожая свои дома, забирая семейства и имущество, которое теряютъ по дорогѣ. Все это не избѣжно погибнетъ, тогда какъ, оставаясь на мѣстахъ, они могли-бы жить спокойно подъ защитою нашихъ военныхъ властей. Глубоко скорблю, что блистательные успѣхи, нами достигнутые, по мимо моей воли, влекутъ за собою столь грустныя послѣдствія, которыхъ я не могъ предупредить и которыя теперь могу лишь съ большимъ трудомъ смягчить.“—

Разгромъ обоза.

Подробности этой жатвы смерти заимству изъ труда

Крестовскаго „Двадцать мѣсяцевъ въ Дѣйств. арміи“, гдѣ говорится:

„....Мѣстность между Хаскіоемъ и Херманлы, и въ особенности ближе къ послѣднему весьма холмиста. На одномъ изъ подъемовъ, при довольно крутомъ поворотѣ дороги изъ–за гребня холма вдругъ раздался выстрѣлъ, который былъ настолько случайно удаченъ, что пуля, просвиставъ мимо освѣщавшихъ впереди мѣстность, повалила угличскаго унтеръ-офицера, шедшаго въ авангардѣ. Вслѣдъ за этимъ начальнымъ выстрѣломъ, турки первыми открыли огонь по нашему авангарду, остановившемуся въ недоумѣніи–что это значить? Тутъ Полковникъ Панютинъ, направилъ два угличскіе боталіона на высоты влѣво, а стрѣлковый боталіонъ по долинѣ вправо отъ шоссе; орудія стали прямо на дорогѣ, казаки разбились по сотнѣ на оба фланга и перестрѣлка завязалась. Бой продолжался болѣе двухъ часовъ и стоилъ намъ потери 4-хъ офицеровъ и 46 нижн. чиновъ. Турки, подвергаясь съ фронта артиллерійскому огню, были наконецъ очень удачно атакованы съ обоихъ своихъ фланговъ и побѣжали. Между тѣмъ, обозы шедшіе подъ ихъ прикрытіемъ въ количествѣ около 20,000 повозокъ, и растянувшіеся по всей дорогѣ болѣе чѣмъ на 40 верстъ, хотя и слѣдовали въ двѣ, а мѣстами въ три повозки рядомъ,—обозы эти, съ началомъ дѣла, пришли въ крайнее замѣшательство, при чемъ переднія повозки, подъ дѣйствіемъ гранатнаго огня поспѣшно повернули назадъ, увлекая за собою последующія; тогда какъ заднія ничего еще не зная о случившемся, продолжали идти впередъ, и такимъ образомъ между тѣми и другими произошло столкновеніе;

напирали съ обѣихъ сторонъ—одни отъ невѣдѣнія, другіе стараясь поскорѣе выбраться изъ подъ выстрѣловъ.

Вслѣдствіе этого произошла, что называется, каша: повозки сталкивались, трещали, ломались опрокидывались и вообще загромоздили дорогу, такъ что ни взадъ, ни впередъ нельзя уже было двинуться. Общая паника увеличивала это смятеніе и довела его до крайнихъ предѣловъ. Аскеры и вооруженные жители, бывшіе впереди, побросавъ свои повозки, толпами повалили назадъ, на встѣчу другимъ толпамъ, гдѣ пробираться въ общей кашѣ было крайне трудно, и тогда они, обезумѣвъ отъ страха, пустились пролагать себѣ дорогу оружеіемъ и сворачивать въ канавы громоздкія повозки, нагруженныя дѣтьми и женщинами: мужья, отцы и братья этихъ послѣднихъ стали защищаться,—раздались выстрѣлы уже среди обоза—и пошла жестокая взаимная перепалка между своими. Къ этому присоединился и грабежъ аскеровъ, черкесовъ и баши-бузуковъ, тоже слѣдовавшихъ за обозомъ. Надо сказать еще, что при обозѣ находилось до трехъ тысячъ болгаръ, изъ которыхъ большая часть возвращалась домой въ Филиппопольскій округъ, изъ Андріанополя, куда ихъ сгоняли для земляныхъ работъ надъ укрѣпленіями. Аскеры, конвоировавшіе обозъ, встрѣчая на пути болгарскія партіи, задерживали ихъ и вели съ собою назадъ, къ Андріанополю, руководствуясь въ этомъ случаѣ приказаніемъ Сулеймана—паши, отданнымъ на основаніи приказа. Порты о сформированіи новой арміи „защитниковъ отечества", безъ различія національностей и вѣроисповѣданія. Тутъ же силою было захвачено и нѣсколько болгарскихъ семействъ, еще съ мѣста бѣжавшихъ къ Филиппополю,

Хаскіою, и вообще въ эти мѣстности изъ Эски-Загры, Карлова, Сопова и Казанлыкскаго округа. Многимъ изъ болгаръ успѣли уже въ самомъ обозѣ раздать оружіе, и нѣкоторая часть ихъ, около сотни, при самомъ началѣ дѣла, открыто перебѣжала на нашу сторону и пристроилась къ стрѣлковому батальону, а остальные, когда между турками пошла взаимная рѣзня и перепалка, кинулись гвоздить ихъ прикладами, кирками, мотыгами лопатами и рѣзать ножами. Эти-то орудія и наносили тѣ ужасные, зіяющія раны, на которыя мы не могли смотрѣть безъ содроганія.

Побоище на протяженіи всей дороги, длилось нѣсколько часовъ сряду, подъ покровомъ вечерней тьмы, что еще болѣе усиливало панику, и во время его было совершено не мало вопіющихъ звѣрствъ, можжили дѣтямъ головы о камень, насиловали дѣвочекъ, уродовали мужчинъ, и по истинѣ изумляешься только одному: неужели во время такой ужасной всеобщей паники, въ этой каше и сумятицѣ, въ этой взаимной истребительной бойнѣ у людей хватало еще духу и времени насиловать, утоляя свои скотскіе инстинкты, и изобрѣтать даже позы, въ которыхъ класть на огонь болгарскаго малютку?! Все это невѣроятно для тѣхъ, кто невидѣлъ; мы же видѣвшіе, отказываемся и объяснять, отказываемся и понимать подобныя проявленіе и побужденія человѣческаго духа. Эта бойня со всѣми ея звѣрствами,-это было какое-то повальное безуміе, ослѣпленіе, остервенѣніе дикаго звѣря, своего рода Садомъ и Гаморра.....

Если народъ османовъ былъ достоинъ Божьей кары, то она разразилась надъ нимъ въ видѣ самоизбіенія именно въ этомъ мѣстѣ, на этой дорогѣ крови и истреб-

ленія. Да! это Божья кара за цѣлые вѣка неисчислимыхъ преступленій, за рѣки еще вчера пролитой крови христіанской.—

Глава IV.

Послѣ разгрома подъ Филиппополемъ арміи Сулеймана-Паши, дальнѣйшее движеніе на Адріанополь и Константинополь не могло уже представить особыхъ трудностей. Сверхъ того, присылка съ турецкой стороны парламентеровъ и распространенное ими извѣстіе о заключеніи перемирія дали намъ право надѣяться на скорое окончаніе войны.

Г. Мустафа-Паша.

Въ то время, когда отрядъ Полковника Понютина направился къ Хаскіою, Петербургскіе уланы и Московскіе драгуны и сотня казаковъ, составивъ летучій отрядъ подъ Начальствомъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Струкова двинулся къ г. Мустафа-Паша, который еще наканунѣ былъ уже занятъ драгунскимъ эскадрономъ Капитана Ригера, бывшаго до войны офицера нашего полка.

Можно сказать, что движенію нашего отряда повсюду предшествовала паника, разроставшаяся все болѣе и болѣе съ каждымъ нашимъ дальнѣйшимъ шагомъ, въ особенности же послѣ разгрома турецкихъ скопищъ у херманлыйскаго моста, гдѣ наши собраты Московскіе драгуны стяжали себѣ громкую славу. Бѣжавшіе въ разбродъ жители, баши-бузуки, черкесы и аскеры были первыми провозвѣстниками „идущей бѣды,“ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ

они появлялись, Турецкія власти, бросая свои конаки и поджигая, что могли, поспѣшно уходили съ своими архивами и канцеляріями, направляясь къ Адріанополю.

Одновремѣнно съ нашимъ движеніемъ къ городу Мустафа, какъ потомъ оказалось, тащилась колонна Абдулъ-Керима-Паши, почти параллельно нашему отряду, торопясь поспѣть прежде насъ къ Адріанополю, дабы въ его грозныхъ фортахъ оказать намъ сопротивленіе.

По прибытіи въ Мустафу, бригада расположилась на окрайнѣ города и всю ночь, провела въ развѣдываніи о непріятелѣ, уничтожая и разсѣивая партіи баши-бузуковъ.

Не смотря на всю усталось и множество проведенныхъ предъ этимъ безсонныхъ ночей, объ отдыхѣ никто изъ насъ и не думалъ. Близость мусульманской столицы и смѣлыя мечты о скорѣйшемъ захватѣ ея, не давали ни офицерамъ, ни солдатамъ покоя. Предметъ и случай для наступленія были слишкомъ заманчивы, чтобъ относиться къ нимъ равнодушно. Да, наконецъ, надо сознаться, что и честолюбіе каждаго изъ насъ въ этотъ моментъ было не на послѣднемъ планѣ.

Всю ночь напролетъ, въ особенности по прибытіи адріанопольской депутаціи, о которой будетъ сказано ниже, офицеры отряда толпились на улицѣ, въ ожиданіи решительнаго слова своего предводителя, генерала Струкова, котораго, не смотря на короткое время его командованія нашей бригадой, успѣли и полюбить и довѣриться ему. А это послѣднее, само по себѣ, уже сулило залогъ славнаго будущаго.

Много переговорено было въ эту тревожную ночь.

Каждый понималъ и чувствовалъ всю необходимость, и въ то же время, весь рискъ все болѣе и болѣе назрѣвавшаго замысла.

Самъ Генералъ Струковъ, такъ сказать, *чувствуя* у себя слѣва близкое присутствіе сильной непріятельской колонны, сознавалъ, что тутъ уже дорогъ каждый моментъ, и что важный вопросъ сводится теперь къ тому, кто раньше поспѣетъ занять Адріанополь. Находясь въ Мустафѣ-Пашѣ на разстояніи 50 верстъ отъ Скобелевскаго отряда и въ 30 верстахъ отъ Адріанополя и не имѣя при себѣ артиллеріи, (*) можно было задуматься: идти-ли впередъ или обождать подхода пѣхоты, тѣмъ болѣе, что Генералъ Струковъ зналъ. что Адріанополь охраняется восемью тысячами низама при 60 большихъ орудіяхъ.

Что могли-бы сдѣлать при такомъ неравенствѣ силъ наши 8 эскадроновъ и 1 сотня?.... Но въ виду необходимости предупредить приходъ Абдулъ-Керима. который вмѣстѣ съ ожидаемыми подкрѣпленіями изъ Стамбула, могъ-бы значительно усилить Адріанопольскій гарнизонъ, было очевидно, что *идти надобно*.

Затруднительное положеніе нашего отряда усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Скобелевъ въ это время былъ уже не въ Херманлы. а ушелъ совсѣмъ въ другую сторону—къ Хаскіою, съ цѣлью недопускать отступающія силы Сулеймана далѣе этого города. Пославъ къ нему эстафету съ донесеніемъ о своемъ положеніи, Генералъ Струковъ тѣмъ не менѣе понималъ, что изъ Хаскіоя

(*) Журналъ дѣйств. 1-й Кавал. дивизіи.

отвѣтъ не можетъ придти скоро, а между тѣмъ Абдулъ-Керима остается сдѣлать около 30 верстъ, чтобы быть въ Адріанополѣ.

Депутація отъ города Адріанополя.

Вечеромъ тогоже дня къ Генералу Струкову прибыла депутація отъ жителей города Адріанополя съ просьбой —занять городъ и тѣмъ обезпечить его отъ грабежа черкесовъ и баши-бузуковъ, которые, по словамъ ихъ, рыщутъ въ окрестностяхъ. Эти же депутаты свидѣтельствовали, что паника внесенная въ мусульманское населеніе нашимъ набѣгомъ, растетъ и распространяется повсюду съ неимовѣрною быстротою; что турецкіе чиновники, бѣжавшіе изъ Херманлы и Мустафа-Паши заставили дрогнуть и Адріанопольскія власти, которые тоже потеряли голову: онѣ поспѣшно укладываются со всѣми своими канцеляріями и готовы уходить, если уже не ушли, а нѣкоторые бѣжали еще вчера и третьяго дня, вмѣстѣ съ толпами мусульманскаго населенія. Что же касается фортовъ надъ городомъ, то они оставлены турками за недостаткомъ войскъ для защиты ихъ.

Все сказанное депутатами еще болѣе укрѣпило Генерала Струкова въ его намѣреніи двинуться къ Адріанополю.

Выслушавъ депутатовъ, Генералъ Струковъ собралъ начальниковъ частей на совѣтъ, на которомъ было рѣшено попытаться, пользуясь распространившеюся паникою, занять Адріанополь; хотя тутъ-же было высказано, что предпріятіе это не можетъ казаться не рискованнымъ, такъ какъ ни пѣхоты, ни артиллеріи при бригадѣ нѣтъ.

главныя силы отряда оставались далеко сзади, а между тѣмъ по свѣдѣніямъ отъ болгаръ, извѣстно было, что вблизи отъ Адріанополя находится Египетскій принцъ съ 2000 черной африканской пѣхоты, и кромѣ того не мало мелкихъ отрядовъ разбитой арміи Сулеймана.—И дѣйствительно: появленіе нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты могло-бы поставить отважный отрядъ въ затруднительное положеніе. Тѣмъ не менѣе Генералъ Струковъ, какъ уже сказано, рѣшился принять на себя рискъ дальнѣйшаго движенія и предупредить Абдулъ-Керима. Расчетъ его на успѣхъ, точно также, какъ и передъ занятіемъ Семенли-Тырнова, сводился на панику: разъ что она есть —она лучшій союзникъ, только дѣйствуй скорѣй и умѣй сочетать при этомъ осторожность съ рѣшительностью.

Взрывъ Сераля.

Въ то время, когда Генералъ Струковъ отдавалъ командирамъ полковъ распоряженіе къ предстоящему движенію на утро, ночное небо вдругъ озарилось на нѣсколько мгновеній трепетнымъ свѣтомъ какъ-бы молніи или зарева пожара и опять померкло стольже внезапно; затѣмъ, черезъ нѣсколько секунтъ доннеся издали, въ направленіи отъ Адріанополя, громоподобный звукъ страшнаго взрыва, послѣ котораго началась какъ-бы кононада продолжавшаяся то отдѣльными выстрѣлами, то цѣлыми залпами довольно продолжительное время. Звуки явно шли отъ Адріанополя. Недоумѣвая, что это могло-бы значить, Генералъ Струковъ распорядился послать въ ту сторону разъѣздъ, и подъ утро къ нему привели пятерыхъ бѣжавшихъ изъ Адріанополя жителей, которые и объяснили,

что взрывъ, слышанный ночью, произошелъ вслѣдствіе распоряженіе Аметъ-Эюба-Паши, который первый распространилъ панику въ Адріанопольскомъ гарнизонѣ, приказавъ ему оставлять городъ какъ можно скорѣе и видя невозможность вывести склады оружія и снарядовъ велѣлъ взорвать пороховые погреба, находившіеся въ зданіи стараго Сераля, гдѣ помѣщался и громадный арсеналъ. Все это взлетѣло на воздухъ и когда бѣглецы оставляли городъ, то развалины стараго Сераля уже были охвачены громаднымъ пламенемъ и внутри ихъ раздавались безпрестанные взрывы бомбъ, гранатъ и патроновъ.

Изъ всего этого Генералу Струкову стало ясно, что для Адріанополя кретическій моментъ уже насталъ, и что этимъ сейчасъ-же надобно воспользоваться, тѣмъ болѣе, что городъ со 120-тысячнымъ населеніемъ находится въ крайней опасности.

Немедленно вслѣдъ за симъ бригада раздѣлилась: 1-ый дивизіонъ и взводъ 4-го эскадрона Петербургскихъ уланъ, 2-й дивизіонъ Московскихъ драгунъ при камандирахъ обоихъ полковъ и № 4 сотня донцовъ, всего $4^{1}/_{4}$ эск. и одна сотня были назначены въ рейдъ; остальные $3^{3}/_{4}$ эскадрона, составивъ сводный полкъ подъ начальствомъ Подполковника Кріушенко 1-го, должны были, удерживая за собою г. Мустафу, охранять каменный мостъ черезъ р. Марицу и держать связь съ отрядомъ Скобелева.

Глава V.

Набѣгъ на Адріанополь.

Ровно въ 7 часовъ утра, 8 Января эта партія храбрецовъ, предводительствуемая еще болѣе лихимъ ея Гене-

раломъ, отваживпись занять вторую столицу Турецкой Имперіи, выступила изъ Мустафа по дорогѣ на Адріанополь, какъ будто въ лагерь подъ Москву. Впереди отряда шли депутаты подъ особымъ конвоемъ.

Ни малочисленность силъ въ связи съ ежеминутнымъ удаленіемъ отъ своихъ поддержекъ, ни полная неизвѣстность рока, ничто не туманило головъ лихаго отряда. Жажда,—и только одна жажда, охватывала всѣхъ участниковъ возможно скорѣе достичь цѣли, и тѣмъ порадовать сердце своего Обожаемаго Главнокомандовавшаго Великаго Князя.

Вотъ что значитъ любовь и довѣріе подчиненныхъ къ повелѣвающимъ на войнѣ. Ничто въ нашемъ дѣлѣ не можетъ сравниться съ этими двумя элементами: съ ними русскій воинъ все сокрушитъ.—

Въ продолженіи всей дороги на встрѣчу попадались толпы болгаръ, которые привѣтствовали отрядъ поклонами и радостными кликами. Всѣ они до этого времени были насильно захвачены въ поголовное ополченіе, объявленное противъ насъ по всей странѣ, а теперь, съ уходомъ турецкихъ властей, бѣжали изъ казармъ, на встрѣчу „своимъ освободителямъ.“

Мѣстность по сторонамъ Адріанапольской дороги, напоминаетъ самые обыденные русскіе виды. Такъ и кажется, будто странствуешь гдѣ нибудь по Тверской губерніи. Еще верстъ за 10 до Адріанополя на горизонтѣ начинаютъ бѣлѣть стройныя иглы минаретовъ при джаміи Селима. Затѣмъ вскорѣ открывается видъ на общирные сады и рощи чинара, кипариса и пирамидальныхъ тополей.

потомъ влѣво—громадный фортъ съ трехъ ярусной обороной; за нимъ—другой и третій форты сильныхъ профилей, и въ этихъ постройкахъ еще издали, на первый взглядъ, уже чувствуется прочность, разсчитанная на домовременность защиты. Справа тоже отдѣльныя укрѣпленія виднѣются изъ—за деревьевъ. Но вотъ, наконецъ, и панорама цѣлаго города. При видѣ всего этого сердце каждаго забилось еще сильнѣе.

Остановивъ отрядъ верстахъ въ 5-ти отъ города, Генералъ Струковъ приказалъ представителямъ—депутатамъ отправиться въ Адріанополь и объявить, что русское войско подходитъ. – „Пусть жители довѣрчиво выйдутъ къ намъ съ хлѣбомъ и солью, было имъ сказано,—пусть они бросятъ свое оружіе и всякіе замыслы касательно безпорядковъ; иначе мы не пойдемъ къ нимъ и представимъ городъ произволу баши-базуковъ.“

Съ этимъ напутствіемъ посланцы были отпущены.

На батареяхъ и редутахъ господствовала полная тишина и отсутствіе жизни. Это служило признакомъ, что адріанопольскія укрѣпленія уже оставлены.

И дѣйствительно, весь гарнизонъ еще наканунѣ вечеромъ уѣхалъ на нѣсколькихъ поѣздахъ по ж. дорогѣ въ Чаталджу, увозя съ собою, что возможно.

Не прошло и двухъ часовъ послѣ отправленія посланцевъ, какъ на встрѣчу двинувшемуся съ привала отряду вышла изъ города огромная толпа христіанскаго насе-

ленія въ разноцвѣтныхъ праздничныхъ нарядахъ, которая, завидя отрядъ, вначалѣ какъ бы замерла, а затѣмъ, по мѣрѣ нашего приближенія, заколыхалась и, въ концѣ концовъ, не выдержала — съ воплями и криками: „братушка, братушка! Да живіе Царь Александръ!“—бурнымъ потокомъ влилась въ ряды своихъ освободителей, и, орошая слезами радости, цѣловала наши не только руки, но и полы одежды, сапоги, стремена.

Энтузіазмъ толпы былъ настолько великъ, что того и гляди—снимутъ тебя съ сѣдла, чтобы нести на рукахъ. Эскадроны, нѣкоторое время положительно не могли двигаться среди этой густой массы народа. Приходилось потомъ уже безцеремонно пробиваться сквозь нее, пока отрядъ не свернулъ съ дороги, ведущей въ городъ, влѣво на высоту.

Не обошлось, конечно, при этомъ и безъ курьезовъ. Наши солдаты, удивленные вначалѣ такимъ почетомъ, стали подъ конецъ съ важностью растопыривать свои заскорузлыя руки для поцѣлуевъ, и покровительственно трепать по щекѣ всѣхъ окружающихъ безъ разбора—будь онъ простой болгаринъ или важный сановникъ. И это, разумѣется, возбуждало не мало смѣха.

Въ сторонѣ дороги, куда мы свернули, старики и женщины съ грудными дѣтьми стоя на колѣняхъ, съ распростертыми къ небу руками и съ умиленіемъ на лицахъ, какъ видно было, усердно молились.

Было уже два часа пополудни, когда отрядъ подъ звук

хора трубачей вступилъ на площадку у предмѣстья Ильдеримъ и здѣсь былъ встрѣченъ громадной церковной процессіею во главѣ съ греческимъ митрополитомъ. Тутъ были и армянскій архіепископъ, и болгарскіе священники, и еврейскіе раввины, и все это сопровождалось новою массою народа тысячъ до 40.—Духовенство привѣтствовало русскаго генерала въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Имена Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандовавшаго поминались съ благословеніемъ и благодарностью за своевременное спасеніе города отъ напасти.

Трубачи заиграли „Боже Царя Храни" и воодушевленное „ура" Государю Императору огласило всю площадь. Восторгъ народа былъ полный и искренній: шелъ прямо отъ сердца. Да и каждый изъ насъ, глядя на радостныя лица толпы, испытывалъ самое отрадное чувство.

Пока все это происходило баши-бузуки, черкесы и вообще разные злоумышленники уходили изъ города, который не смотря на это, былъ далека не спокоенъ: безпрестанная пальба раздавалась на улицахъ, стрѣляли и уходившіе злодѣи, стрѣляли по нимъ и жители, успѣвшіе первымъ дѣломъ разграбить большіе склады казеннаго оружія.

По окончаніи всего описаннаго, отрядъ, не входя въ самый городъ, представляющій изъ себя цѣлый лабиринтъ, расположился на возвышенности у предмѣстья, выслалъ мѣры охраненія и сталъ выжидать дальнѣйшихъ событій.

Немедленно послано было Генералъ—Лейтенанту Дохтурову донесеніе:

„Спѣшу доложить, что набѣгъ на Адріанополь совершенъ быстро, такъ что въ 6 час. вечера наканунѣ нашего появленія турки еще спѣшили уходить. Мною захвачено 22 пушки и 4 круповскихъ большаго калибра. Прошу донести Его Высочеству.“

„Ген. Маіоръ Струковъ.“

Такъ ко всеобщему удивленію безъ выстрѣла, произошло занятіе Адріанополя, окруженнаго 35 фортами, большею частью долговременной профили, которые, впрочемъ, были вооружены лишь отчасти.

Ахмедъ Эюбъ—Паша съ 2000 пѣхоты, очистилъ его безъ сопротивленія, взорвавъ пороховой складъ, арсеналъ и старый сераль. Другія части турецкой арміи, минуя этотъ городъ, направились къ югу.—

Занятіе Адріанополя имѣло для насъ теперь, какъ и въ 1829 году, чрезвычайно важное значеніе. Расположенный при сліяніи Тунджи и Арды съ Марицей, на железной дорогѣ изъ Константинополя и Дедеагаче въ Филиппополь и Ямболь, городъ этотъ составляетъ главный узелъ дорогъ въ Румеліи, находясь почти въ равномъ разстояніи отъ подножія Балкановъ, Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей, въ 150 верстахъ отъ Дарданельскаго пролива, въ 175 верстахъ отъ Филиппополя и въ 200 верстахъ отъ Константинополя. Обладая этимъ пунктомъ, легко было

прервать сухопутное сообщеніе Константинополя съ остальными частями Европейской Турціи, обезпечить собственныя сообщенія, равно и организовать продовольствіе арміи, пользуясь желѣзными дорогами, находившимися въ тылу. Еще не задолго передъ тѣмъ этотъ городъ, съ его стратегическимъ значеніемъ, составлялъ химеру для самыхъ смѣлыхъ мечтаній; во всякомъ случаѣ, всѣ ожидали, что для овладѣнія имъ придется потратить не мало жертвъ. Между тѣмъ этотъ ключъ къ Константинополю достался намъ, какъ уже сказано, безъ выстрѣла, одинаково, какъ и въ 1829 году.

Кромѣ захвата Адріанополя, какъ стратегическаго пункта, внезапное появленіе нашего летучаго отряда имѣло громадное значеніе и для самаго города, избавившагося такимъ образомъ отъ предстоявшаго ему пожарнаго бѣтствія, такъ какъ, по свидѣтельству жителей, турецкія власти, покидая городъ, оставили въ немъ 500 охотниковъ изъ черкесовъ и разнаго бездомнаго сброда, которые должны были, при первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ въ окрестностяхъ Адріанополя, зажечь городъ въ разныхъ мѣстахъ и, насколько успѣютъ, перерѣзать христіанскихъ жителей безъ различія народностей.—

Оцѣнить по достоинству молодецкій рейдъ Генерала Струкова дѣло исторіи. Съ своей стороны, какъ непосредственный участникъ и очевидецъ этого набѣга, имѣя въ виду малочисленность участвовавшаго въ немъ отряда, при грандіозности самаго предпріятія, а также и окружавшую его обстановку, могу только повторить извѣст-

ныя слова: „Не будь на то Господней воли,“ и прибавлю: Адріанополя–бъ не взять?—

Этотъ выдающійся случай можетъ быть объясненъ только беззавѣтною рѣшимостью, и безбрежною отвагою, присущими такому начальнику, какимъ проявилъ себя въ этомъ дѣлѣ Генералъ Струковъ; ничто иное, а только одно это и могло, при данныхъ обстоятельствахъ, привести къ столь смѣлому и скорому захвату мусульманской Столицы, а съ нимъ вмѣстѣ и къ неожиданному разстройству всѣхъ разсчетовъ турецкихъ вождей.

Стоило Генералу Струкову хоть немного опоздать занятіемъ желѣзно–дорожной станціи и моста въ Семенли-Тырново-Херманлы и замедлить свое послѣдующее движеніе впередъ.–энергичный Сулейманъ, у котораго оставалось еще тысячъ 30 человѣкъ, успѣлъ бы соединиться съ арміею, спѣшившей изъ Шумлы и тогда твердыни Адріанополя могли-бы надолго остановить побѣдоносное шествіе нашей арміи къ конечному предѣлу всей кампаніи. (*)

Правда.–Генералъ Струковъ дѣйствовалъ, пользуясь паникою.–результатомъ. вначалѣ, шипкинскаго погрома, а затѣмъ и молодецкихъ дѣйствій нашей бригады и казаковъ,–которая росла среди турокъ съ неимовѣрною быстротою. но надо было умѣть воспользоваться этимъ факторомъ войны до конца. И дѣйствительно: почти

(*) Изъ захваченныхъ Генераломъ Струковымъ на ст. Тырново депешъ, было извѣстно что еще 1-го Янв. Сулейманъ требовалъ немедленной присылки всего подвижнаго состава для перевозки своей арміи изъ-подъ Филиппополя въ Адріанополь, но благодаря тому, что 3-го числа станція Тырново была уже въ рукахъ Московскихъ драгунъ, требованіе это осталось безъ исполненія.

вплоть до Константинополя, какъ турки стремительно ни бѣжали, нашъ отрядъ былъ тутъ–какъ–тутъ.

Насколько паника была велика, показываетъ уже одно то, что появленіе, можно сказать, горсти нашей кавалеріи ($4^1/_2$ эск., 1 сотня) въ окрестностяхъ Адріанополя, заставляетъ цѣлыя турецкія полчища миновать этотъ городъ, гдѣ имѣлась первоклассная позиція съ великолѣпными фортами, приспособленными къ сильной оборонѣ.

Трехдневная стоянка полка въ Адріанополѣ.

Еще при вступленіи отряда въ городъ Генералу Струкову было уже извѣстно черезъ добытаго „языка", что Гассанъ–Паша съ отрядомъ арабовъ отъ 2 до $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ идетъ въ авангардѣ Абдулъ-Керима по Ямбольско-Адріанопольской дорогѣ. Поэтому въ сторонѣ, откуда можно было ожидать появленія его, были пущены усиленные разъѣзды; справа бивакъ былъ обезпеченъ рѣкою Марицею, непроходимою въ бродъ, а присутствіе Скобелева въ Хаскіоѣ позволяло быть спокойнымъ за весь тылъ отъ Адріанополя до Херманлы.

Тѣмъ не менѣе, и, не смотря на пріемъ, оказанный жителями, доставившими, кстати сказать, на бивакъ обильное угощеніе и кормъ для лошадей, отрядъ не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Въ первыя минуты, когда всѣ находились еще подъ вліяніемъ вышеописаннаго народнаго ликованія, объ опасности какъ-то мало думалось. Но лишь только туманъ, навѣянный торжествен-

ностью встрѣчи, сталъ разсѣеваться, какъ всѣ мы начали озираться, вглядываться и прислушиваться въ обрисовавшуюся дѣйствительность нашего изолированнаго положенія; и чѣмъ гуще наступившіе сумерки окутывали бивакъ, тѣмъ возбужденное состояніе въ отрядѣ увеличивалось все больше и больше. Наконецъ наступила ночь. Буквально не было на всемъ бивакѣ человѣка, который-бы хоть на минуту сомкнулъ глаза: всѣ были начеку. Кони, понуривъ головы, стояли не разсѣдланными. Кругомъ царила полнѣйшая тишина, хотя многіе жители и оставались еще на занимаемой нами площадки. Отлучка съ бивака была строго воспрещена. Въ таковомъ состояніи эскадроны встрѣтили зарю 9-го Января.

Да и городъ былъ еще въ большомъ волненіи. Объ этомъ Генералъ Струковъ писалъ Начальнику авангардной кавалеріи:(*)

„Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что со вчера все состоитъ благополучно, хотя возбужденное состояніе продолжается и страхъ таковъ, что при малѣйшемъ обстоятельствѣ можетъ произойти катастрофа.....“—

Прибытіе въ Адріанополь 3 4 эскадр.

Это донесеніе получено Генераломъ Духтуровымъ на пути его изъ Мустафы въ Адріанополь, куда онъ и прибылъ въ 2 часа дня 9-го Января, съ остальными частями бригады, поручивъ городъ Мустафу-Пашу Шуйскому пѣхотному полку съ двумя орудіями. Съ прибы-

(*) Журналъ воен. дѣйств. 1-ой Кавал. див.

тіемъ остальныхъ эскадроновъ въ Адріанополь, и пѣхоты съ артиллеріею въ Мустафу, а также съ выясненіемъ, болѣе или менѣе, окружавшей обстановки положеніе нашего летучаго отряда значительно облегчилось.—Къ тому времени и городъ, благодаря греческому Архіерею и усердію духовенства другихъ исповѣданій, началъ успокоиваться. Самъ Генералъ Струковъ съ разъѣздомъ отправился въ городъ, чтобы появленіемъ своимъ окончательно успокоить тревогу въ жителяхъ. Большое содѣйствіе оказали также и явившіеся на бивакъ четыре консула—французскій, англійскій, греческій и австрійскій, которые вмѣстѣ съ находившимися въ ихъ распоряженіи 73 аскирами при 2-хъ офицерахъ, оставленныхъ Мухаметомъ Эюбомъ въ Адріанополѣ, въ качествѣ полицейской стражи, сами ходили въ ночныхъ потруляхъ по городу.

Такъ прошли дни 8 и 9 Января, въ теченіи которыхъ полкъ, неся охранительную и развѣдывательную службу, оставался въ Адріанополѣ. Благодаря благоразумію и опытности полковыхъ и эскадронныхъ командировъ, потерь въ полку, да и во всемъ летучемъ отрядѣ до сихъ поръ почти не было: не смотря на бивачную жизнь въ зимнюю пору, при дневной и ночной непрерывной службѣ, больныхъ было всего два человѣка, отсталыхъ лошадей не было вовсе и втеченіи всего времени сохранялась образцовая дисциплина.

Пріѣздъ Генерала Скобелева и вступленіе авангарда.

Къ вечеру 9-го числа прибылъ въ Адріанополь по желѣзной дорогѣ Генералъ Скобелевъ съ частью своей

пѣхоты. а 10 Января—вступили: Шуйскій пѣхотный полкъ, 11-ый стрѣлковый боталіонъ и 4 орудія.

При вступленіи Начальника авангарда въ городъ его встрѣчали разныя депутаціи духовенство и масса народа.

Войска были выстроены.

Обращаясь къ нашему летучему отряду, виновнику свободнаго въѣзда въ масульманскую столицу. Генералъ Скобелевъ отъ имени всей Россіи, отдавъ поклонъ, въ самыхъ трогательныхъ словахъ благодарилъ полки наши за молодецкій набѣгъ, вслѣдствіе котораго войска Гассана и Абдулъ-Керима миновали Адріанополь. Оказалось, что Мехметъ-Али-Паша, проѣзжавшій по Ямбольской дорогѣ еще 6-го Января, нагнавъ эти войска, сообщилъ ихъ начальникамъ, что русскій авангардъ, двигаясь по шоссе, во всякомъ случаѣ предупредитъ ихъ въ Адріанополѣ, и такъ какъ они, благодаря вязкой грунтовой дородѣ, въ сущности и теперь уже опаздали въ этотъ городъ, то лучше имъ свернуть на Киркилиссу. Они такъ и сдѣлали, бросая по дорогѣ всѣ военныя тяжести, замедлявшія ихъ трудное движеніе

Городъ Адріанополь.

Среди службы. пользуясь свободнымъ временемъ, офицеры ѣздили осматривать городъ, который, собственно не привлекалъ особеннаго вниманія, благодаря непро-

ходимой грязи, узкимъ улицамъ и другимъ недостаткамъ. Не говоря уже о предмѣстьи, называемомъ Ильдеримомъ, гдѣ всѣ домишки строены на живую руку, изъ дранья и глины и находятся въ крайнемъ и давнишнемъ запущеніи —но и самый Адріанополь,—судя по первому впечатлѣнію,—такая-же азіатская мерзость, какъ и всѣ прочіе видѣнные нами турецкіе города. Вездѣ нищета и убожество. Даже главная улица мало отличается отъ остальныхъ темныхъ закаулковъ; разница только въ томъ, что нѣсколько шире и бойчѣе, По сторонамъ ея -почти сплошной рядъ лавченокъ, напоминающихъ своею живо-трепещущею постройкою наши балаганные „ряды" на ярморкѣ уѣзднаго средней руки городишка. На другой-же день нашего пребыванія пронырливые греки, жиды и армяне открыли уже торговлю, которая здѣсь производится, можно сказать, на улицѣ, такъ какъ рѣдкій изъ магазиновъ имѣетъ переднюю стѣну и входную дверь; она либо раздвижная, либо откидывается вверхъ. Тутъ у нихъ и брѣются, и пьютъ кофе, и закусываютъ и курятъ, и коммиссіонерствуютъ и деньги мѣняютъ. Все это кричитъ, шумитъ и зазываетъ прохожихъ и ругается между собою. При этомъ отъ множества нищихъ, калѣкъ и убогихъ-отбоя нѣтъ. Тутъ-же на каждомъ шагу встрѣчаются представители цѣлыхъ трехъ частей свѣта. Европы, Азіи и Африки. На перебой другъ передъ другомъ лѣзутъ и пристаютъ они къ вамъ съ разными „секретными" и „не секретными" предложеніями и грошевыми товарами, такъ что не знаешь, которому же наконецъ изъ представителей этихъ трехъ народностей должно отдать преимущество въ юркости, назойливости, плутавствѣ и умѣньи ловко обдѣлывать свои темныя дѣлишки. Турчанки встрѣ-

чались какъ очень рѣдкое исключенiе. Закутанныя въ бѣлыя кисейныя чарды и зеленые либо черные бурнусы, онѣ тихо, словно печальныя тѣни, пробирались сторонкой, очевидно, идя куда-то по своимъ дѣламъ и не обращая ни малѣйшаго вниманiя на уличную толпу и на пришельцевъ—воиновъ вражеской армiи.

Изъ достопримѣчательностей города слѣдуетъ отмѣтить знаменитый храмъ Селима, который съ перваго-же взгляда поражаетъ громадностью своихъ размѣровъ. Всѣ внутреннiя стѣны и карнизы джамiи испещрены вязью благочестивыхъ надписей и арабесками; полъ мраморный, разноцвѣтный, и мѣстами покрытъ циновками. По самой срединѣ храма журчитъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ, а надъ нимъ на нѣсколькихъ колонкахъ устроенъ родъ эстрады, куда ведетъ особая лѣсенка. На этой эстрадѣ обыкновенно возсѣдаетъ пѣвецъ съ Кораномъ. Въ восточной сторонѣ храма, которая соотвѣтствуетъ нашему алтарю, въ стѣнѣ находится большая ниша, передъ которой, во время нашего посѣщенiя, нѣсколько благочестивыхъ масульманъ, сидя на пяткахъ, безъ туфель, клали частые поклоны. Въ этой молитвѣ, сопровождаемой одинокимъ пѣнiемъ на эстрадѣ, и состояло все богослуженiе.

Турецкiя пики.

При осмотрѣ предмѣстьевъ города, въ одномъ изъ большихъ складовъ, мы нашли длинныя, прекрасныя, бамбуковыя пики. Явилась мысль замѣнить ими свои уланскiя. Но тутъ-же попробовавъ фланкировку ими, съ непривычки.

онѣ показались намъ менѣе удобными, и потому, а главное, не придавъ находкѣ этой значенія военнаго трофея, какъ усмотрѣнной въ складѣ,—оставили ихъ безъ вниманія. Въ послѣдствія-же онѣ, отданы были на память Великимъ Княземъ Главнокомандовавшимъ, вступившему въ Адріановоль, позднѣе насъ, Л-Гв. Уланскому полку.

Узнавъ объ этомъ пожалованіи, Петербургскіе уланы, естественно, въ правѣ были сокрушаться и сожалѣть о потерѣ, по собственной ихъ винѣ, знакѣ вниманія обожаемаго Главнокомандовавшаго.

Глава VI.

Выступленіе изъ Адріанополя.

Не долго отдыхали Петербургскіе уланы во второй столицѣ Турецкой Имперіи. Сдавъ Адріанополь съ рукъ на руки авангарду Генерала Скобелева, они въ ночь съ 10-го на 11-е Января выступили вмѣстѣ съ Московскими драгунами подъ начальствомъ Генерала Струкова, по дорогѣ на Константинополь.

Было такъ темно, что бригада, двигаясь по безобразно-извилистымъ улицамъ города, ежеминутно разрывалась и, теряя слѣды впереди идущихъ, долго не могла выбраться изъ этого лабиринта, обходя одно и тоже мѣсто по нѣскольку разъ. Наконецъ съ помощью проводниковъ, при факелахъ, эскадроны выбрались къ южному выходу изъ города и, пройдя, нѣсколько верстъ, за невозможностью слѣдовать въ темнотѣ, остановились около какихъ-то

строеній, и дремля каждый около своей лошади, стали ждать разсвѣта.

Дождавшись утренней зари, бригада двинулась далѣе, гоня предъ собою небольшія партіи баши-бузуковъ и черкесовъ.

Въ сторонѣ отъ дороги справа и слѣва раздавались безпрестанные выстрѣлы: это партіи болгаръ и грековъ вели непрерывную малую войну съ турецкими бѣглецами, мародерами и жителями.

То былъ одинъ изъ самыхъ истребительныхъ способовъ войны, гдѣ противники не давали другъ другу ни малѣйшей пощады: зайдутъ-ли турки въ христіанскую деревню —деревня сейчасъ-же горитъ; старики, женщины и дѣти вырѣзываются; скотъ пристрѣливается и турки убѣгаютъ далѣе. Настигнутъ-ли ихъ вооруженные христіане—происходитъ новая рѣзня и бойня; и если попадется христіанамъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ большой дороги деревня турецкая, то ее также ожидаетъ участь пожара и разгрома, въ отмѣстку за истребленіе христіанскихъ селеній.

Нашъ отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, чтобы помимо главнѣйшей своей цѣли—наступательнаго движенія къ Царьграду—принимать на себя еще полицейскія обязанности въ сторонѣ отъ своего прямого пути; гдѣ было возможно, наши уланы и драгуны спасали отъ взаимнаго истребленія какъ христіанъ такъ и турокъ; но далѣе въ стороны отъ дороги, куда отрядъ не имѣлъ возможности посылать разъѣзды, по всему краю свирѣпствовала ужас-

ная бойня между христіанскимъ и мусульманскомъ населеніемъ. Зарево пожаровъ то справо, то слѣва освѣщало нашъ путь.

Г. Хавса. Орудія пытки.

Вскорѣ бригада достигла небольшаго городка Хавса и безъ боя заняла его. Здѣсь, между прочимъ, въ канакѣ была найдена комната, наполненная цѣпями и различными инструментами пытки, и, очевидно, служившая мѣстомъ инквизаціонныхъ истязаній. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, который вмѣстѣ съ двумя образцами пыточныхъ инструментовъ препровожденъ Генераломъ струковымъ къ Великому Князю Главнокомандовавшему. Тутъ-же была освобождена масса болгаръ, захваченныхъ турками для поголовнаго ополченія и томившихся безъ пищи въ заключеніи во дворахъ и подвалахъ конака.

Послѣ полудня въ Хавсу прибыли, на усиленіе нашего отряда, двѣ сотни казаковъ и 1-я батарея.

3-й эскадронъ на станц. Павлокіой.

Вечеромъ того-же дня 3-й эскадронъ Ротмистра Свѣта, при офицерахъ: Штабсъ-Ротмистрѣ Базелевскомъ, Поручикахъ Васильевѣ и Ивановѣ, и Корнетѣ Покровскомъ, былъ высланъ къ желѣзно-дорожной станціи Павлокіой для порчи дороги и захвата телеграфа.

Въ инструкціи, данной Генераломъ Струковымъ,

сказано было, чтобы эскадронъ, пройдя приблизительно $^3/_4$ пути, остановился и уже съ восходомъ луны направился бы къ Павликiою для достиженiя указанной цѣли; а по выполненiи задачи, идти въ г. Баба-Эски, куда къ тому-же времени прибудетъ и весь отрядъ, остававшiйся ночевать въ Хавсѣ.

Станцiя Павлокiой отстояла отъ Ховсы верстахъ въ 30-ти и въ полосѣ совершенно неосвѣщенной развѣдками, между г. Люле-Бургасомъ и Бургасомъ-Кулеси, отъ коего отдѣляется желѣзно-дорожная вѣтвь на Демотику и далѣе на Деде-Агачъ до Эгейскаго моря.—

Какъ сейчасъ помню трогательное прощанiе съ нами Генерала Струкова, провожавшаго эскадронъ въ опасную экспедицiю. Заключительными словами въ его напутственной рѣчи были: „Ну съ Богомъ!" и Генералъ перекрестилъ насъ.

Былъ уже поздній вечеръ, когда эскадронъ всецѣло отдавшись въ руки проводника-болгарина, выступилъ изъ Хавсы.

Ночь была какъ и предъидущая, на столько темна, что нельзя было видѣть ни впереди, ни рядомъ идущихъ товарищей. Приходилось чуть не держаться за хвосты переднихъ, чтобы не оторваться. Такъ среди непроницаемаго мрака, шагъ за-шагомъ уланы тянулись довольно долго, пока наконецъ добрались до какой-то деревушки. Съ большимъ трудомъ произведя осмотръ этого селенiя, разъѣздъ Поручика Васильева, нашелъ его совершенно

покинутымъ, а приведенные имъ два арнаута объяснили, черезъ нашихъ-же уланъ-татаръ, что турки только что наканунѣ выступили отсюда.

Ощупью войдя въ деревню и держа лошадей въ поводу, эскадронъ расположился на площадкѣ, обнесенной, какъ уже потомъ мы увидѣли, высокимъ тыномъ изъ колючихъ растеній, и глубокой канавой; въ общемъ, какъ это мѣсто, такъ и все селеніе представляло изъ себя родъ настоящей западни, изъ которой не только ночью, но и днемъ едва можно было выбраться. Кругомъ всей деревни были выставлены посты-отъ головнаго отряда, слѣдовавшаго подъ начальствомъ Поручика Васильева. Простоявъ въ такомъ положеніи до восхода луны, эскадронъ выступилъ изъ деревни и, по указанію тѣхъ-же арнаутовъ, быстро достигъ Павлокіоя.

Еще на пути къ станціи вся предстоявшая работа была уже распредѣлена между офицерами: Шт. Ротмистру Базилевскому поручено было захватить телеграфный аппаратъ и всю корреспонденцію; Поручикъ Васильевъ долженъ былъ охранять мѣсто работъ; Поручику Ивановусиять рельсы и крестовины, а Корнету Покровскому приказано разрушить телеграфныя столбы и проводъ.

Не успѣлъ головной взводъ Шт. Ротмистра Базилевскаго подлетѣть къ станціи, какъ былъ встрѣченъ выстрѣлами засѣвшихъ тамъ восьми человѣкъ турокъ. Окруживъ вокзалъ, уланы быстро ворвались въ него и обезоруживъ противника, прежде всего сорвали ключъ съ аппарата. Начальникъ станціи, какой-то французъ, сначала спрятался,

а затѣмъ отдалъ офицеру всѣ имѣвшіяся у него бумаги.— Тѣмъ временемъ работа на полотнѣ дороги была мигомъ окончена: рельсы и стрѣлки сняты и брошены въ находившійся поблизости прудъ; телеграфъ уничтоженъ.—Все кругомъ было тихо и спокойно; тѣмъ не менѣе на серьезныхъ и въ тоже время какъ-бы разсѣянныхъ лицахъ солдатъ можно было прочитать отраженіе внутренней и сильной душевной работы, въ которой чувства тревожныя смѣнялись на мгновеніе то утѣшеніемъ, что все пройдетъ благополучно, то приливомъ нравственнаго долга о необходимости и неизбѣжности совершающагося.

Полная неизвѣстность окружавшей обстановки, дѣйствительно была томительна. Каждый это чувствовалъ и каждый понималъ опасность своего положенія.

Но, Слава Богу, главное было окончено, и теперь оставалось позаботиться лишь о скорѣйшемъ присоединеніи къ отряду.

Было уже совершенно свѣтло, когда эскадронъ, снявъ охраненіе, и забравъ плѣнныхъ, быстро двинулся къ Баба-Эски, отстоявшей отъ Павлокіоя болѣе 35 верстъ.

Утро было ясное, но холодное. Вся природа еще спала кругомъ и только топотъ нашихъ коней звонко разносился по долинѣ.

На этомъ пробѣгѣ эскадрону пришлось 14 разъ переходить глубокіе броды, изъ коихъ два были совершены вплавь, что заставило Ротмистра Свѣта, по совѣту съ

офицерами, объявить свободу плѣннымъ которые такъ удивлены были этимъ что кланялись намъ до земли, воздѣвали руки къ небу и всѣ восемь человѣкъ стояли на колѣняхъ пока мы скрылись изъ виду.

Часовъ около 11-ти утра эскадронъ подошелъ къ Баба-Эски, сдѣлавъ въ эту ночь болѣе 70 верстъ. Услыхавъ раздававшіеся въ городѣ выстрѣлы, уланы остановились по сю сторону рѣчки, выславъ взводъ Поручика Иванова на развѣдку, который вскорѣ донесъ, что въ городѣ идетъ рѣзня между жителями болгарами и турками и, что уходящій многочисленный обозъ охраняется партіею черкесовъ.—Чтобы прекратить рѣзню Ротмистръ Свѣтъ рѣшается ввести эскадронъ въ городъ, и только что уланы вступили въ улицу какъ толпа болгаръ бросились имъ на встрѣчу, моля о защитѣ ихъ.

При появленіи эскадрона баши-бузуки тотчасъ-же разсѣялись, оставивъ слѣды страшнаго разбоя и грабежа. Въ числѣ зарѣзанныхъ жителей находился болгарскій священникъ, подвергшійся мученической смерти, будто-бы за то, что скрылъ отъ злодѣевъ свои деньги и не выдалъ, гдѣ укрыты христіанскія дѣвушки. Тѣло этого мученика валялось среди улицы совершенно обнаженное и обезображенное.

Замѣчательно, что и тутъ при всѣхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на турокъ, при всемъ ихъ отчаяніи, проявлявшемся въ мстительныхъ поджогахъ и убійствахъ, ихъ ни на минуту не оставляли инстинкты самой грубой чувственности, оргія которой безстыдно и всенародно

совершалась среди крови и пожарищъ. Молодыя женщины и малолѣтнія дѣвочки большею частія прирѣзывались ятаганами непосредственно вслѣдъ за изнасилованіемъ. Было что то безумное и нечеловѣческое во всѣхъ этихъ кровожадныхъ чувственныхъ проявленіяхъ, о которыхъ свидѣтелю очевидцу, безъ содраганія и ужаса нельзя вспомнить. —

На сколько было возможно успокоивъ жителей и уговоривъ нѣкоторыхъ бѣглецовъ возвратиться въ свои дома, Ротмистръ Свѣтъ, въ виду неприбытія отряда, долженствовавшаго быть здѣсь рано утромъ, и не имѣя о немъ ни какихъ свѣдѣній, отвелъ эскадронъ на большую дорогу, на встрѣчу бригадѣ и тутъ остановился въ нерѣшительности–что дѣлать дальше? Отсутствіе отряда не на шутку встревожило насъ. Разныя догадки наши по этому поводу не приводили ни къ чему. Но вотъ вскорѣ показались головные части бригады, а затѣмъ подошелъ и весь отрядъ, съ прибытіемъ котораго порядокъ въ городѣ былъ немедленно возстановленъ и войска расположились здѣсь на отдыхъ.

Генералъ Струковъ горячо благодарилъ 3-й эскадронъ за совершенный имъ набѣгъ, который, какъ потомъ оказалось, принесъ весьма чувствительную пользу въ томъ отношеніи, что быстрымъ занятіемъ Павлокіоя и порчею пути мы совершенно отрѣзали отъ Стамбула деде–агачскую вѣтвь жел дороги въ то время, когда въ Деде-Агачѣ находилось 170 вагоновъ и 5 локомотивовъ, которыми впослѣдствіи и воспользовались для скорѣйшаго передвиженія войскъ, артиллеріи, снарядовъ и запа-

совъ къ конечнымъ предѣламъ нашего наступленія.

Г. Люле-Бургасъ. Скопище переселенцевъ-бѣглецовъ.

13-го Января нашъ летучій отрядъ перешелъ въ Люле-Бургасъ.

Подходя къ этому городу, мы настигли громадныя массы переселявшихся турокъ, цыганъ и черкесовъ. Здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ дней скапливалось все, что было враждебнаго болгарамъ, и съ большимъ или меньшимъ основаніемъ страшилось мщенія мѣстныхъ христіанъ и боялось нашего приближенія.

Бѣглецы, остановленные по распоряженію Порты у Люле-Бургаса, въ предупрежденіе того, чтобы не наводнили собою безъ того уже переполненнаго Стамбула, громадными становищами располагались на крестныхъ поляхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій правительства о томъ, куда именно прикажутъ имъ двигаться далѣе. Число люда, настигнутаго нами въ Люле-Бургасъ, приблизительно надо опредѣлить около 180 тысячъ при 20,000 повозокъ

Только паника, вызванная необыкновенно быстрымъ движеніемъ нашего маленькаго отряда, а также разгромъ при Херманлы и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ обезпечило самый отрядъ отъ опасности, угрожавшей ему скопленіемъ такого множества враждебнаго намъ и вооруженнаго населенія.—

Первымъ дѣломъ приступлено было къ обезоруженію этого скопища переселенцевъ. Одни отдавали добровольно, у другихъ приходилось брать силою и скоро цѣлая гора разнаго оружія была сложена на площади въ кучу. изъ которой часть была роздана жителямъ христіанамъ. часть взята офицерами. остальное сложено въ мечетъ съ приставленнымъ къ ней нашимъ карауломъ.—

Затѣмъ оставалось рѣшить—что дѣлать съ такимъ огромнымъ числомъ безпокойнаго, фанатическаго и полуголоднаго люда?—

Не будучи подготовленъ къ такому случаю и не имѣя на этотъ предметъ ни какихъ инструкцій,(*) Генералъ Струковъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшилъ, что можно, во первыхъ, либо отпустить всѣхъ ихъ по дорогѣ далѣе и такимъ образомъ лишить Болгарію значительной части ея населенія со всѣми награбленными въ ней богатствами, либо-во вторыхъ вернуть ихъ назадъ и черезъ то вторично подвергнуть Болгарію на лету саранчи, которая окончательно оголила-бы путь, по которому двигалась и двигается наша армія; либо, въ третьихъ, держать скопища на мѣстѣ и этимъ поморить не только весь скотъ и лошадей, уже въ конецъ изнуренныхъ путемъ и безкормцею, но и людей, безъ того умиравшихъ отъ

(*) Отвѣтъ на запросъ по этому поводу былъ полученъ отъ Генерала Дохтурова лишь на другой день. Въ немъ указывалось: Главнокомандующій приказать изволилъ: Захваченныхъ Вами жителей и аскеровъ обезоружить и отправить въ Радостно, гдѣ разрѣшить имъ по своему усмотрѣнію сѣсть на суда для отплытія въ Малую Азію или Константинополь.—Генералъ Дохтуровъ. Журналъ дѣйств. 1-ой Кавалер. дивизіи.

болѣзней и недостатка пищи; либо-же, наконецъ, въ четвертыхъ,—направить всѣхъ эмигрантовъ на Константинополь; это хотя и нагнало-бы панику на столицу Турціи, но движеніе такой массы по грунтовой дорогѣ въ дождливое время сдѣлало-бы ее совершенно непроходимою для арміи. И безъ того уже конная батарея нашего летучаго отряда едва-едва дотащилась до Люле-Бургаса по страшнымъ колеямъ глинистаго грунта.—

И такъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Генералъ Струковъ предложилъ несчастному люду самому рѣшить свою дальнѣйшую участь. При этомъ собраннымъ старшинамъ было объявлено: кто хочетъ возвратиться домой, пусть свободно возвращается сейчасъ-же, и что русскіе не только не будутъ препятствовать этому, но, желая имъ добра, даже совѣтуютъ это; а кто ищетъ спасенія въ Стамбулѣ, тотъ пускай немедленно направляется въ Родосто, къ Мраморному морю гдѣ турецкіе суда перевезутъ ихъ-куда укажетъ правительство ихъ. Слыша это турецкіе бѣглецы, въ большинствѣ быть можетъ введенные въ заблужденіе, чѣмъ дѣйствительно виновные, принимали съ благодарностью предложеніе русскаго Генерала и высказывали ему горькія жалобы на собственное свое правительство, внушавшее имъ, что приближающіяся русскія войска неизбѣжно внесутъ къ нимъ смерть и раззореніе, а потому спасеніе только одно-бѣжать какъ можно скорѣе, но бѣжать такъ, чтобы замѣдлять наступленіе непріятеля, для чего слѣдуетъ жечь и истреблять на его пути и вообще по всей странѣ ея селенія и продавольственные запасы. Эти несчастные устами многихъ своихъ старшинъ высказывали тяжелое разочерованіе говоря:

„Знай мы, что русскія войска таковы, какими мы ихъ теперь видимъ,—мы ни за что не покинули-бы нашихъ домовъ и земель, и не пошли-бы сами не зная куда“.

При этомъ многими выражалась благодарность Русскому Государю и Главнокомандовавшему за снисходительное и человѣчное обхожденіе съ ними нашего войска.

По прошествіи даннаго имъ срока на обсужденіе, болѣе благоразумная часть выселявшихся повернула назадъ подъ охраною нѣсколькихъ человѣкъ Петербургскихъ уланъ но большинство все таки предпочло направиться въ Родосто.

По этому поводу Генералъ Струковъ отправилъ донесеніе Главнокомандовавшему, выставляя на видъ необходимость дать понять Константинопольскому провительству весь вредъ такихъ насильныхъ выселеній, болѣе разрушительныхъ и для края и для самихъ выселявшихся, чѣмъ самая война, и бывшихъ слѣдствіемъ только фонатизьма и сумасбродства Сулеймана-Паши.

На пути отъ Адріанополя до Люле-Бургаса нашъ летучій отрядъ перехватилъ не мало отдѣльныхъ партій солдатъ, баши-бузуковъ и черкесовъ; въ солдацкихъ обозахъ было найдено два турецкихъ знамени, а у черкесовъ между разнымъ награбленнымъ у болгаръ добромъ отыскалось много церковныхъ вещей и сосудовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на трудность сохранить должную дисциплину въ солдатахъ, когда имъ приходится оберегать и даже обыскивать громадные частые обозы, Генералу Струкову не пришлось ни однаго раза

прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для удержаніе своихъ людей въ чести и вѣрности долгу службы; на уланъ нашихъ не послѣдовало при обыскѣ ни одной жалобы со стороны турокъ, что безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ образцовой дисциплины.

Глава VII.

14-е и 15-е Января Петербургскіе уланы провели на дневкѣ въ Люле-Бургасѣ. Здѣсь полкъ первый разъ по переходѣ Балканъ, послѣ многихъ дней нужды и лишеній очутился въ болѣе или менѣе сносной обстановкѣ; и только тотъ кому довелось самому перенести все это, пойметъ чувство того довольства, которое мы испытывали въ чистыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ зажиточнаго болгарина или грека. Эскадроны были размѣщены по дворамъ довольно удобно. Кони, не смотря на постоянныя передвиженія, послѣ перваго-же дня отдыха были свѣжи и бодры; про людей и говорить нечего, всѣ смотрѣли молодцами.

Въ городѣ найдены были большіе запасы продовольствія и фуража Не будь этого,–намъ пришлось-бы голодать, такъ какъ еще наканунѣ, когда мы стояли въ 2–3 верстахъ отъ Люле–Бургаса, спрашивали у кого что есть изъ съѣстнаго и во всемъ полку нашлось человѣкъ 10–15, имѣвшихъ по одному сухарю, а у Маіора Кріушенко–на сѣдлѣ горсть крупы и щепотка соли. Для заготовки хлѣба Генералъ Струковъ приказалъ Поручику

Васильеву приступить къ устройству хлѣбопекарни, что и было исполнено имъ съ большимъ успѣхомъ, обезпечившимъ весь авангардъ Генерала Скобелева на нѣсколько дней.

Встрѣча съ Л–Гв. Уланскимъ полкомъ.

Въ ночь передъ нашимъ выступленіемъ прибылъ въ Люли-Бургасъ Л–Гв. Уланскій полкъ, для привѣтствія котораго Генералъ Струковъ, Командиръ и офицеры полка съ хоромъ трубачей при свѣтѣ факиловъ, выѣхали верхами на околицу города. Давно уже не видя никого изъ другихъ частей, кромѣ своего отряда, намъ вообще было пріятно встрѣтиться съ кѣмъ либо изъ товарищей, но тутъ что-то родственное откликнулось при встрѣчѣ съ этимъ славнымъ полкомъ, связь съ которымъ какъ-бы и раньше не прерывалась, а при данной исключительной обстановкѣ, она окрѣпла еще болѣе: Генералъ Струковъ раннѣе командовалъ дивизіономъ, Полковникъ Балкъ съ корнетскаго чина служилъ въ этомъ полку и нѣкоторые молодые офицеры, начавшіе въ немъ свою службу вольноопредѣляющимися, до производства въ Корнеты, нашли много товарищей и это еще болѣе послужило поводомъ къ братскому пріему дорогихъ гостей лейбъ-уланъ.

Дѣло подъ г. Чорлу.

Утромъ 16-го Января нашъ летучій отрядъ выступилъ изъ Люле-Бургаса въ деревню Карииштиранъ. Едва

лишь авангардъ отряда показался въ виду этой деревни, какъ изъ нее вышла турецкая пѣхота, въ числѣ до 300 человѣкъ и безъ выстрѣлу отступила по направленію къ югу.

Желая обезпечить свой ночлегъ и знать, что предстоитъ на завтра, Генералъ Струковъ выслалъ съ вечера усиленный казачій разъѣздъ къ городу Чорлу. Разъѣздъ этотъ приближаясь къ желѣзно-дорожной станціи, находящейся въ двухъ верстахъ отъ названнаго города, былъ встрѣченъ значительно превосходящими силами противника и принужденъ удалится. Поэтому утромъ 17-го, за два часа до выступленія отряда, былъ выдвинутъ туда 1-й эскадронъ Петербургскаго полка, подъ командой Штабсъ-Ротмистра Князя Дондукова-Корсакова, при офицерахъ: Поручикѣ Величко, Корнетахъ-Мартьяновѣ, Лукутинѣ, Ограновичѣ и Дурново, съ цѣлью развѣдки мѣстности и непріятельскихъ силъ, а также захватить телеграфъ, дабы не дать противнику возможности извѣстить далѣе за Чорлу о приближеніи русскаго отряда.

Благодаря неожиданности появленія этого эскадрона, захватъ желѣзно-дорожной станціи сдѣланъ былъ очень ловко и быстро. Едва Князь Дондуковъ и поручикъ Величко успѣли снять телеграфный аппаратъ, какъ разъѣздъ, посланный къ городу, возвратился и донесъ, что городъ наполненъ множествомъ непріятельской кавалеріи, которая при приближеніи разъѣзда открыла по немъ стрѣльбу, стала выходить изъ города и строиться на горѣ. Тогда командиръ эскадрона подалъ знакъ къ отступленію и уланы, перейдя мостъ, остановились за рѣкой.

Непріятель-же въ размѣрѣ эскадрона, разсыпавшись, началъ перестрѣлку, между тѣмъ какъ остальные числомъ до 4 эскадроновъ продолжали двигаться сомкнутою частью къ мосту, вслѣдствіе чего полуэскадронъ Корнета Мартьянова спѣшился и занялъ мостъ стрѣлками.

Началась перестрѣлка которая хотя задержала турокъ, но не надолго: они стали переходить топкую и болотистую рѣчку въ бродъ. Замѣтя это, Князь Дондуковъ, посадивъ стрѣлковъ на коней, отступилъ прежде чѣмъ турки успѣли исполнить свою переправу и немедленно далъ знать о своемъ положеніи Генералу Струкову. Тогда на помощь уланамъ была выдвинута на рысяхъ 5-я сотня казаковъ подъ начальствомъ Сотника Корелова, при участіи нашего знаменитаго художника В. В. Верещагина, которая должна была взять во флангъ два турецкіе эскадрона, успѣвшіе уже пройти чрезъ мостъ и завязавшіе съ конеи перестрѣлку съ наѣздниками Князя Дондукова. Вскорѣ дѣло дошло до схватки, въ которой нашъ эскадронъ потерялъ (*) убитыми 5 человѣкъ и 5 лошадей, ранеными-8 ниж. чиновъ и 11 лошадей, въ томъ числѣ ранена лошадь подъ Княземъ Дондуковымъ и убита подъ Корнетомъ Лукутинымъ. Этотъ послѣдній офицеръ былъ спасенъ почти отъ вѣрной гибели рядовымъ Андріановымъ, который, пренебрегая собственною опасностью, слѣзъ съ лошади и предложилъ ее своему офицеру (**).

(*) Списокъ убитымъ и раненымъ см. въ Приложеніи №

(**) За таковой подвигъ рядовой Андріановъ награжденъ знакомъ Военнаго Ордена Св. Георгія 4-й степени.

Остальные турецкіе эскодроны оставались по ту сторону рѣчки у брода въ выжидательно-угрожающемъ положеніи. Очевидно, что они считали свои два эскадрона пущенные уже въ дѣло, совершенно достаточною силою, чтобы уничтожить нашихъ.

Въ виду сильнѣйшаго противника, положеніе нашего эскадрона становилось все болѣе и болѣе кретическимъ, какъ вдругъ сотня Корелова неожиданно налетѣла на турокъ и съ гикомъ приняла ихъ въ шашки и пики. Увидя подмогу, наши уланы тоже бросились въ атаку и вмѣстѣ съ казаками окончательно смяли оба турецкихъ эскадрона. Между тѣмъ на мѣсто боя стали постепенно прибывать и остальныя части бригады. Первыми подошли 1 и 3-я сотни, а за ними 1-ый эскадронъ Московскихъ драгунъ. Общее начальство надъ авангардомъ поручено было Командиру Казачьяго полка Полковнику Кутейникову, которому и было приказано рѣшительно наступать къ Чорлу, пройти городъ насквозь и заставить непріятеля очистить его.

Стянувъ къ себѣ всѣ части авангарда, Полковникъ Кутейниковъ отдалъ слѣдующее распоряженіе: 1-му уланскому эскадрону слѣдовать въ городъ по шоссе; 5-й сотнѣ двигаться лѣвѣе уланъ, бездорожно къ центру города; 3-ей сотнѣ въ обходъ города съ восточной стороны; 1-й сотнѣ и 1-му драгунскому эскадрону находиться въ резервѣ съ тѣмъ, чтобы оказать помощь тамъ гдѣ потребуется. Сверхъ того 3-ей сотнѣ было поручено найти удобные броды въ топкой рѣчкѣ Черлу-дере и изслѣдовать

спуски и подъемы къ городу, минуя шоссейную дорогу; Полковникъ Кутейниковъ считалъ это весьма важнымъ, опасаясь скопленіе людей на единственномъ мосту и на узкой дорогѣ въ случаѣ отступленія, если-бы силы противника оказались несоразмѣрно велики. Въ такомъ порядкѣ части авангарда почти одновременно двинулись впередъ.

Непріятельская кавалерія начала отступать и втянулась въ г. Чорлу, не рѣшаясь впрочемъ завязывать дѣло въ улицахъ, такъ какъ христіанское населеніе, увидя приблеженіе русскихъ, выказало въ отношеніи турокъ явную враждебность.

Дегаетъ-Паша, командовавшій гарнизономъ Чорлу все время наблюдалъ съ горы за ходомъ боя, но при приближеніи нашихъ вдругъ ударился бѣжать, увлекая за собою свою кавалерію и оставя конакъ со всѣми бумагами. Въ городѣ, при видѣ этого бѣгства, поднялась суматоха: христіане толпами высыпали на улицу, а турецкое населеніе торопилось выбираться вслѣдъ за своими войсками. Впрочемъ, не смотря на суматоху, казачьи разъѣзды и нашъ 1-ый эскадронъ прошли по улицамъ вполнѣ свободно, при радостныхъ крикахъ толпившихся христіанъ и вскорѣ всѣ части авангарда показались на противоположной сторонѣ города и расположились по обѣ стороны Константинопольской желѣзной дороги.

Для преслѣдованія бѣгущаго противника назначена была 5-я сотня, которая гнала его на протяженіи нѣсколь-

кихъ верстъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ двухъ всадниковъ и потерявъ одну лошадь убитою.

Такимъ образомъ г. Чорлу остался за нами, а турецкая кавалерія отступила къ Силивріи.

Тяжелая дорога разбухшая отъ дождей, не давала возможности преслѣдовать противника далѣе; да и кромѣ того день клонился уже къ сумеркамъ, надо было обезпечить ночлегъ отряда и снять рельсы, такъ какъ наканунѣ приходилъ сюда изъ Константинополя поѣздъ за турецкими эмигрантами, а три дня назадъ, приняты были на особые поѣзда послѣднія войска, отступавшія отъ Адріанополя.—

По вступленіи отряда въ городъ, болгарскими священниками былъ отслуженъ молебенъ и затѣмъ войска расположились по квартирамъ, выставивъ мѣры охраненія.

Утромъ 19-го отправлено было къ Генералъ-Лейтенанту Дохтурову донесеніе:

„Спѣшу доложить Вашему Превосходительству, что вчера произведена была мною развѣдка города Чорлу 1-мъ эскадрономъ уланскаго полка, который долженъ былъ въ то же время и снять телеграфъ.

Исполненіе этой задачи вызвало турецкую кавалерію, которая бросилась на эскадронъ въ числѣ 200–300 человѣкъ. Эскадронъ я поддержалъ сотнею; произошла лихая кавалерійская схватка, въ которой убито 5 человѣкъ

ниж: чиновъ и 8 ранено; лошадей убито 5 и 11 ранено. Подъ Княземъ Дондуковымъ ранена лошадь, а подъ корнетомъ Лукутинымъ убита.—Турки выдвинули до 800 человѣкъ кавалеріи, я поддержалъ еще сотнею и 1-мъ эскадрономъ драгунъ, которые стремительно двинулись впередъ на городъ. Наступленіе заставило дрогнуть турокъ и обратило въ бѣгство Идеитъ-Пашу съ кавалеріею.

Мы заняли городъ еще неразоренный и сегодня имѣемъ дневку. Въ отрядѣ все благополучно. Лошади въ удовлетворительномъ состояніи. Батареѣ трудно мѣстами, но идетъ. Завтра вѣроятно выступлю далѣе."

„Генералъ-Маіоръ Струковъ".

Глава VIII.

Перемиріе.

День занятія Чорлу былъ праздникомъ для всего отряда.

Въ минуту окончанія дѣла прибылъ изъ Главной квартиры офицеръ—ординарецъ, присланный передать офицерамъ и нижнимъ чинамъ сердечное „спасибо" Государя и Главнокомандовавшаго за все пережитное въ послѣднее время; онъ-же сообщилъ намъ о заключеніи перемирія и вѣроятность скораго заключенія мира. Оффиціальное-же увѣдомленіе объ этомъ отрядъ получилъ 20 Января:

„Перемиріе заключено вчера. Турки должны очистить позицію у Чаталджы. Я и штабъ переѣзжаемъ туда черезъ два дня. Буду сегодня въ Чарлу, сдѣлаю распоряженіе. Рекомендую тѣмъ болѣе осторожность.“

„Ген. Летейн. Скобелевъ.“

Съ объявленіемъ этой телеграммы всѣ ожили; безпредѣльная радость, внесенная этимъ предвѣстникомъ мира, о которомъ жены и семьи на далекой родинѣ давно уже молили Бога, охватила всѣхъ офицеровъ и солдатъ.

Отдыхая и наслаждаясь почти мирною жизнью Петербургскіе уланы пробыли въ Чорлу до 23 Января. За это время люди пообшились, обчистились, помылись, а главное выспались въ мѣру. Уже черезъ сутки, глядимъ и глазамъ не вѣримъ: тѣ-ли это солдаты? Вотъ что значитъ хотъ и небольшой отдыхъ.—

23-го Января вслѣдствіе полученнаго приказанія занять Силиври на основаніи условій перемирія, полкъ въ составѣ того-же летучаго отряда выступилъ къ этому городу.—

Подойдя къ Силиври, мы были удивлены, что ни одного болгарина или грека не вышло къ намъ на встрѣчу—вѣрный признакъ того, что въ городѣ турецкія войска:

такъ и было въ дѣйствительности. Передовые наши всадники донесли, что въ городѣ стоитъ турецкая кавалерія-тѣ самые молодцы, съ которыми мы столкнулись подъ Чорлу.

Остановивъ отрядъ передъ городомъ, Генералъ Струковъ послалъ Идентъ-Пашѣ, начальнику этой кавалеріи, предложеніе немедленно очистить Силиврію.

Паша отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній, равно какъ и о перемиріи оффиціально еще ни чего не знаетъ, а потому и не можетъ согласиться на предложеніе русскаго генерала.

Тогда Генералъ Струковъ самъ поѣхалъ въ городъ и съ твердостію объявилъ Дегаеву, что такъ какъ онъ, въ качествѣ начальника отряда, предназначеннаго къ занятію Силиврін, обязанъ во всякомъ случаѣ исполнить Августѣйшую волю Главнокомандующаго, то отказъ Паши ставитъ его въ прискорбную, но непреложную необходимость выдвинуть свою батарею и начать стрѣльбу по городу, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока Силиврія не сдастся безусловно. На это Дегаетъ-Паша сталъ увѣрять, что онъ послалъ запросъ въ Константинополь и ждетъ отвѣта, при чемъ выразилъ увѣренность, что русскіе дадутъ ему возможность дождаться этого отвѣта.

Приказавъ отряду вступить, но не занимать весь городъ, чтобы не войти въ соприкосновеніе съ турками, продолжавшими стоять на улицѣ и глазѣть на нашихъ,

Генералъ Струковъ, прождавъ нѣкоторое время, вновь повторилъ свое требованіе. Тогда Дегаетъ предложилъ раздѣлить городъ по поламъ между русскими и турками.

Очевидно было, что Паша хитрилъ, желая фактически установить границу между ихъ и нашими войсками въ Силивріи, а не въ Чаталджѣ.

Потерявъ терпѣніе въ безполезныхъ переговорахъ, Генералъ Струковъ, вмѣсто отвѣта громкимъ голосомъ крикнулъ:

„Батарею сюда!“

Нѣсколько человѣкъ бросилось исполнять приказаніе, послышалось:

—Батарею, батарею!

Надо было видѣть что сдѣлалось съ Дегаетъ-Пашею, какъ онъ засуетился! Видя, что съ ними не шутятъ, турки бросились на коней, мигомъ очистили Силиврію и расположились за чертой ея, а мы заняли городъ.

Такимъ образомъ, два, незадолго передъ тѣмъ враждовавшіе, отряда ночевали, что называется, бокъ-о-бокъ.

Рапортъ Генерала Струкова Начальнику кавалеріи авангарда дѣйствующей арміи Генералъ—-Лейтенанту Дохтурову:

„Доношу Вашему Привосходительству, что отрядъ благополучно прибылъ въ г. Силиврію въ 6 часовъ вечера. Гидаетъ-Паша не хотѣлъ сдать города, но послѣ энергическихъ мѣръ, мною принятыхъ, удалился со всѣми войсками. Провіанта и фуража много захвачено и отрядъ обезпеченъ на завтрашній день. Больныхъ нѣтъ.“

„Генералъ-Маіоръ Струковъ.“

Вечеромъ того-же дня Гидаетъ или Детаетъ-Паша опять явился къ намъ въ самомъ веселомъ настроеніи, говоря, что имъ получено приказаніе очистить городъ, но далѣе не отходить, такъ какъ по новому-де условію съ нашею главною квартирою наши войска не должны двигаться далѣе Силиври; пытался увѣрить, что мы можемъ жить вблизи другъ отъ друга, не ссорясь; при этомъ заявилъ, что покаряясь угрозѣ, онъ хотя и покинулъ городъ, но занятіе его русскими войсками по заключеніи перемирія считаетъ дѣйствіемъ насилія, а потому и составилъ письменный протестъ, который вручаетъ русскому Генералу для передачи Главнокомандующему. Но Генералъ Струковъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ турецкихъ хитростяхъ; а также отказался принять и бумагу.

Насилу спровадили Пашу, увѣрявшаго въ дружбѣ вообще турокъ къ русскимъ и его лично къ намъ; въ несправедливости дальнѣйшаго наступленія и т. п.

На другой день нашъ отрядъ выступилъ изъ Силивріи въ Чаталджу и одновременно-же двинулись изъ подъ города

и турки, при чемъ шли они такъ тихо, что нашей бригадѣ поминутно приходилось останавливаться, тыкаясь въ хвосты ихъ лошадей. Генералъ Струковъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сталъ обходить турокъ, а когда и это не помогло, то разсердившись не на шутку, приказалъ опять какъ и наканунѣ, батареѣ выѣхать на позицію.

Не успѣли загремѣть лафеты нашей конной батареи, какъ вся непріятельская кавалерія, среди которой были и арабы, съ развѣвающимися бурнусами, шелковыми съ кисточками платками и длиннѣйшими своими копьями, точно церемоніальнымъ маршемъ понеслась мимо русскаго Генерала. При этомъ сѣдла нѣкоторыхъ всадниковъ, не разсчитывавшихъ, быть можетъ, на такую бѣшеную скачку свернулись: арабы кубаремъ черезъ голову, а потомъ какъ кошки, галопомъ на своихъ на двоихъ, въ догонку за лошадьми; и все это сопровождалось дружнымъ и искреннимъ смѣхомъ нашихъ солдатиковъ, буквально державшихся за бока отъ хохота.

Было уже за полдень когда отрядъ нашъ подошелъ къ Чаталджѣ, при занятіи которой повторилась почти такая-же исторія, что и въ Силивріи: турки, не смотря на условія перемирія, уже извѣстныя имъ, не хотѣли очищать городъ, и только послѣ того, когда увидѣли полную готовность отряда къ немедленной и самой рѣшительной атакѣ, они оставили Чаталджу и удалились къ Хадемкіою. Изъ числа ихъ офицеровъ нѣкоторые остались въ городѣ и мы при совершенно уже мирной обстановкѣ чуть-ли не по дружески бесѣдовали съ ними о стычкѣ подъ Чорлу.

Нельзя умолчать про щеголеватый видъ этой отборной кавалеріи Султана. Люди молодецъ къ молодцу, одѣты всѣ кромѣ арабовъ въ черкески съ богатымъ приборомъ сидятъ на не большихъ, но энергичныхъ лошадяхъ, покрытыхъ чепраками. Это единственная, изъ всѣхъ встрѣчавшихся съ нами конныхъ частей, кавалерія, которая произвела на насъ своимъ видомъ должное впечатлѣніе.

По прибытіи въ Чаталджу намъ стало понятнымъ стараніе турокъ задержать насъ возможно дольше, и дальше отъ этихъ мѣстъ: на линіи фортовъ, составлявшихъ Чекменджинскія укрѣпленія, прикрывавшихъ Константинополь съ сухаго пути, дѣятельно работали; на нѣкоторыхъ холмахъ даже земляныя работы не были готовы; другія уже смотрѣли издали, но на нихъ не было еще орудій. Видно, турки подъ вліяніемъ своихъ временныхъ успѣховъ въ Европѣ и Азіи, поздно взялись за оборону подступовъ къ столицамъ, такъ какъ оба города: Адріанополь и Константинополь, въ послѣднюю минуту оказались незащищенными.

Занятіемъ Чаталджи закончились боевыя дѣйствія Петербургскаго Уланскаго полка, а съ нимъ вмѣстѣ и всего нашего летучаго отряда и вотъ какую общую оцѣнку положилъ имъ Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ въ приказѣ отъ 29 Января, отданномъ въ Чаталджѣ по авангарду дѣйствующей арміи:

„Со дня назначенія трехъ полковъ 1-ой Кавалерійской дивизіи въ составъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, я не могъ

нахвалиться ея молодецкою службою и по истинѣ кавалерійскимъ духомъ, одушевлявшимъ какъ офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ дивизіи во всѣхъ ея предъпріятіяхъ. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, наканунѣ Шейновскаго сраженія, Генералъ-Лейтенантъ Дохтуровъ со своими частями присоединился къ бывшему тогда подъ моей командой Иметлійскому отряду Переходъ черезъ горныя тропы Балканъ въ суровую зиму, черезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой пѣхотѣ... О содѣйствіи-же кавалеріи никто изъ насъ и не думалъ. Между тѣмъ 1-я Кавалерійская дивизія пришла во время принявъ славное участіе въ сраженіи подъ Шейновымъ, обезпеченіемъ нашего праваго фланга дала возможность рѣшительно атаковать Шейновскій укрѣпленный лагерь, захватила Казанлыкскую дорогу, уничтожила въ самомъ началѣ попытку непріятеля прорваться на югъ, взяла болѣе 6000 плѣнныхъ, способствовала сдачѣ сорокатысячной турецкой арміи и взятію 104 орудій.

Со дня шейновскаго сраженія 1-я Кавалерійская дивизія вступаетъ въ періодъ для нея еще болѣе блистательный: она становится авангардомъ авангарда всей русской арміи, представительницею неудержимой отнынѣ силы наступленія Царскихъ дружинъ. Полки 1-ой кавалерійской дивизіи и здѣсь показали себя не ниже выпавшаго на долю имъ славнаго жребія. Выступивъ изъ Казанлыка 1-го Января, подъ начальствомъ Свиты Его Величества Генералъ-маіора Струкова, Московскіе драгуны, Петербургскіе уланы и 1-ой Донской казачій полкъ, безъ артиллеріи, уже 5-го числа берутъ съ боя желѣзно-дорожный мостъ у Семенли-Тырнова, обороняемый непріятельскою пѣхотою,

при шести орудіяхъ. Мостъ, редутъ и шесть стальныхъ круповскихъ орудій были трофеями молодецкой рѣшимости нашей кавалеріи. Тотчасъ по прибытіи къ Тырнову полковъ 16-й пѣхотной дивизіи и двухъ стрѣлковыхъ бригадъ, отрядъ Свиты Его Величества Генералъ-маіора Струкова двигается къ Германлы, которое также занимаетъ съ боя. Въ то время когда 16-я дивизія и стрѣлки, двинутые къ Хаскіою, отбросили части Сулеймановой арміи въ горы, Генералъ Маіоръ-Струковъ, узнавъ о движеніи арміи Махмеда-Али къ Адріанополю, стремится туда форсированнымъ маршемъ: пользуясь паникою-результатомъ молодецкихъ дѣйствій кавалеріи-предупреждаетъ вступленіе въ Адріанополь турецкой арміи, спѣшившей изъ Шумлы, захватываетъ городъ и разстраиваетъ всѣ разсчеты турецкихъ вождей, уничтоживъ послѣднюю ихъ надежду сдержать напоръ нашей арміи. Не долго отдыхала славная 1-я дивизія во второй столицѣ Турецкой имперіи. Двинутая къ Константинополю 10-го Января, она подъ начальствомъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора Струкова, неустанно гонитъ передъ собою турецкія полчища и занимаетъ съ боя Чорлу, гдѣ ее застаетъ извѣстіе о перемиріи всего въ трехъ переходахъ отъ Константинополя.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, блестящее участіе полковъ 1-ой Кавалерійской дивизіи въ послѣднихъ сраженіяхъ и стычкахъ настоящей турецкой Кампаніи.

Отряду свиты Его Величества Генералъ-Маіору Струкову мы обязаны, что армія Сулеймана и Мехмедъ-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адріанополя.

что паника—вслѣдствіе погрома турецкихъ вооруженныхъ силъ подъ Шейновымъ и Филиппополемъ—донеслась до столицы мусульманскаго міра еще болѣе ужасною.

Наконецъ-смѣю это высказать—полкамъ 1-ой Кавалерійской дивизіи (Московскому драгунскому, Петербургскому-уланскому и № 1 Казачьему) *болѣе другихъ частей нашей арміи* Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія-предвѣстника славнаго мира. Дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ полки 1-ой Кавалерійской дивизіи, съумѣвшіе, не смотря на все, сохранить лошадей и матеріальную часть въ полной блистательной исправности, могутъ лишь части осмыслившія свое боевое назначеніе долгою, добросовѣстною работою въ мирное время.

„Не мнѣ оцѣнивать дѣятельность Начальника Дивизіи Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, какъ воспитателя славныхъ полковъ 1-ой Кавалерійской дивизіи.

Разставаясь со свиты Его Величества Генералъ-Маіоромъ Струковымъ, получившимъ приказаніе возвратиться въ Главную Квартиру, отъ души благодарю этого Генерала, съумѣвшаго во всѣ трудныя минуты послѣдняго періода Кампаніи не только блистательно исполнять всѣ возложенныя на его лихой отрядъ порученія, но и доказавшаго мнѣ не разъ, что онъ обладаетъ высшимъ качествомъ начальника въ военное время—способностью къ отвѣтственной инициативѣ.“ —

Не смотря на кратковременную стоянку въ Чаталджѣ, мы успѣли и поразвлечься: на другой же день нашего прихода весь городъ преобразился-наѣхали разные торговцы, открылся ресторанъ, появились пѣвицы и началась беззаботная жизнь, но, къ сожалѣнію, недолго пришлось наслаждаться намъ мѣстными удовольствіями.

29 Января полкъ выступилъ изъ Чаталджи: 1-ой дивизіонъ перешелъ въ д. Костанкіой, 2-й въ д Лазаркіой, а 19-го Февраля весь полкъ сосредоточился въ д. Арнауткіой, близь С. Стефана и здѣсь былъ поздравленъ съ заключеніемъ между Россіею и Портою славнымъ миромъ по которому милліоны христіанъ были освобождены изъ подъ мусульманскаго ига.

Великій Князь Главнокомандовавшій въ своемъ приказѣ говорилъ, обращаясь къ войскамъ арміи, слѣдующее:

„Великая цѣль эта и вѣковыя стремленія нашихъ предковъ достигнуты безпримѣрною храбростью вашею и тѣмъ мужествомъ и настойчивостью, съ которою боролись вы съ врагомъ, съ трудами и лишеніями и съ самою природою. Смѣло и открыто скажу: Вы сдѣлали все, что только въ силахъ человѣческихъ. Не мнѣ благодарить васъ. Васъ благодаритъ вся Россія.

„Изъ рода въ родъ пойдетъ разсказъ про подвиги ваши, вся Русь съ гордостью будетъ вспоминать о славныхъ сынахъ своихъ: какъ прошли въ самую распутицу, таща

на своихъ плечахъ орудія, обозы, понтоны и подвинулись грозною тучею къ Дунаю.

„Какъ лебедями переплыли черезъ синій Дунай, съ налета взяли штурмомъ крѣпость Никополь, орлами взлетѣли на Балканы, свили тамъ неприступныя для врага гнѣзда на Шипкѣ, Хаскіоѣ и Троянѣ и сдѣлали набѣгъ на самое сердце Турціи.

„Какъ затѣмъ съ беззавѣтнымъ геройствомъ выжидая новыя силы изъ Россіи, отбивались отъ разъяреннаго врага впереди Тырнова, а въ особенности на вершинахъ Балкановъ, на Шипкѣ, гдѣ кромѣ борьбы съ врагомъ, безропотно, на удивленіе всего свѣта, какъ сказочные герои, перенесли самыя тяжелыя испытанія суровой непогоды.

„Какъ потомъ-не взирая на суровую зиму, кагда во всѣмъ свѣтѣ полагали, что въ это время года военныя дѣйствія немыслимы-перешагнули въ Арабъ-Конакъ черезъ Трояновъ перевалъ и у Шипки черезъ Балканы, таща, по поясъ въ снѣгу, черезъ скалы и пропасти, орудія и обозы, и не только взяли Софію, Карлово, и Казанлыкъ, но и полонили цѣлую армію на Шипкѣ.

„Какъ затѣмъ неудержимою лавиною хлынули съ горъ въ долину Марицы, разнесли послѣднюю армію турокъ подъ Филипполемъ, отняли всю ея артиллерію, загнали къ Эгейскому морю, заняли вторую столицу

Турецкой Имперіи–Адріанополь и подошли къ самымъ стѣнамъ Царьграда.

„Какъ помогли румынамъ, сербамъ и черногорцамъ рядомъ съ вами побѣдоносно бить закоренѣлаго, вѣковаго врага ихъ и заваевывать себѣ независимость.—

Какъ, наконецъ, грознымъ крикомъ русскаго „ура“ въ виду Царьграда привѣтствовали заключенный славный для Россіи миръ.

„Доблестныя войска! Вы достойно отомстили врагу за Севастополь, за десятки тысячъ павшихъ 25 лѣтъ тому назадъ русскихъ воиновъ. Слава вамъ, слава Нашей матушкѣ–Россіи, слава Державному Отцу ея.“—

Объявляя о заключенномъ мирѣ Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ въ приказѣ по нашему авангарду отъ 22 Февраля писалъ:

Войска ввѣреннаго мнѣ авангарда! Послѣ славной побѣды подъ Шейновымъ, гдѣ вы уничтожили 60 непріятельскихъ баталіоновъ, взяли 104 орудія, вы не шли, а долетѣли до Константинополя.

Ваше молодечество преодолѣло всѣ трудности и, когда вы подъ стѣнами Царьграда грозно предстали предъ непріятелемъ, побѣжденная Турція просила у нашего

Главнокомандующаго мира. 19 Февраля въ 6 часовъ вечера подписанъ славный миръ между Турціей и Россіей-миръ, купленный дорогою цѣною вашихъ жизней и вашей крови.

Отнынѣ мы стоимъ здѣсь въ странѣ дружественной. Отношенія наши къ побѣжденному народу, должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не умѣло бить лежачаго врага. Я не сомнѣваюсь, что всѣ чины ввѣренныхъ мнѣ войскъ, вполнѣ поймутъ ихъ новыя отношенія, которыя со дня заключенія мира, должны существовать между нами и жителями той страны, которую занимаютъ русскія войска.

По указу Его Высочества Главнокомандующаго объявляю, что всякое мародерство или насиліе относительно жителей, въ какомъ-бы ничтожномъ размѣрѣ оно ни проявлялось, повлекутъ за собою взысканія съ виновныхъ по всей строгости законовъ военнаго времени. Но, кромѣ того, Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволитъ смотрѣть на подобный случай, какъ на доказательство недостаточнаго вліянія начальника на подчиненныхъ, а потому и предписалъ подвергать отвѣтственности, кромѣ непосредственно виновныхъ, еще и начальника той части, въ которой безпорядокъ проявится.

Я убѣжденъ, что ввѣренныя мнѣ храбрые войска, не покроютъ своей безмертной боевой славы не соотвѣтствую-

щимъ поведеніемъ въ мирное время и, помня, что одна паршивая овца можетъ испортить все стадо, будутъ сами строго слѣдить за тѣми изъ нихъ, которые могли-бы поддаться-искушенію затемнить дорогое намъ доброе о насъ мнѣніе Августѣйшаго Главнокомандующаго."

„Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ."

По полученіи радостной вѣсти о мирѣ, эскадроны вышли на благодарственный Господу Богу молебенъ.

Настала торжественная минута, которая никогда не изгладится изъ памяти присутствовавшихъ: горячая молитва, слезы умиленія переполняли грудь каждаго.

„Вѣчная память" по воинамъ, на полѣ брани за Вѣру, Царя и отечество животъ свой положившимъ, была выслушана всѣми присутствовавшими стоя на колѣняхъ. По окончаніи молебна всѣ спѣшили поздравить другъ друга, обнимались и искренно цѣловались.

Глава IX.

Со дня заключенія мира всѣ труды и лишенія, всѣ жертвы, перенесенныя въ походѣ совершенномъ съ дальняго сѣвера Россіи на самый южный пунктъ Балканскаго полуострова, были разомъ забыты. Свѣтлое будущее такъ сильно манило мысль, что не было мѣста памяти о

недавнемъ прошломъ: только слухъ о возможности окупаціи нѣсколько смущалъ общую радость.

Стоянка въ Арнауткіой.

Расположенная не далеко отъ С. Стефано деревня Арнауткіой, въ которой кромѣ нашего полка остановился еще и баталіонъ пѣхоты, представляла собою въ сравненіи съ другими деревянными довольно удобную, стоянку, какъ по размѣщенію, такъ и въ смыслѣ продовольствія; послѣднее впрочемъ, вслѣдствіе огромнаго скопленія войскъ въ окрестностяхъ С. Стефано, подъ конецъ, значительно измѣнилось къ худшему, въ особенности затруднилась доставка фуража. По неимѣнію перевозочныхъ средствъ приходилось отправлять за сѣномъ и зерномъ цѣлые полуэскадроны, которые и возвращались навьюченными торбами съ ячменемъ или сѣномъ набитымъ въ подпоротыя подкладки попонъ.

Помимо этого, вслѣдствіе неприбытія полковаго обоза, оставленаго въ Габровѣ, сталъ ощущаться, до этого времени мало замѣтный, недостатокъ въ носильномъ платьѣ и бѣльѣ. Находясь со дня выступленія въ горы, т. е. съ 27 декабря, все время безъ вещей, кромѣ надѣтыхъ на себя, офицеры до того обносились, что пришлось позаботиться о заведеніи хотя-бы какой нибудь перемѣны въ одеждѣ. Такъ вмѣсто уланскихъ мундировъ, которые были или совершенно истрепаны, или разорваны, а умногихъ и прожжены кострами, пришлось завести простаго покроя куртки, на подобіе австрійскихъ тужурокъ.

Погоны, свернувшіеся въ трубки, по которымъ трудно было различить не только чины но даже и полки, расправлялись и лицевались домашнимъ способомъ. Бѣлье, бывшее у многихъ изъ шелковой матеріи, превратившееся въ ветошь и изобиловавшее паразитами, замѣнилось простымъ бумажнымъ, сшитымъ руками доброй хозяйки, а то и денщиками.—Кстати о паразитахъ. Въ началѣ появленія ихъ доводило насъ чуть не до отчаянія, заставляя съ омерзеніемъ осматривать каждый рубецъ, каждую складку рубашки; въ послѣдствіи же благодаря недостатку въ бѣльѣ и по невозможности часто мыть его, насѣкомыя такъ одолѣвали, что приходилось мириться съ этимъ, такъ какъ никакими средствами, кромѣ извѣстнаго солдатскаго способа, отдѣлаться отъ нихъ не было никакой возможности. Въ походѣ часто можно было видѣть группу уланъ вокругъ костра, вытряхивавшихъ свои рубашки надъ огнемъ. Способъ этотъ назывался жареніемъ бѣлья.—

Не смотря на довольно-таки обношенный видъ полка, положеніе нашихъ уланъ въ этомъ отношеніи, по сравненію съ пѣхотою, было много лучше: приходилось встрѣчать пѣхотинцевъ, у которыхъ вмѣсто сапогъ ноги были обмотаны тряпками, кожей, кусками разорванныхъ одѣялъ и т. п. предметами, затруднявшими свободное движеніе ногъ.—

Тихо и однообразно тянулись дни за днями въ Арнауткіоѣ. Погода стояла холодная, сырая; вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ дулъ не переставая, но уже во второй

половинѣ Марта зацвѣли вишни, персики и другія фруктовыя деревья. Будучи совершенно свободны отъ службы, большинство офицеровъ проводило время за картами, какъ единственнымъ развлеченіемъ. Поѣздки въ С. Стефано и Константинополь не могли занять все свободное время, да и стоили не дешево. Кромѣ того посѣщеніе Константинополя то запрещалось, то вновь разрѣшалось, при чемъ одно время можно было ѣздить въ штатскомъ, затѣмъ въ форменномъ платьѣ.

Нравственное давленіе тоски и бездѣйствія становилось съ каждымъ днемъ тягостнѣе. Свѣтлая надежда на скорое возвращеніе въ Россію по временамъ омрачалось слухами о возможности возобновленія войны. Время шло, а про обратный походъ не было слышно. Но вотъ, наконецъ, получилось приказаніе полкамъ дивизіи сосредоточиться въ окрестностяхъ города Силивріи, а для какой цѣли—намъ не было извѣстно. Думать, что оттуда пойдемъ домой, мы боялись, такъ какъ не разъ приходилось горько разочаровываться въ подобномъ предположеніи. Тѣмъ не менѣе мы, привыкшіе за это время къ кочевой жизни, рады были покинуть насиженное мѣсто хотя-бы только для разнообразія въ стоянкѣ, а тутъ еще предстояло перемѣнить деревню на городъ, съ которымъ мы уже были немного знакомы, да и кромѣ того надѣялись на то, что у моря будемъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ.

Г. Силиврія.

Силиврія, небольшой, довольно уютный, городокъ расположенъ на самомъ берегу Мраморнаго моря, видъ

котораго съ его глубокою синевою и бѣлыми парусами доставилъ намъ невыразимо-пріятное ощущеніе Изъ достопримѣчательностей города можно отмѣтить: развалины древнихъ храмовъ, мечеть, передѣланная изъ православной церкви, подземный ходъ, идущій отъ середины города къ берегу моря. Въ соборѣ покоятся мощи Преподобной Ксеніи, которыя, по преданію переданному намъ мѣстнымъ Архіереемъ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ 24-го Января приплыли въ Силиврію моремъ; при этомъ Владыко не безъ фатализма добавилъ, что теперь 23-24 Января 1878 года Силиврію заняли войска Русскаго Царя на защиту христіанъ.—Самый городъ, мѣсяцъ тому назадъ, будучи почти пустымъ, теперь предлагалъ намъ уже давно неиспытанныя удобства.

Глава X.

Обратный походъ.

Простоявъ въ Силиврін до 26 Марта полкъ, при общемъ ликованіи, выступилъ по полученному маршруту въ обратный походъ.

Въ городѣ Киркилиссѣ присоединились къ намъ Сумской Гусарскій полкъ, 2-я конная батарея, часть 4-го отдѣленія Кавалерійскаго летучаго парка и маршевые эскадроны 1-ой очереди, остававшіеся въ окрестностяхъ г. Ени-Загры.

Изъ указанныхъ въ маршрутѣ ночлежныхъ для полка пунктовъ нерѣдко были деревни до тла разоренныя, одна изъ нихъ не сохранила даже и слѣдовъ жилищъ, такъ что приходилось располагаться въ нихъ какъ въ полѣ и не только думать объ укрытіяхъ, но даже и не къ чему было привязать лошадей. Питались мы собственными запасами, у кого что было. За то придя въ Киркилиссу офицеры полка буквально на расхватъ были разобраны зажиточными жителями къ себѣ въ дома, гдѣ для нихъ заранѣе уже готовились и мягкія постели, и чистыя комнаты, и самое радушное изобильное угощеніе. Это радушіе съ непривычки даже стѣсняло насъ; да и какъ было не стѣсняться, когда вы видите, что и самъ хозяинъ и вся его семья отъ мало до велика смотритъ вамъ въ глаза, стараясь предугадать малѣйшее ваше желаніе. Ѣсть-ли вы захотите-вамъ нанесутъ цѣлый столъ разнообразныхъ болгарскихъ блюдъ, мѣстнаго вина и ракіи; спать-ли захочется-тащатъ цѣлый ворохъ тюфяковъ, подушекъ, одѣялъ, и все это дѣлаютъ сами не допуская даже деньщика ни до малѣйшей услуги. Кормленіе и поеніе деньщиковъ и вѣстовыхъ ни чѣмъ не отличалось отъ угощенія офицеровъ. Люди наши вели себя примѣрно, а это, въ сравненіи съ турками еще болѣе усиливало степень уваженія и ласкъ, оказанныхъ имъ жителями. Такъ мы благодушествали 2-е и 3-е Апрѣля, а 4-го двинулись дальше.

Надо сказать, что еще съ самаго нашего зимняго вступленія въ предгорія Балканъ, мы, начали уже замѣчать значительную разницу въ бытѣ и хорактерѣ мѣстнаго болгарскаго населенія, по сравненію его съ населе-

ніемъ придунайскимъ. Послѣднее въ высшей степени равнодушно и апатично относилось ко всему на свѣтѣ и нисколько не заботилось объ улучшеніи своего собственнаго быта, довольствуясь кукурозой и убогими землянками. Оно слишкомъ забито, слишкомъ подавлено было для подобныхъ заботъ и стремленій. Здѣсь-же въ загорьѣ совершенно наоборотъ: въ цѣломъ населеніи еще живы народныя преданія славной старины, сознаніе своей славянской сущности, ревность къ православной вѣрѣ, жаркое стремленіе къ освобожденію изъ подъ турецкаго ига. У этого населенія и наружный видъ, и говоръ и замашки какъ-то бойче, и походка быстрѣе, энергичнѣе и наконецъ, оно во всѣхъ отношеніяхъ значительно развитѣе населенія придунайскаго.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ уже по странѣ почти не имѣвшей особыхъ слѣдовъ грабежа и разбоя. Дорога до Айдоса все время была ровная, проселочная; шоссе въ Турціи вообще встрѣчается рѣдко. Въ верстахъ въ 20-ти за Айдосомъ начинается крутой подъемъ на предгоріе Малыхъ Балканъ, перваливъ черезъ которыя, спустились къ деревнѣ Богасъ-дере расположенной въ глубокомъ ущельѣ горъ, по которому течетъ р. Дели-Камчикъ. Далѣе по направленію къ дер. Беюгъ—Ченгѣ дорога идетъ по ущелью, переходя постоянно съ одного берега Дели-Камчика на другой, такъ что на 25 верстномъ переходѣ приходится переправляться въ бродъ, а мѣстами и вплавь до 5 разъ что при быстромъ теченіи и ширины до 50 сажень было крайне затруднительно, особенно для артиллеріи, которую пришлось тянуть подъ водою канатами съ другаго берега. Мѣстами дорога имѣетъ весьма крутые

подъемы, очень узка и завалена камнями громадной величины, такъ что при объѣздѣ ихъ приходится поддерживать орудія и повозки лямками, что бы онѣ не свалились въ пропасть. Для этой цѣли въ помощь орудійной прислуги назначались эскадроны по очереди.

Дер. Ченга. Встрѣча Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Дни Великаго поста были на исходѣ и приближался „Свѣтлый Праздникъ". Каждый изъ насъ испытывалъ потребность поговѣть и пріобщиться святыхъ Тайнъ, но условія походной обстановки не позволяли сдѣлать ни того, ни другаго.

15-го Апрѣля, въ Великую Субботу, не смотря на то, что переходъ былъ всего 25 верстъ, но благодаря неимовѣрно трудной дорогѣ съ нѣсколькими переправами черезъ бурныя горныя рѣченки, полкъ лишь къ вечеру пришелъ на ночевку, въ бѣдную болгарскую деревеньку Ченгу и въ ней расположился квартирно-бивачно. Дождь не переставая, лилъ все время. Наступила торжественная ночь и мы, промокшіе подъ дождемъ, не успѣвъ порядкомъ обсушиться, стали готовиться къ встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника. Убогая хата болгарина освѣтилась нѣсколькими восковыми свѣчами, прилѣпленными къ почернѣвшему отъ времени образу, на низенькомъ кругломъ столикѣ появились крашеныя яйца, колобки, спеченные тутъ-же въ золѣ пылавшаго обрубка дерева, и кувшинъ съ знаменитой ракицей. Вотъ и *розговѣнъ*. Въ обычные 12 часовъ

ночи затребѣзжала желѣзная доска, замѣняющая собою колоколъ мѣстной церкви и тѣмъ возвѣстила православному люду о наступившей минуты общаго ликованія. Всѣ мы были рады помолиться въ такой Великій Праздникъ. За недостаткомъ мѣста въ самой церкви, большинство солдатъ, не смотря на дождь, стояли на паперти и на улицѣ.—Поражающія бѣдность храма выражалась не только въ отсутствіи какого-бы то нибыло благолѣпія но даже въ недостаткѣ церковной утвари, священническаго облаченія и служебныхъ книгъ.

Утреню служилъ нашъ полковой священникъ, досточтимый старецъ О. Сvмеонъ, при хорѣ пѣвчихъ-любителей офицеровъ, подъ регентствомъ Подполковника Кріушенко I. Благодаря не имѣнію нѣкоторыхъ служебниковъ, пришлось, какъ священнику, такъ и пѣвчимъ отправлять утреню почти наизусть. Хорошо на душѣ каждаго было въ эту свѣтлую минуту.

По окончаніи церковной службы, похристосовавшись между собою и съ солдатиками, мы группами разошлись по домамъ. Нашъ убогій пасхальный столъ показался намъ въ то время болѣе чѣмъ обильнымъ богатыми явствами. Смѣло скажу, что никогда и никому изъ насъ не приходилось до этого испытать правдивость извѣстной пословицы: „дорого яичко въ Христовъ день", какъ именно въ это время.—Одно не весело было встрѣчать праздникъ—вдали отъ своихъ домашнихъ, и только мысль о предполагаемомъ тогда близкомъ свиданіи съ ними нѣсколько утѣшала насъ.

Никогда не позабуду своего христосованія съ хозяиномъ моей квартиры.

На мое привѣтствіе: Христосъ Воскресе!—бѣдняга, рыдая какъ малый ребенокъ, бросился ко мнѣ на шею и долго, долго обнимая меня, лепеталъ: „Христосъ, Христосъ!“ Видно было, что человѣкъ вѣритъ, искренно, горячо вѣритъ въ лучшее и въ этой жизни огорченій.

Утромъ перваго дня Св. Пасхи мы выступили въ г. Праводы. Дорога изъ Ченги продолжается ущельемъ 7 верстъ, далѣе начинается ровная болотистая мѣстность до г. Праводы. Въ этомъ городѣ мы застали еще турецкое управленіе, таборъ низама, жандармовъ и эскадронъ кавалеріи. Дабы не войти въ соприкосновеніе съ турками, мы хотя и заняли квартиры въ части города, населенной болгарами, тѣмъ не менѣе пришлось быть на сторожѣ для предотвращенія могущихъ произойти недоразумѣній между мусульманами и нашими солдатами, среди которыхъ, надо признаться было не мало разныхъ забіякъ. Однако, опасенія наши за поведеніе тѣхъ и другихъ оказались совершенно напрасны: о враждѣ и помину не было. Наоборотъ, къ вечеру перваго дня можно было уже видѣть нашего простодушнаго удара разгуливающимъ по улицѣ, чуть не обнявшись, съ какимъ нибудь Мехмедомъ и мирно разговаривавшихъ на обоюдонепонятныхъ нарѣчіяхъ, а на другой и слѣдующій дни они были уже какъ старые знакомые, такъ что при нашемъ выступленіи изъ

города послѣ трехъ дневной стоянки въ немъ, турки проводили насъ съ добрыми пожеланіями.

Далѣе полкъ двигался на города: Бозоджикъ и Меджидіе; въ послѣднемъ получено было предписаніе отъ Командующаго войсками, въ тылу арміи находящимися, объ измѣненіи маршрута дивизіи съ цѣлью переправить черезъ Дунай ее не у Тульчи какъ предполагалось ранѣе, а у города Мачина.

Самый походъ по этой пустынной, мѣстами гористой грунтовой дорогѣ, пересѣкающейся, какъ уже сказано, множествомъ овраговъ и ущелій, по которымъ текутъ небольшія но многоводныя рѣченки, впадающія въ Черное море, не представлялъ ничего выдающагося изъ общаго томительнаго однообразія. Хотѣлось лишь скорѣе дойти до Дуная и перешагнуть черезъ него, чтобы стать если не на свою родную, то хотя-бы на нейтральную землю. По мѣрѣ нашего приближенія къ Дунаю, нетерпѣніе скорѣе достичь его накоплялась въ насъ все болѣе и болѣе. Бывало очень кстати пѣсельники запоютъ: „Поле чистое турецкое, мы когда тебя пройдемъ?“ А поле это какъ на зло намъ все тянется и тянется безконечно.

Переправа черезъ р. Дунай.

Но вотъ, наконецъ, 2-го Мая мы подошли къ Дунаю. Еще колоссальнѣе и величественнѣе нежели у Зимницы,

представился намъ здѣсь этотъ водный гигантъ. Широко раскинувъ на громадномъ пространствѣ массу рукавовъ какъ-бы для того чтобы разомъ вылить избытокъ своихъ весеннихъ водъ, онъ величаво несется къ пріемнику ихъ— Черному морю. Красивую картину представляетъ собою эта водная міровая извѣстность; тѣмъ не менѣе, могли-ли мы, долго останавливаться на ней, будучи поглащены нетерпѣніемъ, какъ раньше было—вступить, такъ теперь—возможно скорѣе покинуть турецкій берегъ съ тѣмъ, чтобы ужъ больше и не оглядываться на него: такъ онъ успѣлъ наскучить намъ за какихъ нибудь 5–6 мѣсяцевъ нашего на немъ пребыванія. Это выразилось и во время самой переправы, когда видно было какъ одинъ опережалъ другаго, чтобы скорѣе попасть на румынскій берегъ.—

Перейдя Дунай и отслуживъ благодарственный молебенъ, мы въ тотъ-же день вступили на дневку въ Браиловъ и тутъ почувствовали себя какъ дома, а по приходѣ въ Галацъ, пользуясь благоустройствомъ этого вполнѣ европейскаго города, мы, что называется, отвели себѣ душу, стараясь заглушить въ себѣ непріятныя воспоминанія нашего минувшаго безпокойнаго странствованія.

Получка писемъ.

Здѣсь-же впервые мы получили давно ожидаемую корреспонденцію. До этого времени, со дня выхода изъ Румыніи, значитъ въ теченіи почти полугода, мы не

имѣли никакихъ свѣдѣній ни отъ домашнихъ, ни о томъ что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Будучи непосредственными участниками Кампаніи, мы ничего не знали ни о ходѣ войны, ни о положеніи дѣлъ вообще, кромѣ своихъ собственныхъ дѣйствій. Иногда только, пользуясь разсказами другихъ, мы узнавали, и то съ большимъ опозданіемъ, о происходившихъ то тамъ, то тутъ событіяхъ. Поэтому, возвратясь въ Россію, мы съ большимъ интересомъ накидывались на старыя газеты, читая ихъ какъ новыя. Полученныя кипы писемъ, хотя и запоздалыя, читались и перечитывались нами съ особеннымъ вниманіемъ. Если пріятно бываетъ получать письма родныхъ и знакомыхъ вообще при обыкновенной даже жизненной обстановкѣ, то можете судить о той радости, которую доставляло намъ полученіе ихъ въ дѣйствующей арміи.

Строго винить въ неаккуратности доставки писемъ полевую почту намъ лично не приходится: мы, съ Января мѣсяца, состоя въ авангардѣ авангарда всей дѣйствующей арміи, и находясь въ постоянномъ передвиженіи, сами не знали гдѣ почуемъ сегодня и гдѣ будемъ завтра. До этого-же времени, когда мы находились на болѣе или менѣе опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ напр. стоя на Дунаѣ, письма хоть и не совсѣмъ аккуратно, но доставлялись; зато полученіе посылокъ находилось въ совершенно безнадежномъ положеніи. Не было офицера который-бы тщетно не ожидалъ до самаго конца Кампаніи теплыя вещи, отправленныя изъ Россіи еще въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ. Одни получили ихъ когда уже миновала надобность, а другіе вовсе не получили.

Благодаря этому большинство офицеровъ совершили зимній переходъ черезъ Балканы въ лѣтней одеждѣ. — Доставка-же писемъ изъ дѣйствующей арміи въ Россію была внѣ упрека. Приходилось за частую по неимѣнію конвертовъ и почтовой бумаги, писать на ласкуткахъ и всѣ такія даже письма до единаго были доставлены по назначенію.

Глава XI.

Вступленіе въ Россію, и прибытіе полка на постоянныя квартиры въ г. Ржевъ.

8-го Мая, перейдя границу у Таракліи, мы вступили въ предѣлы дорогаго Отечества, а 11-го числа пришли въ селеніе Чимишлію и тутъ расположились по квартирамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій.

На политическомъ горизонтѣ въ это время продолжали все еще носиться грозовыя тучи, и слухъ о движеніи полка на западную границу все болѣе и болѣе усиливался. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ многіе компетентные люди говорили о не избѣжности новой войны. Казалось не доставало одной искры, чтобы воспламенить угасшую вражду и залить окрестности Константинополя потоками крови.

Обстоятельства эти вновь породили въ насъ опасеніе за возможность скораго возвращенія восвояси. Не весело было, только что окончивъ одну Кампанію, находиться, быть можетъ наканунѣ начала другой. На ряду съ этимъ въ полку появился громадный процентъ заболѣванія тифомъ и другими болѣзнями, среди которыхъ главнымъ образомъ свирѣпствовала злокачественная лихорадка.

Извѣстно, что никогда войска не бываютъ такъ склонны къ разнаго рода эпидимическимъ болѣзнямъ, какъ послѣ испытанія продолжительныхъ и тяжкихъ лишеній, при переходѣ отъ усиленнаго физическаго труда и нравственнаго напряженія къ полному отдыху и хорошей пищи. Быстрый переходъ отъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій зимняго перехода и форсированныхъ маршей, при отсутствіи правильнаго довольствія нижнихъ чиновъ пищею, къ полному отдыху подъ палящимъ солнцемъ, при невыгодныхъ санитарныхъ условіяхъ тѣхъ городовъ и мѣстностей, въ которыхъ намъ приходилось располагаться, долженъ былъ имѣть гибельное вліяніе на здоровье людей. Занятіе тѣсныхъ, часто до нашего прихода зараженныхъ, квартиръ въ оставленныхъ жителями турецкихъ кварталахъ пройденныхъ нами городовъ, масса падали, валявшейся какъ во дворахъ, такъ и кругомъ селеній и на путяхъ сообщенія, отсутствіе бань и мѣстъ для мытья бѣлья, рѣзкіе переходы отъ дневной жары къ ночной прохладѣ, отчасти употребленіе молодаго вина, а затѣмъ и употребленіе сырыхъ фруктовъ и овощей, все это, конечно, содѣйствовало распространенію тифа, который безпощадно уменьшалъ число рядовъ полка.

Зачатокъ заболѣванія слѣдуетъ отнести къ болѣе раннему періоду передъ описываемымъ временемъ, кагда мало кто заботился о своемъ здоровьѣ. Да и къ чему-бы привели тогда всѣ предосторожности, если сегодня ночуетъ подъ дождемъ, завтра на морозѣ, тамъ по колѣно въ снѣгу и т. д. Казалось-бы что тутъ-то и болѣть, а между тѣмъ ни отъ кого тогда не слышалось ни малѣйшей жалобы; всѣ старались выглядѣть бодрыми и здоровыми, безмолвно покоряясь своей участи въ ожиданіи слѣдующаго дня. Бывало, иногда замѣтя понурившаго голову солдатика, спросишь: что, братецъ, нездоровится?— Отвѣтъ одинъ: „никакъ нѣтъ В. Б!" а иной разъ добавитъ: „.... что то въ глазахъ пеститъ, да морозитъ маленько" И все это говорилось просто и безъ малѣйшаго ропота.

Теперь невольно является вопросъ: откуда-же черпалась сила, гдѣ бралось терпѣніе этою пострадавшею натурою?—До описываемаго времени, одни не обращали на болѣзнь вниманія, другіе скрывали ее изъ опасенія остатся гдѣ нибудь въ заграничномъ госпиталѣ; на обратномъ-же пути, находясь подъ вліяніемъ отрадной мысли о возможности скорой встрѣчи съ близкими сердцу, если кто и не домагалъ подъ -часъ, то старался по возможности забыть о своемъ недугѣ. И уже только по переходѣ границы, когда полкъ остановился въ Бессарабіи, люди томимыя долгое время неизвѣстностью, стали падать духомъ и вотъ тутъ-то природа, какъ и всегда, взяла свое: болѣзни вошли въ свои права и уже безпощадно, словно косой, стали подрѣзывать, до сего времени непод-

дававшійся, хотя и много терпѣвшій, дотолѣ крѣпкій организмъ русскаго солдата.

Если перечислить всѣ труды, лишенія и невзгоды, испытанныя солдатомъ, не исключая и офицеровъ, за время Кампаніи, то поистинѣ придется подивиться силѣ и выносливости нашихъ войскъ.—

Въ довершеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ условій, пагубно отразившихся на санитарномъ состояніи полка, слѣдуетъ сказать еще и о томъ, что въ теченіи всего обратнаго похода при полку не было ни одного врача, а изъ низшаго медицинскаго персонала на лицо былъ одинъ только аптечный фельдшеръ Честной, труды котораго достойны полной признательности со стороны всего состава полка, бывшаго въ походѣ (*) Совершенно истощенный запасъ медикаментовъ (въ походной аптекѣ былъ только хининъ съ трудомъ пріобрѣтаемый по 125-140 руб. за фунтъ), отвратительныя гигіеническія условія грязныхъ еврейскихъ помѣщеній д. Чимишліи съ болотистыми испареніями ея окрестностей, отсутствіе соотвѣтствующей для больныхъ пищи, все это еще болѣе увеличивало процентъ заболѣванія. За недѣлю стоянки въ д Чимишліи умерло 12 человѣкъ и болѣе 100 вывезено отсюда въ Бендерскій госпиталь. Вся дер. Чимишлія была занята исключительно полковымъ лазаретомъ.

(*) Старшій полковой врачъ Боровскій по болѣзни уѣхалъ въ Россію еще изъ Силивріи, а младшаго врача въ полку не состояло во все. Фельдшера сами были въ числѣ больныхъ.

Богъ знаетъ до какого состоянія дошелъ бы полкъ, остоваясь въ Чимишліи; но по счастью вскорѣ получено было приказаніе о перемищеніе дивизіи въ окресности Унгенъ.

На долю нашего полка выпала дер. Чатырени, представлявшая въ отношеніи природы счастливое исключеніе. Здѣсь суждено было намъ провести 2¹/₂ лѣтнихъ мѣсяца время тяжелаго ожиданія.

Подъ Унгенами.

По приходѣ полка въ Чатырени прежде всего обращено было вниманіе на сохраненіе здоровья людей, не жалѣя для того никакихъ средствъ. Немедленно приступили къ устройству походнаго лазарета: присланные изъ ближайшаго отдѣленія Общества Краснаго Креста два большихъ шатра были раскинуты за деревнею въ полѣ и въ нихъ устроены нары. Прибыли два молодыхъ врача Шинкевичъ и Левандовскій; пополнилась аптека; больныхъ поили чаемъ, молокомъ, кормили яйцами, давали лучшее вино. Къ уменьшенію заболѣванія принимались различныя мѣры. Такъ наприм. всѣхъ мало-мальски заболѣвавшихъ людей отдѣляли отъ здоровыхъ въ особыя палатки и избы. Для устраненія вліянія перехода отъ тепла къ холоду приказано было, передъ заходомъ солнца, надѣвать шинели въ рукава и постоянно носить набрюшники. Нижнимъ чинамъ внушали, чтобы они пили только совершенно чистую воду, прибавляя въ нее сухарей.

Въ пищу клали лимонную кислоту и разныя пряности, въ особенности стручковый перецъ. Люди размѣщались возможно шире. Кромѣ того, для поддержанія болѣе веселаго и бодраго настроенія духа ежедневно по вечерамъ вызывались пѣсельники и играли трубачи. Казалось все было сдѣлано для наилучшаго устройства жизни, на сколько позволяли обстоятельства и средства края; но устранить разомъ вліяніе перенесенныхъ лишеній недавняго похода не было въ силахъ человѣка. И только къ половинѣ Іюля, благодаря неустаннымъ трудамъ и заботамъ со стороны двухъ молодыхъ врачей и всего ближайшаго начальства, мало-по-малу началось пресѣченіе дальнѣйшаго развитія эпидеміи, доходившей уже до ужасающихъ размѣровъ. Число больныхъ стало быстро сокращаться, такъ что ко дню нашего выступленія изъ подъ Унгенъ, полкъ почти совсѣмъ оправился.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, вышло, что не бываетъ худа безъ добра: продолжительная стоянка въ дер. Чатырени, если и была томительна, за то въ смыслѣ физическаго оздоровленіи полка, благодаря ея хорошимъ климатическимъ условіямъ, принесла громадную пользу.

Сама деревня Чатырени, утопавшая въ садахъ, представляла собою громадный поселокъ, въ которомъ, кромѣ нашего полка, былъ расположенъ еще и Сумскій Гусарскій полкъ. Благодаря такой совмѣстной стоянкѣ офицеры обоихъ полковъ настолько сдружились, что не проходило дня безъ обоюдныхъ посѣщеній по очереди: то гусары у насъ, то мы у гусаръ. Не стоитъ говорить о тѣхъ раз-

влеченіяхъ, которыми офицеры старались сократить время невыносимой скуки почти трехмѣсячнаго тяжелаго ожиданія подъ Унгенами. Эти развлеченія играли очень ничтожную роль въ общей картинѣ нашей жизни. Однѣ только поѣздки въ Яссы и Кишиневъ давали еще офицерству кое-какую возможность нѣсколько освѣжиться отъ охватывавшей всѣхъ и каждаго удручающей тоски. Помимо однообразія стоянки на одномъ мѣстѣ, на всѣхъ насъ угнетающе дѣйствовала еще и полная неизвѣстность и томительная неопредѣленность нашего тогдашняго положенія.

Слухи о времени возвращенія на постоянныя квартиры такъ часто оказывались обманчивыми, что подъ конецъ перестали надѣяться, отдавая себя съ полной апатіею въ распоряженіе судьбы.—

Но вотъ стали поговаривать объ окончаніи берлинской конференціи, измѣнившей во многомъ Санъ-Стефанскій договоръ и теперь ждали только ратификаціи, которая и состоялась 3-го Августа.

Вскорѣ послѣ этого получено было приказаніе выступить изъ подъ Унгенъ къ станціи Харьковской ж. д. Бирзулѣ. Вновь явилось жизнерадостное настроеніе.

По приходѣ въ Берзулу мы простояли тутъ до 22-го Августа, когда насталъ желанный день давно ожидаемой посадки въ вагоны для слѣдованія на постоянныя квартиры.

При объявленіи чинамъ полка о посадкѣ и возвращеніи по домамъ, они довольно скептически отнеслись къ этой давно желанной мечтѣ. Какъ-то не вѣрилось, что-бы это было. Неподдѣльная радость выразилась на лицахъ утомленныхъ долгимъ ожиданіемъ людей только въ моментъ отхода поѣзда со станціи.

Чувство волновавшее всѣхъ при извѣстіи о посадкѣ было настолько сильно, что надо было этому перейти въ дѣйствительность, чтобы отдаться вполнѣ охватившему всѣхъ радостному состоянію духа. И оно дѣйствительно вырвалось наружу въ томъ дружномъ, могучемъ „ура", которымъ огласилась станція нашего отправленія.—

По желѣзнымъ дорогамъ полкъ слѣдовалъ эшелонами до г. Твери, а отсюда направился походнымъ порядкомъ въ г. Ржевъ, куда и прибылъ 8-го Сентября.

Многочисленное населеніе г. Ржева и его окрестностей, выйдя далеко на встрѣчу полку, привѣтствуя уланъ, буквально осыпало ихъ цвѣтами и вѣнками. Городъ и площадь были украшены флагами и щитами съ надписями: „Адріанополь" „Чорлу" „Балканы".

По окончаніи молебна, городскимъ Головою Берсеневымъ былъ прочитанъ адресъ отъ города, а предводитель дворянства С. Е. Ланской поднесъ полку хлѣбъ-соль

на серебряномъ блюдѣ съ надписью: 1-му Уланскому С.-Петербургскому Е. В. Короля Баварскаго полку,—отъ дворянъ Ржевскаго уѣзда (*)

Затѣмъ полку предложено было угощеніе, по окончаніи котораго эскадроны съ пѣснями разошлись на зимнія квартиры.—

Съ радостнымъ чувствомъ вызываю я память объ этомъ днѣ. Какъ жителями г. Ржева, такъ и вообще населеніемъ всѣхъ пунктовъ, находившихся на пути нашего обратнаго слѣдованія по Россіи, полку были оказаны на столько радушныя встрѣчи, что приходилось слышать отъ солдатиковъ: „Ну, ужъ Ваше Благородіе, кажись еще бы разъ отмахалъ въ Туретчину: ужъ больно хорошо принимаютъ насъ.„.—И не знаетъ, добрякъ, того, что онъ достоинъ еще большаго.

Исполать тебѣ, Православный воинъ!

Днемъ прибытія на постоянныя квартиры я кончаю свой разсказъ объ участіи 1-го Уланскаго, нынѣ 2-го Драгунскаго С.-Петербургскаго полка въ событіяхъ послѣдней войны. Удалось-ли мнѣ обрисовать это участіе надлежащими красками—судить не мнѣ.

(*) Блюдо это хранится въ Полковомъ Офицерскомъ Собраніи.

Стремленіе къ истинѣ и къ трезвой оцѣнкѣ совершенной полкомъ во время минувшей войны честной боевой работы, заставили меня въ моемъ разсказѣ воздерживаться какъ отъ восторженныхъ восхваленій, такъ и отъ спѣшныхъ порицаній.

Что полкъ имѣетъ неоспоримое право гордиться тѣмъ участіемъ, которое выпало на его долю, доказывается, между прочимъ, выдержкою изъ приказа по авангару авангарда дѣйствовавшей арміи отъ 29-го Января 1878 года за № 37, въ которомъ говорятся: „. . . . Наконецъ, смѣю высказать, что *полкамъ 1-ой Кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія, предвѣстника славнаго мира* . . . .“—

Да будутъ эти слова внесены золотыми буквами на страницу Исторіи доблестнаго полка, и да послужатъ онѣ правдивымъ и живымъ свидѣтельствомъ о выпавшемъ на долю Петербуржцевъ славномъ жребіи.—

Подполковникъ **А. Ивановъ.**

г. Ржевъ
5-го Апрѣля 1896 года.

Приложенiе Г.

О НАГРАДАХЪ.

За молодецкую боевую службу въ эту Кампанiю полку Высочайше пожалованы ШИТЫЯ ПЕТЛИЦЫ на мундиры Гг. Штабъ и оберъ-офицеровъ, при слѣдующей Грамотѣ:

Нашему 1-му Уланскому С.-Петербургскому Его Величества Короля Баварскаго полку.

,,Въ ознаменованiе особеннаго Монаршаго благоволенiя Нашего за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-мъ Уланскимъ С.-Петербургскимъ Его Величества Короля Боварскаго полкомъ въ Турецкую войну 1877-78 годовъ, Всемилостивѣйше жалуемъ Штабъ и оберъ-офицерамъ означеннаго полка петлицы за военныя отличiя на мундиры и Павелѣваемъ петлицы сiи носить по установленiю.

Въ Царскомъ селѣ
21 Iюля 1878 г.

Александръ.

Всѣ офицеры и классные чиновники полка получили по двѣ и по три награды.

Въ память войны учреждена свѣтло-бронзовая медаль съ надписью: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему“, выданная участникамъ войны.

Шефомъ полка пожаловано:

13 офицерскихъ крестовъ, 4 медали и 4 креста нижнимъ чинамъ, при Грамотѣ:

Командиру 1-го Уланскаго С.-Петербургскаго полка.

Посылаю Вамъ Г. Полковникъ Всемилостивѣйшую благодарность и поздравляю сердечно Васъ и полкъ съ роскошными лаврами, которые Вы стяжали въ жаркихъ битвахъ послѣдней кампаніи.

Примите мое Королевское привѣтствіе.

г. бергъ.

Людвигъ.

СПИСОКЪ.

Гг. офицерамъ и классным чиновникамъ, участвовавшимъ съ полкомъ въ Турецкой войнѣ 1877-78 г.г.

Командиръ полка Полковникъ Василій Захаровичъ Б а л к ъ.

Командиры дивизіоновъ:

Перваго Полковникъ Михаилъ Андреевичъ К р і у ш е н к о. 1-й.

Втораго Подполковникъ Аѳанасій Андреевичъ К р і у ш е н к о 2-й.

Командиры эскадроновъ:

Перваго Ротмистръ Князь Михаилъ Александровичъ Д о н д у к о в ъ-К о р с а к о в ъ.

Втораго	Маіоръ Антонъ Робертовичъ Роговскій.
Третьяго	Ротмистръ Иванъ Фроловичъ Свѣтъ.
Четвертаго	Маіоръ Александръ Николаевичъ Искендеръ-Бекъ.

Офицеры:

Ротмистръ	Семенъ Михайловичъ Шавердовъ.
»	Михаилъ Павловичъ Базилевскій.
Шт. Ротм.	Алексѣй Петровичъ Фроловъ-Багрѣевъ.
Поручики:	Борисъ Григорьевичъ Тюряковъ.
	Илья Ивановичъ Васильевъ.
	Алексѣй Валеріановичъ Величко.
	Николай Петровичъ Пятницкій.
	Александръ Николаевичъ Ивановъ.
	Дмитрій Порфиріевичъ Сухотинъ.
Корнеты:	Сергѣй Уосаоровичъ Мартьяновъ.
	Николай Александровичъ Лукутинъ.

Георгій Ильичъ Ограновичъ.

Николай Николаевичъ Зворыкинъ.

Евграфъ Евграфовичъ Чевакинскій.

Всеволодъ Илларіоновичъ Покровскій.

Сергѣй Васильевичъ Померанцевъ.

Дмитрій Андреевичъ Ѳедотовъ.

Леонидъ Дмитріевичъ Безсоновъ.

Андрей Алексѣевичъ Гришинъ.

Михаилъ Ѳеофиловичъ Жуковскій-Волынскій.

Александръ Александровичъ Дурново.

Александръ Адріановичъ Левинъ.

Александръ Александровичъ Чернопятовъ.

Иванъ Николаевичъ Евреиновъ.

Корнеты:	Иванъ Гебель.	Произведены изъ вольноопредѣляющихся безъ экзамена за отличіе.
	Анатолій Герке.	
	Сергѣй Ивановъ.	
	Иванъ Баньковскій.	

Полковой Священникъ Протоіерей Симеонъ Бѣлявскій.

Старшій врачъ Александръ Ивановичъ Боровскій.

Ветерин. врачъ Василій Савельевичъ Кролевецкій.

Дѣлопроизводитель Василій Осиповичъ Жуковъ.

Приложеніе III.

СПИСОКЪ.

нижнимъ чинамъ, награжденнымъ знаками Военнаго ордена Св. Георгія 4-й степени.

Вахмистры:	Александръ	Михалевъ.
	Никита	Гавриловъ.
	Никита	Ферапонтовъ.
Унтеръ-офицеры:	Матвѣй	Рыбаковъ.
	Александръ	Долгополовъ.
	Анисимъ	Бердиковъ.
	Осипъ	Свѣтловъ.
	Иванъ	Дмитріевъ.
	Яковъ	Семеновъ.
	Петръ	Ниловъ.
	Иванъ	Голубевъ.
	Илларіонъ	Плетминцевъ.
	Артемій	Новожиловъ.
	Дмитрій	Филатовъ.

	Филиппъ	Токаревъ.
	Егоръ	Павловъ.
	Федоръ	Романовъ.
	Макаръ	Париковъ.
	Власъ	Проворовъ.
	Степанъ	Быковъ.
Ефрейторы:	Алексѣй	Градовъ.
	Андрей	Маіоровъ.
Рядовые:	Матвѣй	Тарасовъ.
	»	Адріановъ.
	Федоръ	Ульяновъ.

Приложеніе IV.

СПИСОКЪ

нижнимъ чинамъ, получившимъ Баварскіе кресты и медали, пожалованные Его Королевскимъ Величествомъ, Шефомъ полка.

Вахмистры:	Михаилъ	Осиповъ	Кресты.
	Александръ	Михалевъ.	
	Никита	Гавриловъ.	
Унтер.-офицеры:	Павелъ	Рядозубовъ.	

	Иванъ	Ловягинъ.	Медали.
	Яковъ	Ершовъ.	
Аптеч. фельдш.	Федоръ	Честной.	
Рядовой	Илья	Чернягинъ.	

Приложеніе V.

СПИСОКЪ

выбывшимъ изъ строя убитыми и ранеными.

Рядовые:	Петръ	Степановъ.	Убиты.
	Антонъ	Сицярекъ.	
	Петръ	Тураевъ.	
	Михаилъ	Шувакинъ.	
Фельдшеръ	Гавріилъ	Чистяковъ.	

Рядовые:	Петръ	Карклинъ.	Ранены.
	Иванъ	Глозуновъ.	
	Петръ	Даниловъ.	
	Федоръ	Ульяновскій.	
	Феофанъ	Зиновьевъ.	
	Тимофей	Козловъ.	
	Василій	Андреевъ.	
	Матвѣй	Кудрявцевъ.	

Приложеніе № VI.

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Дѣйствующей Арміею.

Генералъ-Лейтенанту *Дохтурову*.

Поздравляю съ походомъ, твоя дивизія также поступаетъ ко мнѣ въ дѣйствующую армію Оффиціальное распоряженіе послѣдуетъ за симъ.

Николай.

Горный Студенъ
1877 г.
2 Августа 8 ч. 23 м. по полудни.

Приложенiе VI.

ДИСПОЗИЦIЯ

для боя подъ Шейновомъ 27 декабря.

Для подготовленiя атаки стрѣлковымъ огнемъ назначаются: 9-й и 11-й стрѣлковые батальоны и батальонъ Углицкаго полка, вооруженный турецкими ружьями Пибоди.

Въ частномъ резервѣ: 3 бригады болгарскаго ополченiя и горная ботарея. Командованiе всѣмъ этимъ отрядомъ поручается Флигель-Адъютанту Полковнику Графу Толстому.

Во второй линiи 3-я и 4-я дружина болгарскаго ополченiя и Углицкiй пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ Генераль-маiора Столыпина.

Въ общемъ резервѣ полки: Владимiрскiй, Суздальскiй, Казанскiй подъ начальствомъ Генералъ-маiора Томиловскаго.

1-й Драгунскій. 1 Уланскій, 1-й 9 казачьи полки, уральская сотня и конники болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Дохтурова, занявъ мелкими частями деревни на правомъ флангѣ, развертываются на правомъ флангѣ боеваго расположенія.

Во время боя назначеніе кавалеріи охранять правый флангъ общаго боеваго порядка, зорко слѣдить за всѣми движеніями противника и, маневрируя на казанлыкскую дорогу, искать связи съ отрядомъ Генералъ-Лейтенанта Князя Мирскаго; въ случаѣ отступленія непріятеля, преслѣдовать его самымъ энергичнымъ образомъ.

Общая цѣль боя—Шейновскій укрепленный лагерь.

Наступленіе уступали съ праваго фланга.

Я буду находиться въ началѣ боя при передовомъ отрядѣ,-впослѣдствіи-при общемъ резервѣ.

Перевязочный пунктъ въ дер. Иметлій

Пункты расположенія частей пѣхоты будутъ указаны Начальникомъ Штаба Полковникомъ Графомъ Келлеромъ.

Генералъ-Лейтенантъ *Скобелевъ* 2-й.

Приложеніе VII.

ПРИКАЗЪ

Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею.

№ 260 **30 Декабря 1877 г.**

О доблестяхъ войскъ ввѣренной ему арміи.

Великое, безпримѣрное дѣло совершено вами.

Прошелъ только мѣсяцъ послѣ того что взята Плевна со всею непріятельскою арміею, а вы уже за Балканами, разбивъ армію непріятеля въ долинѣ Софіи, овладѣвъ непріятельскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ „Орлиное гнѣздо" на высочайшемъ Троянскомъ перевалѣ и, наконецъ, полонивъ цѣлую армію на Шипкѣ.

Ни суровая зима съ трескучими морозами, ни бездорожье въ горахъ, ни бури, ни мятели не остановили меня отдать вамъ приказъ перейти горы. Я твердо вѣрилъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, когда онъ знаетъ, что того желаетъ Царь, что то приказано начальникомъ — И вы пошли. Одни карабкались на скалы,

зарывались въ снѣгу, заледенѣлые, обрываясь на острые каменья; иной разъ безъ хлѣба, безъ огня лезли впередъ, тащили на своихъ плечахъ орудія; били и полонили врага.

Тамъ гдѣ и привычные горцы не могли проходить–прошли русскіе полки, орудія, водрусились русскіе знамена. Другіе, занесенные снѣгомъ, отбивались отъ врага, который хотѣлъ прорваться и помѣшать движенію, или сами лихимъ наступленіемъ удерживали врага. Третьи по поясъ въ ледяной водѣ боролись съ бурнымъ Дунаемъ, что–бы удержать переправу.

Каждый исполнилъ свой долгъ честно и безропотно. Весь свѣтъ удивится вамъ, а въ матушкѣ Россіи уже гудятъ колокола и въ церквахъ Божіяхъ народъ міромъ молится за здравіе и славу вашу.

Отъ меня, герои, за всю вашу безпримѣрную службу, за лишенія и терпѣніе, за ваше мужество и храбрость, примите задушевное „спасибо"

Не нахожу словъ, чтобы отблагодарить васъ Начальники, Генералы и офицеры. Всѣ вы раздѣляли съ солдатомъ лишенія и труды,—какъ простые рядовые и служили личнымъ примѣромъ исполненія долга. Сердечное спасибо тебѣ, безропот-

ному, безустанному, храброму, русскому солдату. Съ тобою для меня нѣтъ преградъ, нѣтъ невозможнаго. Еще усиліе и нѣтъ сомнѣнія что мы славно докончимъ возложенное на насъ великое дѣло во славу Царя и матушки Россіи.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Главнокомандующій Дѣйствующею арміею,
Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части
и всей кавалеріи

Николай.

ПРИКАЗЪ

По войскамъ Дѣйствующей арміи

№ 4.

Главн. квартира г. Адріанополь

24-го Янв. 1878 года.

Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи!

Когда перешагнули вы черезъ Балканы, я, несмотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій. И, вы не пошли, а полетѣли. Менѣе нежели въ мѣсяцъ вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли чуть ли не къ стѣнамъ Царь-града. По пути, какъ-бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нее всю артиллерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля-Адріанополь и появились на берегахъ Чернаго, Мрамарнаго и Егейскаго морей.

Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ наши требованія и Я остановилъ васъ.

Такіе блистательные небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью. но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести всѣ труды и лишенія.

Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ.

Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ герои отъ самыхъ старшихъ Начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то, что подсилу только богатырямъ.

Отдыхайте-же теперь и приготовтесь возвратиться со славою домой; но, если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира.—будьте готовы снова ринуться въ бой. чтобы доканать его.

А пока мы будемъ отдыхать; докажите, что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твер-

дой охраной для мирныхъ жителей, какой-бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести и покажите что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли бы наложить малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія.

Главнокомандующій Дѣйствующею арміею Генералъ-Инспекторъ кавалеріи и по Инженерной части

Николай.

Приложеніе IX.

ПРИКАЗЪ

По Авангарду Дѣйствующей арміи.

22 Февраля 1878 г.

Войска ввѣреннаго мнѣ авангарда!

Послѣ славной побѣды подъ Шейновымъ, гдѣ вы уничтожили 60 непріятельскихъ батальоновъ, взяли 104 орудія вы не шли, а долетѣли до Константинополя.

Ваше молодечество преодолѣло всѣ трудности и, когда вы предъ стѣнами Царьграда грозно предстали передъ непріятелемъ, побѣжденная Турція просила у нашего Главнокомандующаго мира. 19-го Февраля въ 6 часовъ вечера подписанъ славный миръ между Турціею и Россіей—миръ, купленный дорогою цѣною вашихъ усилій и вашей крови.

Отнынѣ мы стоимъ сдѣсь въ странѣ дружественной. Отношенія наши къ побѣжденному народу

должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не умѣло бить лежачаго врага. Я не сомнѣваюсь, что всѣ чины ввѣренныхъ мнѣ войскъ вполнѣ поймутъ, ихъ новыя отношенія, которыя, со дня заключенія мира, должны существовать между нами и жителями той страны, которую занимаютъ русскія войска.

По приказу Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго объявляю, что всякое мародерство или насиліе относительно жителей, въ какомъ бы ничтожномъ размѣрѣ оно ни проявилось, повлекутъ за собою взысканія съ виновныхъ по всей строгости законовъ военнаго времени. Но, кромѣ того, Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволитъ смотрѣть на подобный случай какъ на доказательство недостаточнаго вліянія Начальника на подчиненныхъ, а потому и предписалъ подвергать отвѣтственности, кромѣ непосредственно виновныхъ, еше начальника той части, въ которой безпорядокъ проявится.

Я убѣжденъ, что ввѣренныя мнѣ храбрыя войска. не покроютъ своей безсмертный славы несоотвѣтствующимъ поведеніемъ въ мирное время и, помня, что одна паршивая овца можетъ испортить все стадо, будутъ сами строго слѣдить за тѣми

изъ нихъ, которыя могли бы поддаться искушенію затемнить дорогое намъ доброе о насъ мнѣніе Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Генералъ-Лейтенантъ *Скобелевъ.*

